

В. В. Радаев

КАК

ОРГАНИЗОВАТЬ
И ПРЕДСТАВИТЬ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ПРОЕКТ

В.В. Радаев

КАК

ОРГАНИЗОВАТЬ И ПРЕДСТАВИТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

75

**простых
правил**

ГУ-ВШЭ — ИНФРА-М

Москва 2001

Предисловие

О чем эта книга. — Зачем эта книга. — Для кого эта книга. — Откуда эта книга. — О структуре книги.

У Вас появилась хорошая идея, и Вы хотите начать свой (пусть небольшой, но собственный) исследовательский проект. При этом у Вас нет ни денег на этот проект, ни армии помощников, которые взяли бы на себя рутинную часть работы. Вы готовитесь сделать первый шаг, но сомневаетесь, все ли Вами правильно просчитано. Или Вы уже знаете, с какой стороны подойти к делу, и собираетесь писать заявку в какой-нибудь фонд, чтобы получить финансирование. А может, Вы уже провели грамотное исследование, теперь нужно садиться и писать работу — диссертацию, книгу. А пока Вы доделываете статью для солидного журнала. Или готовитесь обсуждать с придирчивыми коллегами уже написанный труд. Наконец, Вы студент или студентка, с Вас требуют все большее количество письменных работ (рефератов, эссе, курсовых), и Вам хотелось бы лучше знать стандартные требования.

Словом, Вам нужен совет, но обращаться лишний раз к занятым людям неудобно. Да и повод кажется каким-то “несерьезным”, мелким. Во всех таких случаях Вы попали по адресу — эта книга для Вас.

О чем эта книга

Эта книга — о простых вещах. О том, что мы понимаем с полуслова, и о чем столь же легко забываем. Это вещи, о которых мы особенно не задумываемся. Это грабли, на которые мы постоянно наступаем, подобно очередному анекдотическому персонажу, — не столько больно, сколько обидно.

Мы будем говорить о том, что так легко понять, но так нелегко сделать. Есть правила, которые приходится повторять многократно, и вовсе не потому, что люди не в состоянии их усвоить (напротив, многие обижаются: “Зачем вы повторяете, это и так очевидно!”). Между тем, ничто не дается нам так трудно, как самые простые вещи. И не потому, что они не понятны или особо сложны для исполнения, а потому, что их много, и каждая из них кажется малозначимой. Мы привыкли концентрироваться на “главном” — на идеях или на нехватке ресурсов, а “неглавное” оставляем на потом. В результате мы постоянно “прокалываемся” на мелочах, ибо на них как раз и не хватает времени. “Потом” не наступает, а есть одно бесконечное “сейчас”. Между тем, именно мелочи способны погубить любое самое хорошее начинание. А ведь нужно было всего-то потратить час времени.

Что отличает профессионала в любом приличном деле от любителя (“чайника”)? То, что он более умный и больше знает? Особый полет творческой мысли? Вовсе не обязательно. Отличие профессионала в том, что он(а) придерживается стандартных процедур и пытается контролировать одновременно десятки мелочей, причем делает это упорно и последовательно. И основной призыв этой книги формулируется в первом и самом коротком правиле.

Правило 1. Внимание к мелочам!

Так о чем же эта книга? О том, как грамотно составить заявку на получение исследовательского гранта и написать внятную программу исследования, как подготовиться к полевым работам и оценить полученные данные, как написать стройный отчет о результатах проекта и выгодно представить его профессиональной аудитории. О том, как продвигаться в рамках проекта и успешно завершить полный проектный цикл — от возникновения интересной идеи до преподнесения полученного результата. При этом мы не будем углубляться в такие необъятные профессиональные вопросы, как статистические измерения и анализ данных. Мы полагаемся в данном случае на специальную литературу, в которой они весьма подробно изложены. Здесь не будут разворачиваться также многочисленные теоретические подходы. Мы ограничимся в основном организационно-содержательной рамкой проектной деятельности.

Зачем эта книга

В самом деле, зачем было писать еще одну книгу, когда есть уже столько других? Допустим, среди них много откровенной макулатуры, но есть ведь немало хороших и умных изданий. К нашим услугам целые тома про то, как организовать социологическое исследование, и про то, как написать кандидатскую диссертацию. И в каждой можно найти что-то полезное. Поэтому сразу хочется заявить, что данная книга *не* предлагается взамен существующих специальных изданий. Более того, многие важные вещи в ней не отражены.

Наша книга предлагается *не вместо, а вместе* с другими. Чем она отличается от других? Скорее всего, особым ракурсом и стилем повествования. Многие из известных нам книг либо слишком формальны, насыщены абстрактными классификациями и идеальными конструкциями или набиты техническими деталями. В них много говорится, с одной стороны, об уровне содержательных идей, а с другой стороны, об уровне исполнительских стандартов, как они должны выглядеть в идеале. Мне кажется, что между первым и вторым уровнями возник заметный разрыв. В итоге нам не всегда ясно, как приступить к делу *практически*, как сделать первый, затем второй шаг. Что предпринять, если в реальной жизни идеальные стандарты соблюсти невозможно. Чем можно поступиться без серьезного ущерба для дела, а в чем нужно стоять до конца. Где нас поджидают хитрые ловушки, и как выбраться из таких ловушек, не потеряв своего лица и профессиональной чести.

Книги, к которым мы привыкли, рассказывают нам о том, как *должно* быть, как ведет себя некий идеальный социолог или экономист, “чистый” *homo academicus*. Они практически ничего не говорят нам о том, как это *делают* конкретные живые исследователи из плоти и крови — с их заблуждениями и готовностью к неизбежным компромиссам. Мы же постараемся сопоставлять высокие профессиональные требования с привычной практикой повседневной исследовательской работы.

Эта книга, таким образом, не об идеальных формах и не о высоких идеях, а о ремесле. Она фокусируется на неизбежных *трудностях*, с которыми мы сталкиваемся, задумывая или воплощая свои исследовательские проекты, приступая к написанию работ. Она служит путеводителем по *типичным ошибкам*, которые, увы, совершаются с завидной регулярностью.

В чем особенность этой книги? Она практически целиком выстроена на основе *личного опыта* автора и его коллег. Она рассказывает о наших собственных трудностях и ошибках, которые были допущены или которых, по счастью, удалось избежать. Она опирается, таким образом, не столько на книжные предписания (важность которых мы ни в малейшей степени не отрицаем), сколько на отрефлексированное практическое знание.

Откуда взялось это знание? Из разного рода опыта. За последние десять лет нам с коллегами удалось реализовать около полутора десятков исследовательских проектов. Они начинались с “голой” идеи и проводились через все стадии исследовательского процесса, непременно включая эмпирические обследования — количественные и качественные. Приходилось продумывать все — от крупных вещей до мелких деталей. Кроме этого, посчастливилось преподавать в лучших учебных заведениях — Московской высшей школе социальных и экономических наук, Европейском университете в Санкт-Петербурге, Государственном университете — Высшей школе экономики. Накапливался преподавательский опыт, прослушана масса выступлений, прочитано множество письменных работ, в которых, что греха таить, постоянно воспроизводятся одни и те же ошибки. Пришлось также поработать экспертом в нескольких столичных фондах, когда на протяжении ряда лет знакомился с десятками исследовательских заявок. Они содержали немало совершенно типичных изъянов, мешающих грамотным людям получить желаемое финансирование. Наконец, самим автором опубликовано изрядное количество работ и написано много успешных заявок.

Время зачехлять боевое оружие и переходить из игроков в тренеры еще не пришло. Тем не менее хотелось бы поделиться накопленным опытом, и я буду рад, если что-то окажется полезным. Конечно, всякий личный опыт ограничен. Нельзя знать все на этом свете, а освоить все практически нельзя и подавно. Но, Вы согласитесь, личный опыт имеет и свои немалые преимущества.

Эта книга более неформальна, нежели тексты, которые нам приходилось читать до сих пор. Во-первых, повествование идет от первого лица, даже в тех случаях, когда даются совершенно безличные (порою сухие и нудные) правила. Это не истина в последней инстанции, а, скорее, личные советы. Одни ими воспользуются, другие пройдут мимо. Во-вторых, мы постараемся коснуться некоторых деликатных материй. В нашем ремесле есть вещи, о которых не принято говорить и, тем более, писать в пособиях о том, как стать умным и успешным. А между тем некоторые из этих вещей могут оказаться решающими. И если мы не выберем правильный

ориентир, то можем “погореть” — наша статья будет отложена в долгий редакторский ящик, а заявку отклонят эксперты очередного фонда. Разумеется, мы не вправе раскрывать конфиденциальную информацию и не собираемся критиковать конкретные учреждения. Мы лишь хотим приоткрыть дверь на профессиональную кухню и подкинуть несколько нехитрых рецептов.

Для кого эта книга

Эта книга обращена в первую очередь к социологам и экономистам, ибо она выросла из опыта экономико-социологических исследований. Однако она пригодна и для всех других наших собратьев по академическому перу и живому авторскому слову. Ибо, за исключением главы о специфических методах подготовки полевых исследований, она повествует об общих правилах и стандартах профессиональной работы.

Эта книга для тех, кто уже многое знает и многое умеет. Поэтому мы не будем объяснять, как это делается в учебных пособиях, что такое программа исследования или в чем отличие стандартизованного опроса от фокусированного интервью. Мы обращаемся в первую очередь к тем, кто задумывает и реализует исследовательские проекты. Это могут быть молодые специалисты, аспиранты, магистры, студенты старших курсов. В то же время многие вещи окажутся полезными и для матерых исследователей — как лишнее напоминание о сложностях ремесла.

Одним словом, перед Вами вариант “поваренной книги” для исследователя, свод практических советов (то, что по-английски называется “tips”). Соблюдение всех изложенных в ней требований и правил не сделает нас великими “кулинарами ученого слова”. Однако их несоблюдение сильно повышает риск того, что нами будет предложено нечто несъедобное.

В любом случае — это книга для профессионалов или будущих профессионалов.

Откуда эта книга

В мае 1999 г., направляясь в Гарвардский университет, мы встретились с социологом Олегом Хархординым — в то время деканом факультета социологии и политических наук Европейского университета

в Санкт-Петербурге. Он обратился ко мне с неожиданным предложением: прочитать в их университете отдельный курс по “социологическим методам”. Я шарахнулся от него в крайнем изумлении, ибо никогда не считал себя специалистом в области сбора и анализа социологических данных, не читал подобного курса и не собирался его готовить. Однако вскоре выяснилось, что речь идет совсем о другом. Магистры Европейского университета замучили преподавателей вопросами о том, как организовать свое исследование, как писать и оформлять итоговые работы. Возникла мысль: а не рассказать ли им это всем сразу — в более или менее систематическом виде?

Еще не вполне понимая, о чем и как нужно говорить, я тем не менее согласился. Ибо почувствовал, что такой курс дает редкую возможность понять, чем ты, собственно, занимаешься, и проверить, способен ли ты отрефлексировать свой личный опыт. Несколько смущало то, что, в отличие от всех прочих лекционных курсов, у меня отсутствовали какие-либо авторские тексты и было начитано слишком мало специальной литературы. Преодолев смущение, я приступил к работе, которая выглядела так: готовясь к каждой теме, я садился и вспоминал, что мне самому приходилось делать и какие трудности я испытывал в решении тех или иных практических вопросов. А поскольку разнообразного опыта к тому времени было уже предостаточно, результаты рефлексии полились бурным потоком. Оставалось только как-то упорядочить этот поток и придумать, как организовать практическую работу на семинарах.

Прочитанный в результате курс оказался, безусловно, интересен для меня и, кажется, понравился слушателям (декан не ошибся в своих предсказаниях).

Как Вы уже догадались, эта книга написана по материалам петербургских бесед.

О структуре книги

Наше изложение подчинено логике организации и презентации исследовательского проекта. Книга начинается с того, как нужно писать программу исследования и заявку потенциальным спонсорам. Этому посвящена первая глава книги. Затем наступает пора готовиться к организации “поля” и выходу в поле интервьюеров. Нужно выстроить полевые работы так, чтобы не растратить без толку столь дефицитные время и деньги. Об этом повествуется во второй главе. Когда данные собраны и проанализированы, возникает

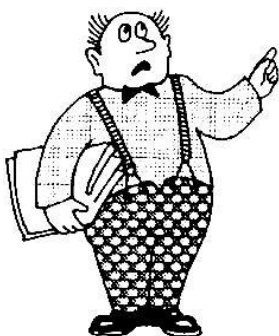
проблема их систематического изложения. Сначала мы пишем относительно небольшие работы — отчеты, статьи, учебные эссе и курсовые. Правила написания этих работ разбираются в третьей главе. Затем статьи и эссе начинают складываться в нечто большее, возникают контуры более крупной работы — диссертации или книги. Правила построения крупных работ освещаются в четвертой главе. Здесь также даются советы по организации защиты диссертаций. Многочисленным правилам оформления итоговых работ посвящена самая длинная, пятая глава. Параллельно с завершением текста мы начинаем знакомить с результатами работы профессиональную общественность. Соответственно, в шестой главе речь пойдет о правилах устной презентации проекта. Наконец, в последней, седьмой главе мы позволим себе отойти от описания формальных и неформальных правил организации исследовательской работы и проникнуть в область идейных принципов, связанных с определением профессионального кредо исследователя. Речь пойдет о крайне дискуссионном вопросе, касающемся возможностей использования западных концепций в российских исследованиях. В каждой главе выделяются основные правила, большая часть которых служит предписанием для профессионального исследователя. А после каждой главы мы обращаемся к читателю с вопросами-напоминаниями.

В заключение добавим, что эта книга (пожалуй, кроме последней главы) не для вдумчивого чтения. Она может пригодиться для того, чтобы время от времени пробежать ее по диагонали — не забыто ли что-нибудь по занятости или недоразумению.

Пользуясь случаем, хотелось бы еще раз поблагодарить Европейский университет в Санкт-Петербурге за предоставление столь необычной возможности и, особо, слушателей магистратуры, которые стали творческими соучастниками новой работы.

Выскажу отдельную благодарность Ю.Ю. Каменской за замечания по шестой главе, А.Ф. Филиппову за замечания по седьмой главе и Т.П. Казанцевой за замечания по всему тексту рукописи, а также О.Г. Окороченко за неоценимую помощь в технической подготовке первоначального текста.

Книга подготовлена в рамках проекта “Совершенствование социологического образования на базе современных информационных технологий” Московской высшей школы социальных и экономических наук при поддержке Национального фонда подготовки кадров.

Глава 1

ПРАВИЛА НАПИСАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА И ЗАЯВКИ НА ЕГО ФИНАНСИРОВАНИЕ

Нужно ли писать исследовательскую программу. — Нет ничего более сложного, чем постановка проблемы. — Как сформулировать проблему, цель и задачи исследования. — Следует ли расширять объект исследования. — Нужно ли подчеркивать оригинальность проекта. — Насколько вредны гипотезы. — Раскрывать ли методы сбора данных. — Есть ли у нас планы и заделы. — Как бороться со сметой. — Как получить деньги на проект. — Памятка по составлению рекомендаций. — Что будет после окончания проекта

Нужно ли писать исследовательскую программу

Мы замысливаем новый проект. Нужно ли писать программу нашего исследования? То есть не просто обдумывать, набрасывая нечто “на коленке”, а буквально — делать специальный проектный текст? Любой из нас, не задумываясь, скажет: “Конечно, нужно!” И многие ли это реально делают, обстоятельно и добросовестно, если, разумеется, того не требует начальник, спонсор или научный руководитель? Таких “героев” придется искать, и поиск, боюсь, будет мучителен и долог.

Интересно, что в советское время исследовательские программы писались очень подробным образом. По молодости лет мне не довелось участвовать в написании подобных документов, но приходилось

листья увесистые тома с весьма детальным описанием того, что люди планируют делать. Конечно, это шло по административно-командной линии, но помимо бюрократических маразмов подобная работа содержала ценные элементы общей профессиональной культуры.

Сегодня, к счастью, административных требований по поводу программной работы во многих случаях не предъявляется. Так зачем же писать исследовательскую программу, если на этот счет нет никаких предписаний, если, как нам кажется, без этого можно обойтись, сэкономить драгоценное время? Прежде всего для того, чтобы самим понять, что и как мы собираемся делать. Нам кажется, что в голове у нас все разложено по полочкам. Но слишком часто это оказывается самообманом, который с легкостью рассеивается, стоит только начать писать. Как только у нас возникает желание изложить нашу (безусловно, замечательную) идею так, чтобы это было понятно не одному только автору, происходит столкновение с массой мелких трудностей. Выясняется, что в нашем плане слишком много прорех, которые появляются при первых же попытках ответить на самые наивные профессиональные вопросы.

Начиная первые проекты, я убедился, что нет ничего полезнее, чем описание общего замысла на двух стандартных страницах — в жесткой форме, т.е. кратко и понятно. Для того чтобы выполнить подобное “упражнение”, не говоря уже о написании полной программы, нужно многое продумать и для себя решить. Иными словами, исследовательская программа — это дисциплинирующий документ, который заставляет нас собрать вместе собственные мысли и разложить инструменты перед готовящейся исследовательской операцией¹.

У программного документа, впрочем, есть и другая важная функция — объяснить умным людям свои намерения. Разумеется, если мы хотим получить дельный совет, а не морочить голову и демонстрировать свою “крутизну”. Схватить кого-то за пуговицу в коридоре и объяснять битых полчаса человеку, который первый раз слышит о нашем проекте, что мы собираемся делать, — значит, без особой пользы тратить время свое и чужое. Умные люди —

¹ Описание того, как подходить к составлению исследовательской программы, см. также: Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1995. С. 42—80. Среди других источников см., например: Основы прикладной социологии: Учебник для вузов / Под ред. Ф.Э. Шереги и М.К. Горшкова. М.: ИНТЕРПРАКС, 1996. С. 17-23.

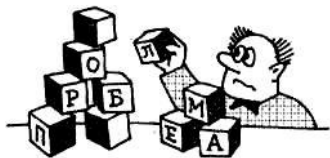
занятые люди, они завалены десятками разных дел, да и воспринимать на слух чужие построения — не самая благодарная задача (тем более, что есть люди, которые вообще предпочитают читать тексты, нежели слушать). Конечно, нас вежливо выслушают, но дело может тем и кончиться. А ведь совет нам не повредил бы, особенно в самом начале исследования, когда каждый шаг может обернуться выигрышем или потерями. Мы кровно заинтересованы в том, чтобы не держать идею в голове и не дожидаться окончания исследования, когда нам уже никто не в состоянии помочь. Несомненно, лучший способ предохраниться от нелепостей и случайностей — это обсуждение наших планов, из чего вытекает следующее правило.

Правило 2. Чем больше коллег мы сумеем вовлечь в диалог по поводу наших замыслов, тем лучше окажется проект.

Короткая, но вразумительная программа исследования способна в значительной степени облегчить эту задачу.

Наконец (если еще остались сомневающиеся в необходимости такой программы), внятный документ понадобится нам, когда мы соберемся писать заявку в какой-нибудь фонд с намерением получить там деньги на исследование. К вопросу о том, как это делать, мы вернемся чуть позже.

Итак, программа-минимум — это две страницы плотного текста. С нее и следует начинать. Затем пишется более полный программный документ — на 10—12 страниц. На какие вопросы в нем нужно ответить? На этом мы остановимся более обстоятельно.

**Нет ничего более сложного,
чем постановка проблемы**

Обычно люди не видят решительно никаких трудностей и части постановки проблемы. В девяноста пяти процентах случаев предлагаются дежурные заходы про “актуальность выбранной темы”, т.е. выливается определенное количество воды, достаточное для соблюдения ритуала обоснования собственной деятельности. Считается, что проблема указана уже в самом заголовке будущей работы. Например, мы хотим исследовать безработицу или бедность. Сразу, не

долго думая, начинаем писать общие фразы о том, как в ходе реформ в постсоветской России появился отряд безработных, как он неумолимо растет, как он обретает женское (вариант: мужское) лицо. Из этого делается очевидный вывод, что, во-первых, проблема актуальна, а во-вторых, наш исследовательский проект крайне необходим. Между тем все это весьма сомнительно, ибо такое изложение, как правило, никакую проблему не содержит. То, что у нас есть безработные и бедные, известно каждому, об этом можно прочитать в любой газете. Спрашивается, а в чем собственно исследовательская проблема?

Дело в том, что мы пытаемся облегчить себе жизнь, осуществляя тихую подмену *предмета исследования объектом исследования*. Объект исследования — это то, что мы намерены изучать (например, явление безработицы или бедности). А предмет исследования — это указание на особую проблему, которую мы собираемся, как минимум, поставить, а если приложить достаточно усилий, то и решить.

Говоря об “очевидной актуальности” изучения безработных, бедных и других социальных групп, мы часто апеллируем к необходимости что-то *делать*, т.е. помочь обездоленным, предложить какие-то меры социальной политики, а не к необходимости что-то *понять*, раскрыть доселе неочевидное или противоречащее обыденным взглядам. По сути, обоснование исследовательской проблемы подменяется ссылками на проблемы изучаемых групп людей. В каком-то смысле мы спекулируем на тяжелом положении маргинальных групп, чтобы без особых усилий доказать “значимость” своей работы. Моральным оправданием этой позиции становится искренняя симпатия к объекту собственных изысканий — весьма распространенное “заболевание” среди исследователей, мешающее им дистанцироваться от своего объекта.

Повторяем, само по себе наличие безработицы (или другого подобного явления) не является исследовательской проблемой — это обыденный факт. И зачем ее изучать, в общем-то не так уж ясно. Утверждения типа “в зоопарке тигру недокладывают мяса!” и прочие рассказы об ужасах постперестроечной России — суть указания на объекты нашего возможного интереса и желание что-то изменить, но, увы, они еще слишком далеки от фиксации проблем. Для того чтобы сдвинуться с мертвой точки, нужно иметь в виду следующее правило.

Правило 3. Нужно четко разделять исследовательские проблемы и социальные проблемы.

Без постановки социальных проблем (как ни кощунственно это звучит) исследование может обойтись — в конце концов, искусство ради искусства имеет все права на существование. А вот без собственно исследовательских проблем происходит утрата жанра. В результате исследование быстро превращается в формальную имитацию или политизированную болтовню.

Меня часто просили дать парочку примеров “настоящей” постановки проблемы. Слушателям хотелось обойтись малой кровью — получить шаблон и по нему штамповать “проблемы” — по любой теме и в любое время суток. Мой ответ кого-то неизбежно разочарует: ничего не выйдет, ибо существует неумолимое правило.

Правило 4. Не стоит ожидать, что кто-то за нас сформулирует проблему исследования.

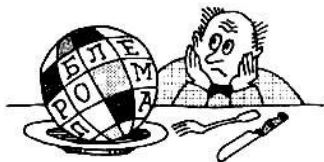
Предвижу, что может возникнуть подозрение: либо автор данных строк имеет секретное ноу-хау и скрывает ценное оружие от потенциальных конкурентов, либо он просто наводит тень на плетень, блефует, предлагая тянуть из шляпы кролика, которого там заведомо нет. Увы, никакого секретного оружия не имеется (и, видимо, не может быть), а что мы сумеем вытащить из шляпы, зависит не от провидения, а от нас самих.

Сторонний наблюдатель (эксперт, руководитель) способен указать нам на отсутствие проблемы, если повезет, он(а) также может подкинуть какую-то мысль, но формулирование проблемы — задача чисто авторская и в сильной степени личная и личностная. Особенно это важно для социальных наук, где выбор темы тесно связан с нашими ценностными установками и гражданской позицией. Поэтому, помимо постановки интересных исследовательских вопросов, неплохо было бы объяснить (хотя бы самому себе), зачем мы беремся за этих безработных (вариант: бедных). Мы что, сами безработные или опасаемся, что вскоре можем разделить их судьбу? Или, может, среди наших родственников и друзей немало безработных, и мы хотим разобраться в их ситуации? И главное, почему это должно быть интересно другим, если речь идет о чем-то большем, нежели простое человеческое сочувствие людям, оказавшимся в сложном положении? Наша задача объяснить это, причем не в конце исследования, а еще до его начала.

Проблема — это некое несоответствие наших знаний об объекте другим знаниям о нем, обыденным представлениям, здравому смыслу. Это некий парадокс, если угодно, загадка, которую

предлагается разгадать², противоречие в понимании, нестыковка смыслов и интерпретаций. Оно возникает тогда, когда исследователь сталкивается с препятствием, которое он не может с легкостью преодолеть или обойти. Приходится предпринимать определенные целенаправленные действия — разбирать завалы, карабкаться вверх и вниз, искать обходные пути.

Очень часто формулирование проблемы подменяется указанием на нехватку данных или неполное знание о каком-то явлении. Дескать, первое, второе и третье уже изучено, а четвертое и пятое еще нет, посему это “проблема”. Вновь повторим, что, подменяя предмет (проблему) ссылкой на объект исследования (пусть даже он весь представляет сплошное белое пятно), мы облегчаем себе жизнь, но не продвигаемся к смыслу. И каждый раз нам придется отвечать на неумолимый и жесткий вопрос: “Белых пятен много, зачем нам изучать именно это?” Ибо исследовательская проблема — это не пустое, необжитое место, где можно поставить палатку и начать строить здание новой теории. Это препятствие на нашем пути. На земном шаре еще немало неосвоенных территорий, однако это не означает, что именно там необходимо селиться. Поэтому важно зацепиться за неоднозначность и начинать растягивать смысловое пространство, а не гордо указывать пальцем на бесцветную пустоту.

Как сформулировать проблему, цель и задачи исследования

Должно быть что-то удивительное, неожиданное или по крайней мере неочевидное (как ныне говорят, нужна “фишка”). Нужен вопрос, на который мы не в состоянии дать немедленный ответ. Этот вопрос становится крючком, за который цепляется интерес к нашему исследованию со стороны других. Простые повествования о конкретном объекте интересны в лучшем случае узкому кругу специалистов, которые занимаются тем же самым делом и, кстати сказать, знают то, что мы собираемся им сообщить, как минимум, на девяносто процентов. А вот как заинтересовать нашей проблемой других коллег? Эта задача не из легких. И это произойдет только в

² В англоязычном профессиональном сообществе это называется *puzzle*. Принято считать, что для хорошего исследовательского текста *puzzle* крайне желателен.

двух случаях: либо человека привлечет какой-то поворот нашей темы, либо он(а) резонирует на нашу проблему, и наш глубокий личный интерес отзовется интересом другого. Во втором случае человек поймет: это не просто *еще одна* “актуальная тема” и не просто *еще один* научный текст. Это личная ставка исследователя, он вкладывает в нее не только время, но и частицу собственного “я”, он не безразличен к предмету, а значит, высока вероятность увидеть и услышать что-то интересное.

При этом Проблема с большой буквы не обязательно должна быть чем-то абсолютно новым. Есть проблемы, над которыми лучшие умы человечества бьются на протяжении многих столетий, они плодотворно разрешаются, а потом снова встают в полный рост перед новыми исследователями. Таковы, например, вопросы о соотношении структуры и действия, макро- и микропорядка, об отношении индивида и общества. Но какова бы ни была наша исследовательская стратегия, беремся ли мы за “вечный” вопрос или пытаемся открыть совершенно новую перспективу, — это не избавляет нас от необходимости определения предмета своих изысканий.

Что еще более затрудняет задачу, проблему надо не только понять, но и внятно изложить в нескольких предложениях, где будут и указание на объект, и контекстуальные рамки, в которых он рассматривается, и смысловое несоответствие, “конфликт интерпретаций”. Эти рассуждения открывают наш программный текст и во многом определяют, доберется ли читатель до последней страницы.

Правило 5. Прежде всего мы должны показать, что предмет исследования интересен для нас самих, а затем убедить других людей в том, что он может иметь значение не только для автора.

К сожалению, многие начинают со второго, пытаются навязать свое представление другим, причем в безлично-агрессивной форме, а свой личный интерес стыдливо прячут за маской холодной объективности.

Перейдем к следующим разделам программы исследования или заявки на грант — необходимости формулировать цель и задачи исследования.

Как обычно поступает нормальный исследователь, когда формулирует цель своего проекта? Он фактически повторяет его название в чуть более расширенном виде. Словом, вместо формулирования

цели воспроизводится заголовок. А что значит сформулировать действительную цель? Это значит взять ту самую проблему, которую мы столь мучительно пытались нащупать, и изложить ее в одном коротком предложении, избегая при этом столь частой тавтологичности и ритуальной пустоты целеполагающих фраз. Конечно, сказать это проще, чем сделать. К тому же “научить” этому невозможно, эта способность появляется (или не появляется) в ходе практической работы. Причем поставить и сформулировать действительную цель удастся далеко не в каждом проекте. Но к этому необходимо стремиться.

Теперь по поводу задач. Задачи — продукт творческого уточнения исследовательской цели. Цель разбивается на пять-шесть подцелей (или задач), которые, во-первых, определяют основные содержательные разделы нашей работы, а во-вторых, имеют более конкретный и операциональный характер.

Задачи служат делу содержательного разворачивания объекта исследования и являются мостками к основным исследовательским гипотезам.

Следует ли расширять объект исследования

Теперь нужно достаточно подробно описать объект исследования. Как правило, у нас возникает желание всячески раздвинуть рамки этого объекта, показать, что мы не забыли все аспекты. Соблазн расширения объекта вырастает из понятного исследовательского интереса и подхлестывается профессиональными амбициями автора. Ибо чем масштабнее и всестороннее наш объект, тем, кажется, выше статус и значение всего нашего проекта. Поэтому большинство при описании объекта исследования пытаются растянуть его, представить большим и важным. Признаемся, мы привыкли обещать *все*, чтобы потом сделать *что-нибудь*. В результате ставятся туманные задачи, раздаются неоправданные авансы и, главное, трудно понять, что, собственно, будет исследоваться, ибо объект обретает размытые очертания. Между тем нам нужно было бы следовать совершенно противоположному правилу.

Правило 6. Целесообразно всячески сужать и ограничивать объект исследования.

Определить объект — значит его определить, т.е. ограничить. Вспоминая слова Э. Хемингуэя о художественной литературе, скажем, что качество исследовательского проекта определяется не тем, что в него включено, а тем, что в него не вошло. И если о чем и следует писать в программе или заявке, то не о величии и масштабности исследования, а, напротив, о его границах. Например, сказать, что мы собираемся изучать безработицу, и остановиться — значит допустить досадную ошибку. Ибо мы сделали лишь самое первое указание на объект. Далее следует ввести территориальные ограничения — идет ли речь обо всей России или о конкретном городе, отдельном районе. За ними идут хронологические ограничения — мы ведь не собираемся изучать явление безработицы на протяжении всей истории человечества. Затем определим временной период, который мы собираемся осветить, — моментный срез, пять лет или десятилетие. После этого нужно специфицировать изучаемые группы — нас интересуют все безработные, выявленные по методологии Международной организации труда, или только официально зарегистрированные безработные? Может, мы фокусируем внимание на вынужденных безработных, уволенных по сокращению штатов, или причины обретения статуса безработного для нас не имеют особого значения? Насколько длительным должен быть период отсутствия работы, чтобы люди попали в число наших респондентов? Если человек не работает в течение всего одной недели, а завтра, вполне возможно, получит другую работу, его опыт нам интересен? Или для нас важно состояние относительно длительной и застойной безработицы? Все это зависит от цели и задач нашего исследования. И нужно сразу отсеять те группы и явления, которые мы рассматривать не собираемся, причем написать об этом в четкой, недвусмысленной форме.

Фиксация предмета, о котором говорилось выше, увязывает объект с исследовательской проблемой и также вносит свой вклад в ограничение объекта. Нас не интересует, например, что едят безработные на завтрак. А если интересует, то возьмем на себя труд объяснить, зачем нам это нужно. Автор часто поддается заблуждению, что если ему(ей) все ясно, то эта ясность автоматически передается окружающим. А поскольку основная масса окружающих не обладает телепатическими способностями, возникают недоразумения и недопонимание.

Конкретная спецификация объекта необходима, во-первых, чтобы сторонний человек понял наконец, *что* мы собираемся исследовать, а во-вторых, ограничение объекта придает нашему

проекту более реалистичный вид. Нормальный эксперт при оценке проекта рассуждает так: “Если человек учел множество ограничений, значит он(а) имеет достаточные представления об объекте и сумеет выполнить поставленную задачу”.

Добавим, что многие из нас не дают себе труда задумываться об ограничениях, откладывая их до момента, когда нужно выходить в поле. А там, как говорится, жизнь сама расставит все по своим местам. Или, иными словами, объект неизбежно ограничится нашими возможностями получения данных, доступа к респондентам. Как будто наши возможности в отношении сбора данных нельзя было оценить заранее (хотя бы в общих чертах). В итоге первоначальные планы превращаются в красивые фразы, а мы начинаем делать “то, что можем”.

Вы скажете: “Сколько можно повторять столь очевидные вещи!” Не станем спорить. Просто возьмем последнюю из наших заявок или статей и посмотрим, как эти позиции изложены в нашем тексте (и изложены ли вообще).

Нужно ли подчеркивать оригинальность проекта

Определение границ объекта не является особо сложной задачей, просто она часто выпадает из процесса продумывания нашей работы. Не сложна в своей основе и следующая задача — определить ключевые понятия, предложить язык, который мы собираемся использовать. Скажем, задуман проект по изучению “новых бедных”. Не следует обольщаться насчет того, что все окружающие должны знать, кто входит в эту группу. В любом случае, необходимо показать, кого называют “новыми бедными” и как возникло это понятие. Следует исходить из того, что большинство наших читателей и слушателей, даже если речь идет о профессиональных экспертах какого-нибудь фонда, не погружены в содержание нашей проблемы. Читатель вообще не должен знать больше нашего. Наоборот, это мы должны ему что-то объяснять. И если мы пробежим мимо исходных, самых простых вещей, читатель с той же легкостью, обойдя нас на первом повороте, пробежит мимо вещей более сложных.

Откуда берутся определения основных понятий? Выдумываются нами из головы? Отнюдь, они связаны с методологической базой исследования, с именами тех классиков и современников,

к которым мы собираемся апеллировать, и теми традициями, которые служат для нас основанием. Наш понятийный аппарат формируется на базе каких-то источников, и почему бы нам эти источники не выявить. Прежде всего это нужно нам самим. Конечно, мы читали много книг и испытали на себе многие влияния, но какие-то из многочисленных традиций, видимо, нам более близки. Именно с ними в первую очередь мы собираемся работать, использовать для разработки инструментария и последующей интерпретации данных. Выделив эти источники творческой энергии для себя самих, мы должны открыть их другим.

В проектных заявках и в научных статьях многие зачастую стремятся всячески подчеркнуть оригинальность и новизну своего исследования. Это в немалой степени подогревается и внешними требованиями со стороны фондов, журналов, диссертационных советов. Не будем углубляться в сложный вопрос о том, в какой степени возможна и необходима новизна в социальном исследовании, если речь идет о чем-то большем, нежели отыскивание новых фактов. Ограничимся простым советом. Самовосхваления в стиле “Моя работа глубоко оригинальна, по данной теме фактически ничего не сделано” выглядят, во-первых, неумно, а во-вторых, подозрительно. Подозрения могут возникать как по поводу нашего психического здоровья (мания величия мало кому шла на пользу, хотя исключения, конечно, имеются), так и по поводу нашей образованности (точнее, ее отсутствия). Каждому эксперту известно, что “гениальные открытия”, почти без исключений, совершаются малообразованными энтузиастами и маргиналами, при приближении которых лица представителей профессионального сообщества каменеют, а сами профессионалы становятся изысканно вежливыми. Чтобы избежать подобной угрозы, лучше последовать такому правилу.

Правило 7. Нужно подробно и тщательно доказывать свою неоригинальность, вписывая поставленную проблему в существующие концептуальные контексты.

Мы часто заблуждаемся не только по поводу величия собственных работ, но и по поводу критериев, по которым эти работы оцениваются другими людьми. Культивируется заблуждение, что главным условием положительной оценки проекта представителями экспертного сообщества является его принципиальная новизна. Множество способных людей теряло ориентиры в этом “проклятом”

месте. А ведь экспертам нужно было совсем другое: они хотели понять, являемся ли мы частью их профессионального сообщества, можем ли говорить на понятном профессиональном языке, разделяем ли правила поведения, принятые в данном сообществе, способствует ли наша работа его воспроизведению, поддерживает ли традицию. Иными словами, эксперт должен определить, следует ли нас пустить на порог и предложить пообедать. А если, помимо упомянутых свидетельств, мы способны предъявить еще и некоторую оригинальность мышления, нас примут с распростертыми объятиями.

Кто-нибудь возмущенно воскликнет: “Что это еще за проповедь конформизма в священном храме науки, обращающая наши помыслы к невиданным доселе свершениям...” Вполне разделяя эту боль, сообщу о печальном известии: таковы профессиональные сообщества, они достаточно ригидны и относительно замкнуты. А необузданным гениям приходится всю жизнь стучаться в запертые ворота или искать другие сферы приложения сил.

Чтобы избежать разочарований, совершим маленький шаг навстречу: покажем, что мы понимаем друг друга, причем не мимикой и жестами, а спокойным письменным словом. Настроим мысли собеседника на нужную волну и заставим их резонировать.

И, наконец, разве ссылки на традицию и приписывание к традиции растаптывают наши амбиции? Нет, они их подпитывают и утверждают.

Насколько вредны гипотезы

Еще один обязательный пункт для большинства заявок или исследовательских программ — необходимо формулировать гипотезы.

А, кстати, нужно ли? Не является ли стремление к постановке гипотез атавизмом эпохи зрелого позитивизма? Ведь, формулируя гипотезы до выхода в поле, мы “навязываем действительности свое особое видение”, вместо того чтобы сразу идти на объект и вживаться, вчувствоваться. Многие так и считают. Оставим их в покое — нам не победить в этой борьбе, тем более оружием логических аргументов, ибо исследование-как-вживание-и-вчувствование теснейшим образом связано со специфическими стилями жизни, — а сами тем временем обратимся к вопросу о гипотезах.

Не будем пространно объяснять, что такое гипотеза. Ибо таковые объяснения присутствуют в большом количестве в специальной и не очень специальной литературе³. Гипотезы могут касаться основной проблемы исследования, его отдельных задач или частных связей между конкретными переменными. Их смысл от этого не меняется.

Прежде всего гипотеза — это предположение, но не о наличии или отсутствии какого-то явления. Утверждение “уровень безработицы в России достиг 12% экономически активного населения” является предположением относительно конкретного факта, но еще не является гипотезой. Ибо гипотеза — это предположение о наличии и характере связей между признаками, будь то каузальная, функциональная или еще какая-нибудь связь. Крайне желательно, чтобы в гипотезе не просто фиксировалась связь между двумя и большим числом признаков, но и содержался объясняющий элемент. Например, мало указать на потенциальную связь между увеличением количества районных служб занятости и ростом числа безработных. Необходимо понять и характер связи между этими явлениями. То ли новые службы открывались, чтобы принять большее число страждущих, то ли страждущих стало больше, когда недалеко от дома открылись новые биржи труда. Или, возможно, один процесс подстегивает другой.

Для традиционного экономиста формулирование гипотезы является ключевым звеном всей работы, ибо гипотетическое рассуждение закладывает основу математической модели. Обычный социолог чувствует себя в этом отношении более свободным. Будем откровенны, большинство интересных гипотез формулируются задним числом, когда получены все данные и произведены расчеты. Гипотезы превращаются в риторические формулы, способ подачи материала. Вдобавок они придают автору более значимый вид: “Мы заранее предполагали, что...” или “В соответствии с нашими изначальными предположениями оказалось, что...” Да, так действительно происходит. Но ведь это не означает, что не может быть иначе.

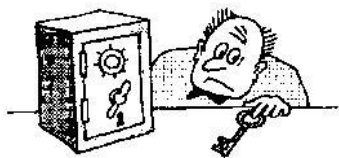
Программа-минимум для любого (особенно количественного) исследования — строить частные гипотезы *перед* анализом эмпирических данных. Чтобы не проверять механически связь всех переменных: эта работа не столь трудна, сколько бессмысленна, она

³ Хорошее изложение вопроса о гипотетических рассуждениях см.: Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 129—144.

превращает анализ из творческого процесса в серую рутину. Нормальная же программа предполагает, что наиболее существенные гипотетические связи обозначены еще до начала полевых работ и встроены в исследовательский инструмент.

Нити гипотез тянутся от исследовательской проблемы. А проблема, напомним, это не указание на пустоту, а некое напряжение, которое ищет своего выхода. И ближайший выход проблема находит именно в гипотезе, которая успокаивает проблему, укладывая ее на ложе более операциональных суждений. Специфика гипотетических высказываний состоит в том, что они не снимают проблему, а предлагают модель или прообраз ее решения. Они указывают первоначальное направление, по которому мы планируем пройти свои первые шаги, еще не осознавая в полной мере всех последствий совершаемого выбора.

Не буду скрывать, я сам крайне неохотно излагал гипотезы до начала исследования, даже в тех случаях, когда они действительно были. Однако и по сей день я не теряю надежды преодолеть эту очевидную слабость.

Раскрывать ли методы сбора данных

Методы сбора данных принято давать мимоходом в виде короткой “технической” справки. А многие и вовсе не считают нужным писать об этом. Лишь бросят легкую фразу “По данным нашего опроса предпринимателей, выяснилось, что...” Кого опросили, какими способами, как строилась структура выборки, не ясно.

Меня могут спросить: “Ну зачем же с пафосом в сотый раз писать о подобных вещах?” Не выглядит ли это так, будто автор с маниакальным упорством и дикими криками ломится в открытую дверь? Чтобы разрешить сомнения, давайте возьмем десяток заявок на любой конкурс и убедимся, что в каждой второй заявке это требование не соблюдается. Вполне, казалось бы, профессиональные исследователи с длинным списком публикаций постоянно “забывают” об этом или ограничиваются лапидарной ссылкой на то, что будет проведен некий социологический опрос.

Самая распространенная причина, по которой отклоняются исследовательские заявки и не финансируются проекты, связана с тем, что мы пренебрегаем следующим важным правилом.

Правило 8. Вместо того, чтобы целиком погружаться в описание того, что мы будем делать, следует сконцентрировать основные усилия на разъяснении того, как это будет делаться.

Эксперта интересует в первую очередь не то, сколь ценные результаты ожидаются на выходе проекта, а то, насколько этот проект вообще реализуем, в какой степени его авторы понимают, как будет строиться исследование. Что же касается результатов эмпирической работы, то они тоже во многом определяются не красивыми авторскими посулами (это мы умеем), а характером данных, которые люди собираются получить и обработать.

Разумеется, сказанное касается не только заявок, но и множества опубликованных статей. Как может читатель оценить полученные результаты, если не ясно, как собирались и обрабатывались данные? Или мы надеемся на непрофессионализм читателей, которые просто не задаются подобными вопросами и глотают все подряд? Несколько лет назад в одной из газетных статей ведущий российский социолог В.А. Ядов отчаянно призвал не верить социологическим данным, в описании которых отсутствует стандартное обоснование выборки и методов опроса, и даже не читать этих статей. Думаете, с тех пор многое изменилось?

И сугубо теоретических работ это касается в той же мере. Если мы обращаемся к специальной литературе, нужно описать, какой круг литературных источников использован (ведь прочитать все, что написано по любой, даже узкой теме, невозможно). Как отбирались эти источники? Мы искали конкретных авторов или хватали то, что попадалось под руку? Что пока не удалось освоить или невозможно найти? Что в итоге сформировало концептуальную и информационную базу нашего исследования?

Вернемся к эмпирическим исследованиям. При описании источников данных возникает масса принципиальных вопросов. Прежде всего нужно оценить имеющуюся информацию о генеральной совокупности. Если мы собираемся опрашивать предпринимателей или безработных, зададим себе три вопроса.

- * Что мы знаем об этих группах и объекте исследования в целом?
- * Какой важной информации в нашем распоряжении нет?
- * Можно ли получить недостающую нам информацию и что для этого следует предпринять?

Ответив на эти вопросы, задумаемся о главном — какого рода данные мы планируем получить в ходе обследования. Мы уже определили, кто выступит в качестве наших респондентов. Теперь мы должны решить, как будет строиться выборка, каковы будут основные ступени отбора единиц наблюдения.

Отдельная проблема — обеспечение доступа к респондентам и побуждение их к интервью. Люди, имеющие опыт интервьюирования, знают, что часто получить доступ к респонденту труднее, нежели опросить его на самые деликатные темы. Это касается в первую очередь групп с повышенной занятостью (например, предпринимателей). Если же наша “потенциальная жертва” согласна с нами взаимодействовать, дальше — “дело техники” (особенно, если это человек с высшим образованием). Грамотно разговорить респондента сумеет всякий более или менее опытный интервьюер.

Далее, в процессе сбора данных мы применяем чьи-то методики. Скажем, мы можем использовать несколько формулировок вопросов из опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), и в этом нет ничего зазорного, необходимо только указать источник. Если нам не подходят чужие методики, выдумываем свои. Но тогда приходится внятно объяснять, в чем суть этих методик. Не раз приходилось читать заявки, в которых авторы указывали на существование у них совершенно оригинальных методик, с помощью которых они способны продуцировать невиданные доселе данные. Не будем повторяться, что сугубая оригинальность всегда выглядит подозрительно. Может, и в самом деле автор припас что-то необычное. В таком случае следовало бы растолковать, в чем ее специфика по сравнению с уже имеющимися инструментами, применялась ли эта методика раньше и какие ограничения она накладывает на исследователя. Многие же не потратят на это и двух слов, не говоря уже о том, чтобы дать всю методику целиком (“Что же мы будем раскрывать все заранее, вот дайте деньги, мы тогда...”). Экспертам предлагается принять это на веру. А если эксперту фамилия соискателя ничего не скажет, то за что он(а) может зацепиться — за обещания и уверения в подлинной оригинальности?

Заметим, что у нас есть перешедшая еще от “развитого социализма” традиция тщательно скрывать суть примененных методик, не показывать никому анкеты, по которым проведено обследование. Мы боимся, что кто-то украдет наши секреты. Сегодня вдобавок методики превращены в коммерческий продукт. И если раньше говорили “Не можем показать вам анкету, потому что ни одной не осталось”, то сегодня делают важное лицо и намекают на коммерческую

тайну. В любом случае многие их по-прежнему скрывают, хотя на них никто не покушается. Добро бы за дверью стояла вереница желающих применить наши прогрессивные наработки. Не будем себя обманывать, ибо круг тех, кто намерен собирать систематические данные, весьма ограничен.

Говоря о причинах такого поведения, многие ссылаются на угрозу, исходящую от дилетантов и неофитов, которые могут с помощью столь дорогого для нас инструмента производить всякие глупости и несуразности. И, признаюсь, автор не лишен таких опасений. Не стоит раздавать анкеты кому попало. Но, оберегаясь от “чайников” и “коммерсантов”, мы этим не ограничиваемся и пытаемся отрезать от себя и профессиональное сообщество. В будущем, видимо, придется переламывать ситуацию. Впрочем, уже немало людей (по добросовестности или по научению западных партнеров) открывает инструментарий. И ничего страшного не происходит.

Есть ли у нас планы и заделы

Следующий пункт очень прост — нужно иметь план реализации проекта. Причем речь идет уже не об идейном плане, а о сугубо календарном. Если мы пишем программу или заявку, никто не ожидает узнать из нее дневной распорядок наших действий. Но вот что будет происходить в рамках проекта по кварталам, месяцам, а в быстротечных проектах и по неделям, придется указать. Казалось бы, зачем этот план, почему бы не отдать внутреннюю организацию на откуп авторам проекта, главное, чтобы они успели завершить дела к сроку? Да и можно ли составить такой план в столь сложном проектом деле, с массой привходящих обстоятельств? Здесь можно с уверенностью огласить следующее правило.

Правило 9. В исследовательском процессе ни один из тщательно вычерченных планов никогда не соблюдается (по крайней мере, полностью). Тем не менее подобный план, привязанный к реальному времени, необходим. И чем детальнее он будет, тем лучше.

Лучше будет не только нам, но и эксперту-оценщику, для которого наш план послужит сигналом: “Авторы продумали, что будут делать”. Поэтому план должен быть составлен, даже если мы не в состоянии полностью спланировать свои действия. Он должен быть конкретен и основателен, даже если впоследствии многое будет делаться иначе. И составить его нужно, даже если в форме заявки нас об этом не попросили (что, впрочем, случается довольно редко).

Добавим, что план нужен не только “для дяди”. Начертанный второпях и ни к чему вроде бы не обязывающий документ обретает некую странную принудительную силу и начинает потихоньку подталкивать нас, упорядочивать наши действия. Да, мы не застрахованы от смещения сроков, оно почти неизбежно, но любая подвижка во времени станет для нас прежде всего предупредительным звонком — напоминанием о взятых на себя обязательствах.

Еще одна очевидная вещь, о которой мы очень часто забываем, называется “научные заделы”. Если нам вчера что-то пришло в голову, а сегодня мы уже строчим новый проект, то завтра наша торопливость будет проглядывать через многочисленные дыры в этом проекте. Если мы не вчера его задумали, если уже трудились над выбранной темой, участвовали в других проектах в смежных областях, писали что-то, имеющее отношение к делу (пусть даже отдаленное), то нужно рассказать, что уже удалось сделать и в чем будет состоять наше продвижение в новой работе.

Проект — дело серьезное. Давайте оценим имеющиеся у нас ресурсы. Денег у нас еще нет, но есть какая-то профессиональная и институциональная поддержка. К кому мы можем обратиться за консультацией или за полезными советами? Не забудем и о тех, кто может оказать помощь в полевых работах. Или мы в состоянии все сделать сами? Предположим, у нас хватит квалификации, а вот достанет ли времени и сил? И откуда мы возьмем опытных интервьюеров?

Есть ли у нас возможность “прикрыться” брэндом какой-нибудь организации, легко распознаваемым в экспертном сообществе? Имеются ли условия для нормальной профессиональной работы? Для того чтобы проект выглядел солидно, мы должны показать, что мы не сумасшедшие, не гении с поволокой романтической усталости на глубоко запавших глазах и не маргиналы-одиночки, а сотворцы какого-то более весомого дела, члены сильного профессионального коллектива. Ссылка на помощь, ожидаемую от этого коллектива, не принижает нас и не развенчивает наших замыслов. Напротив, она придает нам силы, а эксперту-оценщику — уверенность в благополучном исходе дела. Ибо если эксперт часом

не встречал (или позабыл) нашу фамилию, он будет искать институциональную привязку — какой университет мы окончили, где и с кем работаем. И те из нас, кто работают с сильными людьми и в приличных местах, имеют заведомо больше шансов на успех. Дело обходится без всякого лоббирования и блата — брэнд работает сам по себе.

Как бороться со сметой

Тяжелый, но неизбежный пункт — составление сметы расходов. Меньше запросишь — глупо, больше запросишь — рискованно. Да и не всегда ясно, сколько денег потребуется. Все необходимо учесть: оплату своего труда, расходы на полевые исследования, оборудование, поездки, связь, размножение материалов. Составлять сметы — дело нелегкое, даже муторное. Но смета должна быть составлена независимо от любых обстоятельств. О том, какой должна быть смета, говорится в следующем правиле.

Правило 10. Независимо от степени определенности наших планов, смета должна быть подробной, конкретной, полной, правдоподобной и аккуратной.

Итак, прежде всего смета должна быть подробной: чем больше статей в этой смете, тем, в принципе, лучше, особенно если нужно обосновать крупные расходы (хотя мельчить, вынося в отдельную строку ручки и карандаши, тоже не следует).

Смета также должна быть конкретной: если закладывается покупка компьютера, то сразу приводится его спецификация, если планируются поездки, то указывается куда, когда и на какое время.

Кроме этого, смета должна быть полной: если мы чего-то не знаем, то надо узнать, а нет возможности — прикинуть, посоветоваться с кем-то. Пробелов оставлять за собой не следует.

Смета должна быть правдоподобной: просчитать все до копейки затруднительно, особенно если планируешь на пару лет вперед, но грубые ошибки сразу бросаются в глаза опытным людям — либо урежут смету, либо забракуят, поэтому лучше не подвергаться риску по мелочам.

Наконец, смета должна быть аккуратной: нелишне проверить, сходятся ли общие суммы по отдельным статьям (расхождения бывают редко, но все же встречаются). Стоит также проверить запятые.

чтобы 12 тыс. не превратились в 1,2 тыс. или наоборот (и то, и другое одинаково плохо). Проверяющий рассмеется, но его(ее) смех нас, увы, не порадует.

Конечно, многие вещи прикидываются на коленке или сочиняются из головы, но они должны быть по крайней мере на что-то похожи, а еще лучше, если они просто соответствуют действительности. Не стоит закладывать 400 у.е. на дорогу там, где стоимость билета едва превышает 100 долл. Не стоит просить зарплату, в 10 раз превышающую то, что мы имеем на сегодняшний день (думаете, этого никто не делает?). Запросы должны быть разумными, хотя излишне скромничать тоже, разумеется, не надо. Если мы предложим сделать всю работу за 10 коп., мы не только потеряем деньги, но и понизим свой статус — низкая цена устойчиво ассоциируется с низким качеством. Лучше всего попытаться получить дополнительную информацию о том, каковы стандарты (обычные нормы расходов), установленные данной организацией-донором. Они, как правило, есть, даже если и не прописаны в формальных инструкциях.

Кстати, разбрасывая щедрой рукой чужие и, вдобавок, еще неполученные деньги, неплохо бы сразу прикинуть, а сможем ли мы за них отчитаться. Для этого нужно знать, насколько детальной и строгой будет запрашиваемая финансовая отчетность. Некоторые фонды не предъявляют строгих требований или даже вовсе отказываются от утомительного финансового контроля за нашими действиями. Однажды, например, милая девушка, выдавая мне очередное грантовое соглашение, немного важничая, сообщила, что фонд не контролирует фактические расходы грантополучателей, и я могу, например, на полученные деньги купить костюм в модном магазине (возможно, я был слишком скромно одет). Что может быть приятнее такой ситуации, но полное счастье, как известно, выпадает редко, и обычно все оказывается немного сложнее. В большинстве случаев отчитываться нужно, да еще с предъявлением документов. Возможность лихорадочного перераспределения сумм между статьями впоследствии сильно ограничена. Поэтому самое время подумать, все ли расходы мы сумеем закрыть благопристойными чеками. По некоторым статьям можно отчитаться вольными справками-расписками. Но есть статьи (например, плата за услуги связи и, особенно, поездки), где документы (билеты, квитанции об оплате) выдаются внешними организациями на совершенно конкретные суммы. Словом, садиться в калошу никак не хочется.

Грамотно составленная смета (явление пока не столь частое) — еще одно убедительное свидетельство нашей осведомленности и подготовленности. А если она еще и совпадет с фактическими расходами, значит, мы действительно все хорошо продумали.

Как получить деньги на проект

Еще несколько замечаний в адрес наших заявок, которые мы подаем • в спонсирующие организации. Мы слишком часто сосредоточены на своих идеях (которые, как минимум, талантливы). Но давайте поставим себя на место эксперта, который будет читать наш текст. Конечно, эксперты встречаются разные, в их оценках много субъективного, но есть вещи, которые касаются всех. Что такое экспертиза? Это оценка качества проекта и риска, связанного с его реализацией (или нереализацией). Причем, ставя высокий балл, эксперт берет на себя часть ответственности, и ошибаться никто не хочет.

Поэтому, вместо того чтобы оценивать гениальность наших мыслей, эксперт стремится понять несколько “простых” вещей. Первое, вменяем ли автор в клиническом и профессиональном смысле. Второе, разбирается ли он(а) в предмете, о котором идет речь. Третье, знает ли он(а), что будет делать и в какой последовательности. Четвертое, есть ли у автора какой-то опыт подобной работы. Иными словами, способен ли автор исполнить обещанное в заявке хотя бы наполовину (ибо все привычно обещают сверх всякой меры). Не подведет ли автор, не подмочит ли репутацию эксперта? Любая заявка — своего рода кот в мешке. А эксперт — существо нежное и к том же занятое. И если мешок туго перевязан, эксперт не станет ломать себе пальцы, чтобы его развязать, и не будет заклинать “Сим-Сим, откройся”. И не будет заниматься гаданиями, есть все-таки в этом мешке кот, или туда подложено чучело. Мы сами должны приоткрыть мешок и дать взглянуть на содержимое. Иначе, скорее всего, эксперт с тихим вздохом отложит нашу заявочку и, забыв о ней, перейдет к следующей.

Наконец, мы предлагаем “золотое правило”, без которого не стоит приступать к осаде любой крепости-фонда. Как и любые другие мощные средства, оно чрезвычайно просто.

Правило 11. Надо внимательно читать формальные условия конкурса и, не раздумывая, следовать изложенным требованиям в своей заявке.

И это вовсе не очередная шутка. Надо читать условия конкурса, причем не в целом — на общее понимание, а конкретно — пункт за пунктом, предложение за предложением. Если кто-нибудь думает, что это делается всеми писателями заявок, то глубоко

заблуждается. То есть все как бы читают, а потом в тексте недостает половины пунктов или они раскрыты в тотальном несоответствии с требованиями. И абсолютно грамотные соискатели, которые не только умеют читать, но и не в первый раз пишут заявки, все равно грешат подобной невнимательностью.

Если в условиях конкурса значатся какие-то пункты (пусть даже с нашей точки зрения весьма несурзные), все они должны быть соблюдены. В нашем климате гранты не растут на деревьях и не падают с неба. Противно, скучно? Не без этого, но что делать. Поэтому, когда очередной соискатель подходит ко мне за советом и спрашивает: “А нужно ли в заявке в некий фонд давать обзор литературы?”, я (слегка нарушая правила приличия) отвечаю вопросом на вопрос: “А в условиях конкурса таковой обзор значится?” А если он там есть, то зачем спрашивать? Не лучше ли скорее сесть за работу по его составлению?

Если же нам что-то непонятно в условиях конкурса, нужно связаться с сотрудниками фонда и постараться получить разъяснения. Они должны ответить, и, пусть не всегда, но объяснят. Это входит в их обязанности.

Итак, основные пункты предлагаемых заявочных форм должны быть соблюдены. Иногда бывает полезно что-нибудь добавить из того, что в формальных условиях не значится, но может прийтись ко двору. Например, приложить список наших публикаций по теме или описать наши “крутые” научные заделы в данной области, даже если их явно никто не запрашивал. Мне приходилось также аккуратно “подправлять” логику конкурсных требований, излагая материал в несколько иной, более выигрышной, как мне казалось, последовательности. Но заходить далеко с подобными инициативами рискованно. Мы должны быть уверены, что люди оценят (или не заметят) наши “новации” и не пропустят в результате какой-то важный и обязательный пункт. Скорее всего, эксперт не станет цепляться за нарушение мелких формальностей, но устраивать жесткие проверки на его(ее) терпимость все же не следует.

Памятка по составлению рекомендаций

После последнего пункта должен быть самый последний. Программа написана, она превратилась в складную заявку, теперь надо не забыть получить рекомендации. Причем не нужно следовать

народной традиции непременно собирать рекомендации в последние полдня, ставя на уши все население города.

Прежде всего рекомендацию лучше написать самому автору. Какой ужас! Я выдал страшный секрет! Никто, разумеется, не знал, что девяносто процентов рекомендаций подписываются рекомендующим в готовом виде. Хочу сказать, что ничего страшного я в этом не вижу, хотя приходилось иногда писать рекомендации и самому. Главное, не подписывать кому попало.

Дело в том, что основная ценность заявки — не текст, а подпись рекомендующего — того, кто берет на себя часть ответственности за проект. На нее и смотрят прежде всего, вместо того чтобы читать водянистые росписи про выдающиеся достоинства автора будущего проекта. Более того, многие рекомендации подписываются без содержательного ознакомления с проектом. Вы, конечно, и этого не знали? Не будем прикидываться! Впрочем, и особой трагедии здесь нет. Ведь рекомендуют, по существу, конкретного человека, а не его очередную работу, которая пока еще целиком состоит из в меру или не в меру дерзких замыслов. Хотя лучше, конечно, проект рекомендующему показывать хотя бы потому, что, пробежав его по диагонали свежим взглядом, он способен уловить пару откровенных “ляпов” и спасти нас от незаслуженного позора.

Несмотря на то что текст рекомендации менее важен, чем подпись, пренебрегать элементарными правилами написания текста все же не стоит. Да и рекомендующего Вы освободите от лишних хлопот. Посему прилагаем памятку по составлению рекомендаций в любой фонд или иную организацию, которая призвана стать нашим спонсором или работодателем (но еще об этом не знает). К написанию этого короткого документа меня сподвигли бесчисленные, каждый раз повторяющиеся вопросы младших коллег о том, что в ней нужно указывать. Возникла предательская бюрократическая мысль — вместо сто первого повторения одного и того же сразу вручать человеку листок с инструкцией.

Памятка по составлению рекомендаций

Любая рекомендация включает четыре обязательных пункта.

1. Профессиональная связь рекомендующего и заявителя.
2. Характеристика профессиональных и личных качеств заявителя.
3. Характеристика представленного проекта.
4. Адрес рекомендации.

Кратко прокомментируем основные пункты памятки.

1. Откуда рекомендуемый знает рекомендуемого. Это не мелочь, напротив, с содержательной точки зрения для рекомендации эта часть является основной. Одно дело, если мы “выловили” какого-нибудь маститого ученого в коридоре (или за нас попросил кто-нибудь), и человек подписал, до конца не поняв, кому оказывает услугу. Другое дело, если мы долгие годы работали вместе, человек хорошо знает нас и нашу работу. В таком случае он(а) действительно может за нас ручаться. А это и есть наиболее существенный момент, который превращает формальную подпись в реальную рекомендацию. Нужно ли говорить о том, что этот пункт упускается из виду чуть ли не каждым, кто берется за подготовку рекомендации. Все сразу бросаются описывать достоинства проекта.

2. Второй пункт в значительной мере ритуальный. Он посвящен хорошему образованию, выдающимся талантам, высочайшей квалификации и чрезвычайной мотивированности автора проекта. Этот пункт освещают все, причем практически одними и теми же словами.

3. Третий пункт описывает бесспорные достоинства проекта — его актуальность, реализуемость, способность принести плодотворные исследовательские и практические результаты. С этим справляются все, надо только не забыть упомянуть название проекта.

4. Наконец, рекомендация всегда конкретна. Не бывает рекомендаций, написанных вообще и в никуда. Поэтому текст должен завершаться, во-первых, подтверждением самого факта рекомендации (“Вышеизложенное позволяет нам рекомендовать...”), а во-вторых, четким указанием, в какую организацию и на какой конкурс выдана рекомендация.

Правило 12. Рекомендация характеризует связи рекомендуемого с автором предлагаемого проекта, описывает личные качества последнего и достоинства проекта, а также дает заключение с указанием конкретного адресата.

Для раскрытия всех четырех пунктов достаточно одной стандартной страницы. Больше писать не надо, никто читать все равно не будет.

Что будет после окончания проекта

Проект еще не состоялся (и нет полной уверенности, что состоится), однако необходимо думать, что будет потом. От того, какой мы ожидаем результат, во многом зависит, что мы собираемся делать. Речь идет не о формулировании содержательных результатов, которые мы, как правило, переписываем из раздела “Задачи исследования”, меняя инфинитив на жизнеутверждающее будущее время глагола. Мы говорим об оформлении результатов. Ну, это уж вообще перебор, скажут многие. Главное — получить интересные результаты, а уж оформить их мы как-нибудь сумеем. Может, и так. Но почему бы не подумать об этом заранее? Мы собираемся писать диссертацию или опубликовать одну-две статьи, а может, мы задумали книгу — в каждом случае есть свои особые требования, и планы работ строятся по-разному. Какова будет публичная презентация проекта? Что мы обязаны продемонстрировать на этой презентации? И не упустим ли мы сейчас какую-то незначительную мелочь, о которой придется сожалеть долгие годы?

? ? ?

В заключение сформулируем несколько вопросов-напоминаний.

- * Есть ли у нас текст исследовательской программы?
- * Можем ли мы изложить основные положения программы на двух страницах?
- * В чем состоит наша исследовательская проблема, содержит ли она какое-то противоречие, несоответствие имеющимся взглядам или здравому смыслу?
- * Насколько реализуемы поставленные нами задачи?
- * Все ли сделано, чтобы ограничить объект исследования?
- * Сумели ли мы показать свою неоригинальность, связь с определенной исследовательской традицией?
- * Удалось ли нам сформулировать гипотезы, раскрывающие и объясняющие связи между переменными?

- * Подробно ли описаны предполагаемые методы сбора данных, показывающие, как мы будем проводить исследование?
- * Составлен ли календарный план — реализуемый и стимулирующий нашу работу?
- * Указаны ли наши научные заделы, и в чем ожидается продвижение по сравнению с уже достигнутыми результатами?
- * Насколько подробно, конкретна и правдоподобна составленная нами смета расходов?
- * Проверили ли мы, сходятся ли цифры в рамках сметы и соответствуют ли они предполагаемым расходам по отдельным статьям?
- * Внимательно ли мы изучили требования при подаче заявки на конкурс, все ли требования удалось соблюсти?
- * Не забыли ли взять рекомендации?

Если на все эти вопросы у нас имеется положительный ответ, дело в шляпе. Можно переходить к подготовке полевого исследования.

Глава 2

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование — это не сбор впечатлений. — Всегда ли нужно строить выборку. — Требования к заведомо нерепрезентативной выборке. — Как выходить на респондента. — Нужно ли иметь заранее подготовленный вопросник. — Как обращаться с вопросником. — Обязательно ли фиксировать получаемые данные. — Сбор данных — это не поиск интересного. — Как выбирается метод. — Чем привлекательны качественные методы

Начинаем вторую главу о простых вещах, которые даются нам без особых усилий, а ценятся очень дорого. Предположим, мы не можем удовлетвориться работой с литературными источниками, нам хочется большего. Мы намерены собрать какие-то эмпирические данные. Возникает вопрос: как организовать, пусть небольшое, но свое полевое исследование? В нашем распоряжении множество учебников, которые целиком или частично посвящены данному вопросу¹. И, казалось бы, нет особого смысла ходить исхоженными

¹ *Андреенков В.Г., Маслова О.М.* Методы сбора социологической информации: Метод, пособие. М.: Ин-т социол. исслед. АН СССР, 1985. Вып. I, II; *Батыгин Г. С.* Лекции по методологии социологических исследований; *Деятко И. Ф.* Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998; Как провести социологическое исследование / Под ред. М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги. М.: Политиздат, 1985; *Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999; Лекции по методике конкретных социальных исследований / Под ред. Г.М. Андреевой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972; *Мертон Р., Фиске М., Кендалл П.* Фокусированное интервью / Пер. с англ. под ред. С.А. Белановского. М.: Ин-т молодежи, 1991; Методы сбора информации в социологических исследованиях / Под ред. В.Г. Андреенкова и О.М. Масловой. М.: Наука, 1990; Основы прикладной социологии; Рабочая книга социолога / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Ин-т социол. исслед. АН СССР, 1976; *Петренко Е.С., Ярошенко Т.М.* Практикум по прикладной социологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992; *Ядов В.А.* Социологическое исследование.

тропами. Мы и не собираемся этого делать. Напомним, что перед нами сборник практических советов, ознакомление с которыми не отменяет необходимости читать специальную литературу. Скорее, это живое (менее формальное) дополнение к этой литературе.

Первый вопрос, который встает перед нами, когда мы задумываем эмпирическую часть нашего проекта, — каковы будут методы сбора данных. И тут же возникает пресловутая альтернатива между количественными и качественными исследованиями — в первую очередь между анкетными опросами и разного рода интервью и наблюдениями. Спор о том, какие методы способствуют более глубокому проникновению в реальность, не имеет конца, как, впрочем, не имеет он и принципиального решения². Пока мы уклонимся от дебатов по этому поводу, ограничившись лишь ссылкой на то, что лучше изучать объект самыми разными доступными методами. Тем более, что многие социологи, например, при мимолетном упоминании этой темы сразу начинают болезненно реагировать и забывают о вещах более насущных.

В этой главе мы сделаем упор на правила подготовки небольшого качественного исследования. Не потому, что качественные методы лучше (или хуже), и не потому, что автор этих строк испытывает к ним особое влечение или является асом в области сбора качественных данных. Вовсе нет. В основных своих проектах я и мои коллеги, как правило, всегда пытались совмещать стандартизованные анкетные опросы и фокусированные интервью. Однако сегодня многих молодых коллег, которые иницируют собственные проекты, интересуют именно качественные исследования, относительно компактные по своим масштабам. Для больших самостоятельных анкетных опросов они не имеют пока ни средств, ни возможностей. Да и пристрастие к качественным исследованиям, нельзя не признать, постепенно возрастает (к причинам, по которым это происходит, мы вернемся позднее).

² Об этих дебатах см., например: *Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Миф о “качественной” социологии // Социологический журнал. 1994. № 2; *Маслова О.М.* Качественная и количественная социология: методология и методы (по материалам круглого стола) // Социология: 4М. 1995. № 5—6.

Среди качественных методов мы также оставим в стороне такую модную нынче форму сбора информации, как фокус-группы. Мне не приходилось их проводить (и, честно говоря, я не планирую этого делать). Проведение фокус-групп, возможно, и подходящий метод для какого-нибудь маркетингового исследования и к тому же неплохой способ заработать деньги, не убивая себя изнурительным трудом. Но, не боясь показаться старомодным, я по-прежнему считаю, что интервью по сколь-либо сложным вопросам — дело интимное, это тонкий и деликатный диалог между интервьюером и респондентом. Поэтому ниже речь пойдет в первую очередь о подготовке интервью и отчасти о других методах качественного исследования.

Добавим, что в данной книге мы не рассматриваем специальный вопрос об анализе данных, далеко выходящий за организационно-процедурные рамки исследования.

Исследование — это не сбор впечатлений

Основная претензия, предъявляемая, как правило, к качественным методам сбора данных, состоит в том, что исследование подменяется сбором впечатлений. Однако исследование — это не сбор впечатлений. И дело не в разнице между количественными и качественными данными, ибо качественные методы в не меньшей мере могут использоваться в исследовательском процессе.

Так что же отличает исследование от сбора впечатлений? Совокупность *процедур*, которые могут и должны фиксироваться исследователем и предъявляться окружающим в совершенно эксплицитной (явной) форме. Эти процедуры должны быть прозрачными, т.е. люди имеют право знать, что мы делаем — шаг за шагом. Более того, наши коллеги в принципе должны иметь возможность полностью повторить наш исследовательский путь. Понятно, что вряд ли кто-то соберется это делать всерьез. К тому же никакое исследование в социальных и экономических науках повторить в точности невозможно, и его “повторение” приводит к другим результатам. Во-первых, приходится контролировать немислимое количество факторов. Во-вторых, ситуация меняется достаточно динамично

(в одну воду не войти дважды). В-третьих, социальное исследование всегда в сильной степени окрашено личными пристрастиями автора — его(ее) профессиональными и ценностными ориентациями, гражданской позицией, которые не только влияют на общий замысел, но и формируют ткань самого исследования.

Однако уникальность каждого социального исследования не освобождает его от непременных правил. Как говорил один из героев В. Каверина: “Палочки должны быть попендикулярны”. Процедуры должны быть ясны и воспроизводимы, они должны соблюдаться, даже если мы точно знаем, что никому никогда не придет в голову повторить наше исследование практически.

Вам не нравятся эти нудные процедуры? Вы хотели бы сбросить тяжелые оковы и воспарить на восходящих потоках свободного творчества? Не сковывайте себя, воспаряйте. Существуют самые разные способы познания. Причем заведомо плохих или заведомо хороших путей к добру, истине и красоте, конечно же, нет. Можно писать на околосоциальные темы, заниматься журналистикой и эссеистикой. Можно практиковать дзэн-буддизм и найти более короткую дорогу к откровениям. Есть много других видов деятельности, которые выглядят более привлекательно, чем нелегкая исследовательская работа. Но уж если мы называем себя исследователями (аналитиками, экспертами, учеными), не важно, идет ли речь об экономических, социологических или прочих дисциплинах, давайте играть по правилам.

Правило 13. Реализация проекта отличается от сбора впечатлений не потому, насколько интересна и значима собираемая информация, а по наличию или отсутствию стандартных процедур.

Эти процедуры сопровождают весь проект: от чистой идеи к программе исследования, от нее к инструментарию, затем к организации полевых работ, построению выборки, сбору, вводу, “чистке” и анализу данных, наконец, получению результатов и их презентации во всех возможных и невозможных видах.

Не ставя перед собой задачи охватить все стадии этого цикла, в данной главе мы остановимся на процедурах, связанных с общим подходом к построению выборки, сбору и фиксации полученных данных.

Всегда ли нужно строить выборку

Однажды на семинаре в окрестностях города У перед аудиторией социологов выступал молодой и способный исследователь, который рассказывал о достаточно интересном проекте, ссылаясь на проведенные ранее интервью. Затем наступило время вопросов, и автор неожиданно для себя оказался в сложной ситуации. Он ожидал, что присутствующие начнут обсуждать существо поставленных проблем, а вместо этого аудитория завалила его “малозначащими”, как казалось, вопросами: “Кого, где и как Вы опрашивали?” Автор пытался отмахнуться от этих вопросов, как от назойливых мух, и немедленно перейти к “сути дела”, т.е. к полученным результатам, недоумевал и раздражался. А коллеги с завидным упорством продолжали интересоваться тем, как строилась серия интервью. И выяснилось, что автор не придает этому особого значения. Он даже не потрудился упомянуть количество опрошенных, считая, что главное — это мысли, к которым удалось прийти в конечном итоге.

Получив столь неадекватную реакцию, после семинара автор обратился ко мне с вопросом: “Что же было сделано не так?” А ответ был на самом деле предельно прост. Если мы входим в аудиторию, где сидят профессиональные социологи, а с некоторых пор “продвинутые” микроэкономисты и другие социальные исследователи, и упоминаем результаты какого-нибудь эмпирического обследования, у нас нет никаких шансов уйти от вопроса о выборке. Если мы не скажем об этом сами, нас все равно спросят, и с пристрастием. И если выяснится, что выборка строилась кое-как, а точнее никак, или, того хуже, мы не знаем, кто, собственно, был опрошен, то люди могут “отключиться”, перестать нас слушать. И правильно сделают. Ибо мы лишаем их возможности нормально интерпретировать предлагаемые данные. Посему при подготовке полевого исследования мы вынуждены обращать особое внимание на выборку.

Многие скажут: «Ну, это Вы говорите о количественных исследованиях, крупных опросах, где есть претензии на репрезентативность. А у нас небольшая серия качественных интервью или несколько кейсов, мы на репрезентативность все равно не претендуем.

Да и не нужно нам никакой репрезентативности, у нас “другие методы”». Здесь кроются страшные заблуждения, которым мы хотели бы противопоставить четыре простых суждения.

1. Абсолютная репрезентативность практически невозможна, как бы тщательно мы ни строили выборку, но это не означает, что к ней не надо стремиться. По крайней мере, должен быть задан порог репрезентативности.

2. Большинство выборок в эмпирических обследованиях (особенно качественных) заведомо нерепрезентативны (т.е. не представляют в должной мере генеральную совокупность, и даже стандартную ошибку выборки оценить невозможно), но это не означает, что можно игнорировать саму проблему выборки.

3. Чем меньше выборка, тем более тщательно она должна быть сделана. Чем менее случаен отбор единиц обследования (людей, документов), тем большего обоснования требует наша выборка. Это суждение менее очевидно, чем два предыдущих, и на него хотелось бы обратить особое внимание.

4. Выборка для качественного исследования — вопрос в известной степени даже более важный, чем для количественного (это напрямую вытекает из третьего суждения).

Резюмируем эти суждения в следующем правиле.

Правило 14. Чем менее случайны условия отбора единиц наблюдения и чем меньше объем предполагаемой выборки, тем большего обоснования требуют принципы отбора.

Как выглядит идеальная ситуация, многократно описанная в учебниках по социологии и теории вероятностей? Генеральная совокупность, которую мы собираемся обследовать, представлена в виде разноцветных шаров. Вся эта совокупность собрана в одну большую корзину и тщательно перемешана. Не глядя, случайным образом мы достаем шары, один за другим, а затем пересчитываем. Минимальное количество шаров, которое необходимо для подсчетов, определяется стандартной формулой³.

Однако в реальной жизни идеальных условий мы, конечно, не встретим. Полных данных о генеральной совокупности в нашем распоряжении нет и не будет, и нас утешает лишь то, что они

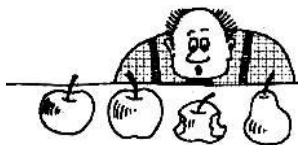
³ О построении выборки см., например: *Батыгин Г. С.* Лекции по методологии социологических исследований. С. 145—189; *Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. С. 135—157; *Основы прикладной социологии.* С. 31—38; *Ядов В.А.* Социологическое исследование. С. 69—76.

отсутствуют в принципе. Единицы наблюдения обладают разной доступностью, а некоторые оказываются недоступными вовсе. Принцип случайного отбора соблюсти не удастся, а масштабы обследования часто слишком малы, чтобы претендовать хотя бы на какую-то репрезентативность в статистическом смысле слова.

И что греха таить, практикующие исследователи (в том числе грамотные и все понимающие) начинают заменять книжные принципы отбора другим мощным принципом — *принципом удобства*, или повышенной доступности. Если нас интересуют руководители предприятий, то опрашиваем представителей деловой ассоциации, на которую у нас есть хороший выход. Понадобились школьники — идем в школу, где у нас есть знакомые учителя. А то и просто набираем знакомых или через знакомых, а потом, для пушией учености, называем это принципом снежного кома.

Что ж, многим из нас приходится поступать именно так. К тому же существуют труднодоступные объекты (например, бандитские авторитеты), на которых без специальной и очень личной рекомендации вообще не выйдешь. Допустим, мы не можем порою построить нормальную выборку, пусть будет так. Но давайте не будем превращать нужду в добродетель и говорить с гордым или отрешенным видом, что вопросы выборки нас не касаются.

Если уж мы отобрали кого-то полухаотичным перекатыванием снежного кома от знакомых к друзьям этих знакомых, то давайте хотя бы задним числом попытаемся выявить, по каким закономерностям происходил отбор, представители каких групп попали в наше исследование и к какому объекту относятся полученные нами результаты. Но лучше, конечно, продумать некие принципы отбора заранее, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно потраченные силы.

Требования к заведомо нерепрезентативной выборке

Каковы же минимальные требования нестатистического характера, которые желательно соблюсти в любом, сколь угодно малом обследовании? Первое требование — собрать максимальное количество данных о генеральной совокупности: статистику (если есть), существующие профессиональные описания объекта.

Второе требование — отобрать наиболее важные группы или кластеры, которые будут помещены в фокус нашего исследования и из которых мы отберем единицы наблюдения. Каждая группа должна представлять особый тип объекта, а все вместе они должны покрывать предметное поле нашего исследования в той мере, в какой мы это себе можем позволить (полностью покрыть это поле, как правило, никому не удастся).

Третье требование — обеспечить наличие и качественное представительство каждой отобранной группы во всей выборке. Как обеспечить наличие, довольно ясно — представители всех этих групп должны быть охвачены нашим обследованием. Менее понятно, что значит “обеспечить представительство”, ибо здесь неумолимо встает вопрос о количестве единиц обследования. Достаточно ли взять по одному случаю на каждый тип объекта? Строить свои суждения на основе одного кейса как-то неловко, поскольку не оставляет мысль: “А вдруг второй респондент станет говорить нечто совершенно противоположное”. Берем два, три — все равно мало. Или достаточно? Есть ли какие-то счастливые формулы, которые можно вычитать из учебника и с успехом применять на микровыборках? Увы, таких правил и формул быть не может, ибо мы оказываемся вне поля статистических расчетов. Сколько мы возьмем интервью — 10, 20 или 50 — с точки зрения статистики никакой роли не играет: все это не достигает пределов статистического анализа. Иные специалисты скажут нам, что статистически разница между 100 и 200 тоже не существенна. Она существенна только для нас, ибо в этих случаях серьезно различаются затраты нашего собственного труда.

Как же быть, чтобы не растерять весь энтузиазм на полевых работах и добраться живым до анализа полученных данных, не растратив попусту и без того небольшие деньги? Сначала мы должны рассчитать свои силы и отпущенное нам время. И здесь следует учесть нехитрое правило.

Правило 15. Полевые обследования всегда занимают больше времени, чем мы рассчитываем, пусть даже со всеми припусками и допусками.

Затем мы должны еще раз просмотреть список основных критериев, по которым выделяются группы и подгруппы изучаемых нами объектов. Чем они более детальные, тем больше единиц наблюдения требуется для того, чтобы после завершения обследования мы спали спокойно. Не исключено, что здесь придется умерить

амбиции и отказаться от какого-то не столь важного для нас аналитического аспекта, уменьшить количество выделенных типов, привести задачу в соответствие нашим возможностям.

Наконец, мы берем каждую группу (подгруппу) и начинаем опрашивать ее представителей. Когда мы вправе остановиться? Или мы обязаны подчиняться принципу “чем больше — тем лучше” и “трясти” объект, пока не кончатся время и силы? Правило таково.

Правило 16. Нужно продолжать обследование, пока не появится уверенность в том, что основные формы, в которых являет нам себя данная группа (подгруппа), исчерпаны, когда принципиальные признаки начинают упорно повторяться и не возникает каких-то качественно новых вариантов.

Можем ли мы знать это наверняка (тем более, определить магическое число заранее, до выхода в поле)? Нет, не можем, и никакой учебник по качественным методам нам в этом отношении не поможет. Потому что, как ни прискорбно это признавать, речь идет о тонком вопросе исследовательской интуиции. И в качестве доказательства полноты охвата мы можем предложить лишь нашу уверенность в том, что мы не упустили что-то очень существенное, — в надежде, что симпатизирующие нам коллеги и бесстрастные эксперты нам поверят. Впрочем, мы в состоянии помочь себе и другим способом — предоставив впоследствии добросовестное описание нашего исследовательского пути.

Как выходить на респондента

После долгих мучительных размышлений и прикидок мы, наконец, решили, кого и в каком количестве будем опрашивать. Все, можно бежать в поле? Торопиться не надо, до поля еще далеко. Отдельную задачу представляет собою определение способов выхода на объект. Практика показывает, что во многих случаях выход на респондента оказывается одной из наиболее сложных задач. Она включает поиск потенциальных респондентов, первый контакт с ними, достижение договоренности об интервью или предоставлении какой-то информации.

Это может занимать изрядное количество времени, ибо люди, ничем нам не обязанные, пытаются вежливо уклониться, ускользнуть от нас. Если мы фиксируем их личные данные, они тут же начинают нас побаиваться, если же опрос сугубо анонимный, они легко теряют к нему интерес. Например, опросить предпринимателя не столь сложно (в большинстве своем они люди соображающие и вдобавок образованные), трудно уговорить его(ее) на интервью — назначить время, преодолеть барьер излишней осторожности. Посему достижение рабочей договоренности с человеком — вопрос далеко не технического свойства. Он связан с установлением отношений доверия. Мы должны показать (доказать) буквально парой точных фраз и жестов несколько вещей:

- * исследователь и его заказчик не опасны;
- * мероприятие не займет много времени (тут мы, конечно, привираем, всячески преуменьшая время, которое будет потрачено на самом деле);
- * исследование будет иметь какой-то практический результат.

А кстати, как мы объясним, с какими целями мы помогаем беседе с респондентом? Мы можем предлагать разные обоснования. Один станет уверять, что обследование очень важно для каких-то практических и политических нужд, а его результаты послужат некоему благородному делу. Другой призвет послужить возвышенному делу науки. Третий попытается “сыграть на жалости”, представив интервью как собственную проблему: “Злой и строгий начальник заставляет меня делать это” или “Для меня это единственная на данный момент возможность подработать”. Четвертый продемонстрирует свой интерес к респонденту и его делам (хорошо бы, если этот интерес был искренним).

Британский профессор Рэй Пал много лет назад рассказывал, как он позиционировал себя в довольно захолустном британском предместье, изучая положение домашних хозяйств. Он представлял себя местным жителям как чудака-профессора, который пишет малопонятные книги на довольно странные темы и который, конечно, ничего не понимает в реальной жизни, но искренне всем интересуется. Известно, что хорошо идет отработанная комплексная версия: “Я бедный аспирант (студент), мне нужно писать диссертацию (диплом)”. Эта версия весьма удачна, особенно для тех, кто в этом случае говорит правду.

Вообще, если ожидается совет, какой стратегии лучше придерживаться при выходе на объект и попытках завоевать расположение респондента, наш ответ может разочаровать своей безыскусностью. Мы придерживаемся одного универсального правила.

Правило 17. При установлении контакта с респондентом желательно говорить правду. Причем и по этическим, и по профессиональным соображениям.

Когда мы говорим правду, получается естественнее, мы снимаем с себя груз лишнего напряжения (а напряжение в поле и без того высокое). Не надо, как делают некоторые, выдумывать занимательные истории и нелепые легенды, играя в разведчика в тылу врага. Другое дело, что правду можно подавать по-разному и не всю, а дозированно, можно разыгрывать разные роли. Но это уже вопрос не процедуры, а профессионального мастерства и личных качеств интервьюера. Простыми словами это не изложишь. Но в любом случае это должны быть *наши* роли, а не взятые к случаю с чужого плеча.

Многие, кстати, почему-то считают, что при подготовке к встрече с респондентом нужно максимально походить на него(нее). Одеться соответствующим образом, перейти на сленг, используемый данной группой (“говорить на языке респондента”). Так можно далеко зайти (особенно если исследуешь, например, бомжей или наркоманов). Эти старания, во-первых, излишни, а во-вторых, могут оказаться попросту вредны. Ибо мы начинаем выглядеть искусственно или даже смешно. Чем неумело изображать ряженого, не лучше ли представить себя как исследователя, как *другого* и вызвать интерес именно к этой позиции. Конечно, бывают особые ситуации, когда этого сделать нельзя или, по каким-то причинам, небезопасно. Но такие обстоятельства отнюдь не часты. А в нормальных условиях лучше идти к цели более прямым путем.

Не нужно обнадеживать респондентов (или откровенно врать), что наше исследование серьезно изменит ситуацию и поможет таким людям, как они, преодолеть обсуждаемые трудности. Мы, конечно, *хотели бы* этого, но, скорее всего, этого *не будет*. Давайте помнить, что есть масса способов “загадать поле”, по которому завтра пойдут наши коллеги (или мы сами). Один из них — давать заведомо несбыточные обещания.

Есть ли какие-то способы вызвать доверие респондента, да еще в ускоренном режиме, помимо благопристойной внешности, умения задавать адекватные вопросы и искреннего интереса в глазах? Эти способы стары, как мир. Конечно, неплохо представлять какую-нибудь звучную и в то же время нейтральную (безобидную) организацию — Академию наук или какой-то университет. Людям известно из газет, что заведения эти в основе своей некоммерческие,

а ученым сейчас нелегко (в каких случаях это так, а в каких нет — вопрос другой). Если же мы приходим из коммерческой фирмы с малопонятным названием, у нас будет заведомо больше трудностей. Кстати, захваченное с собой удостоверение не мешает, хотя и навязчиво предлагать с ним ознакомиться тоже излишне. Я сам иногда “невзначай” мельком “демонстрировал” его, Перекладывая какие-то вещи или бумажки.

Но все-таки решающую роль в подобном деле способна сыграть личная рекомендация, ибо мы живем в обществе, где личные связи играют огромную роль (highly networked society). И чем сложнее объект, тем солиднее должна быть эта рекомендация. Иными словами, выходить на респондента — значит искать значимые для него личные связи. И если мы не в состоянии обрести надежного поручителя, то даже простые ссылки на общих знакомых сильно продвигнут нас к желанной цели.

Известно, что трудность доступа к респонденту повышается по мере того, как мы пытаемся сделать шаг вверх или вниз от средних слоев. С этой точки зрения наиболее трудными объектами являются представители элиты и социального дна. Кстати, наши коллеги, социологи села подметили, что это касается и сельских жителей. Труднее всего войти в доверие к беднякам и наиболее обеспеченным семьям. И те, и другие в большей степени закрыты от досужего глаза. А средние слои — наши лучшие “клиенты”.

Нужно ли иметь заранее подготовленный вопросник

Кто-нибудь непременно скажет: “Что за вопрос? Конечно, нужно. Давайте переходить к следующему пункту”. Можно бы сделать и так, если б не было известно, что множество интервью собирается или без всякого вопросника, или с вопросником, на который без слез не взглянешь. Но, что самое интересное, это не от лени (или не только от нее), это представляется некоторыми коллегами как принципиальная позиция.

Какой еще вопросник? — вскинут они брови. Как можем мы, исследователи, лезть со своими выдуманскими схемами в реальную жизнь? Ведь мы так плохо знаем окружающий нас мир и почти ничего не знаем об объекте исследования, а любая предварительная (априорная) схема загоняет его в искусственные рамки.

Ведь вместо того, чтобы познавать мир “как он есть”, т.е. в своей чистой “самости” и живой полноте, мы сами своим грубым инструментарием (по крайней мере отчасти) закладываем конечный результат. Разве наши схемы, взятые из книг или выдуманные из головы, не омертвляют социальный мир, подменяя его абстракцией?

А что же делать в этом случае, что предлагают уважаемые оппоненты? Видимо — идти в мир с открытыми забралом, широко распахнутыми глазами и прочищенными ушами и всматриваться, вслушиваться, вживаться. Притаиться в тени и наблюдать, ничем не выдавая своего присутствия. И если мы будем терпеливы, жизнь сама откроется нам через какое-то время — вся, во всей своей целостности и красоте. Дикие звери сбегутся к нам из чащи лесов, блестящая рыба сама выпрыгнет к нам из темных речных глубин. И мы все возьмем голыми руками, без заранее подготовленных сетей, приманок, силков, не вмешиваясь своими грубыми действиями в естественное течение жизни.

Некоторые коллеги искренне в это верят. И более того, представляют это как форпост социологии и прочих социальных исследований. Утверждается, что есть лишь два достойных способа раскрытия тайн социального порядка — включенное наблюдение и нарративное интервью.

При включенном наблюдении социолог вообще, как правило, скрывает свое присутствие и ведет себя как глубоко законспирированный агент. При нарративном (свободном, неструктурированном) интервью исследователь раскрывает свои карты, но “не вмешивается” в течение процесса. Он вызывает респондента на разговор “о жизни”, и не стесненный нашими “неумелыми” вопросами и многозначительными намеками респондент рассказывает все, что ему придет в голову. А исследователь сидит, потупив очи, и бережно все записывает, чтобы не потерять ни возгласа, ни вздоха этой самой “реальной жизни”. Таким образом человек говорит и говорит нам умные и интересные вещи вперемешку с откровенным бредом — три, четыре, пять часов, а мы записываем. Вот и весь метод. В результате, говорят, мы получаем не просто данные, но “историю жизни”. А сам подход оказывается не просто записью воспоминаний, а особым направлением в социологии.

Много лет назад мне посчастливилось побывать на семинаре по истории жизни одного из наиболее признанных профессионалов в этой области — британского профессора Пола Томпсона. Было довольно интересно. Но, признаюсь, я с трудом выдержал тридцатиминутное обсуждение того, куда и как нужно поставить магнитофон, чтобы он не смущал респондента, т.е. не вывел его из естественного, “не замутненного” нашим присутствием состояния.

Мы просим прощения у читателя за откровенную иронию, с какой написаны некоторые строки. Мы не хотим никому наступать па мозоль. Тем более, что для многих коллег, практикующих подобный метод, исследование часто становится особым образом жизни. Мы хотели бы заверить, что вся ирония этих строк не зачеркивает для нас важности такого рода наблюдений. С их помощью можно получать весьма интересный этнографический материал, который любопытен сам по себе, даже без серьезной обработки⁴.

Однако нам пора сказать себе “стоп” и вернуться к “прозаическим” правилам. Сбор данных в исследовательском проекте — это особым образом регламентированная процедура. И с этой точки зрения включенное наблюдение и нарративные интервью являются важными способами сбора впечатлений, но не имеют никакого отношения к собственно исследовательскому процессу. Ибо исследование возникает из постановки вопросов, из первоначальной идеи, которая конституировала программу исследования. Мы выходим в поле не с пустой головой (по крайней мере, желательно этого избегать), а с определенными представлениями об изучаемом объекте. Более того, какими бы несовершенными ни были эти представления, мы имеем некий априорный замысел, который сознательно привносится в процесс исследования и направляет его. В этом отношении исследование — это не пассивное отражение реальности, а ее активное структурирование.

Есть работа фотографа и работа художника. Фотографирование (не художественное, а обычное) стремится к максимально точному отображению того, что мы видим, со всеми деталями. Художники же (за исключением фотореалистов), приступая к очередному полотну, не стремятся к фотографическому отображению жизни, как она есть. И оценивается их работа не по степени совпадения с натурой. Отталкиваясь от своего видения реальности, художник сам создает новую картину этой реальности. Эти реальности похожи, но никогда не совпадают. Работа исследователя в этом смысле сродни работе художника.

Сбор исследовательских данных — это не монолог респондента под шуршание включенного диктофона. Это сложным образом выстроенный диалог. Мы разворачиваем его, имея первоначальную схему, наиболее важные вопросы, гипотезы. Помимо этого,

⁴ Прекрасным образцом такого богатого и интересного материала может послужить книга: Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М.: Аспект Пресс, 1996.

мы имеем схему представлений о респонденте и схему представлений о его(ее) представлениях — о мире и о себе. Мы вбрасываем свою (пусть абстрактную) схему в этот диалог и ожидаем живой реакции. При этом наша схема не должна упасть бетонной плитой, которая раздавит несчастного респондента. Она должна стать мячиком, который вернется к нам, вновь будет отправлен к респонденту и вновь вернется. В процессе творческого диалога мы начинаем ее корректировать и продвигаться к лучшему пониманию происходящего. Исследование в целом — это столкновение разных представлений о мире. И не важно, кто скажет последнее слово в этом диалоге, важно, чтобы первый удар наносили мы. И этот удар должен быть хорошо нацелен, чтобы не выстрелить в белый свет, как в копеечку. Закрепим это понимание правилом.

Правило 18. Исследование — это не свободное движение, руководимое по ходу интуицией. Оно организуется как изначально нацеленный процесс.

“Ах, — воскликнут здесь особо впечатлительные особы, — при таком подходе мы ведь многое заведомо теряем!” Да, теряем. Но нельзя объять необъятное, а стремление к этому — плод излишних амбиций. Надо быть скромнее. Не упустим ли мы что-нибудь очень существенное? Можем и упустить. Исследование — процесс, сопряженный с немалым риском. Но будем надеяться, что нечто главное мы сумеем удержать. В любом случае это зависит прежде всего от нас самих, а не от настроения респондента.

Предвижу вопрос: а если мы столь мало знаем об объекте, что еще не в состоянии сформулировать значимые вопросы и завязать сколь-либо содержательный диалог с респондентом, как быть в этом случае? В этом случае, — отвечаем мы, — исследование (пока) невозможно. Не надо отождествлять всякий выход в поле с исследовательским процессом. Последний требует изрядной подготовки — продумывания идеи, ознакомления с предыдущими исследованиями, выстраивания схем.

Ну, может быть, хватит об этом? Сколько можно говорить о тривиальных вещах, да еще постоянно иронизируя? Клянусь, я бы не стал этого делать, если бы время от времени не слышал юношей и девушек, которые с большим энтузиазмом рассказывали о своем будущем исследовании. А в ответ на наивный вопрос, могут ли они показать схему интервью и написанный опросник, недоумевали: “Зачем, я уже договорился(ась) здесь и там, будет такой интересный материал... А в голове-то у меня все это есть...”

Как обращаться с вопросником

Рассмотрим еще несколько сухих правил на примере работы с полустандартизованными интервью. Напомним, что здесь мы не затрагиваем одну из наиболее сложных и интересных частей ремесла — составление анкеты. Первое правило элементарно.

Правило 19. Независимо от характера интервью, письменный вопросник должен быть подготовлен. И чем детальнее он будет, тем лучше.

А если мы приглашаем кого-то в качестве интервьюеров, то нужно писать еще и техническое задание с разъяснениями, как и что делать. Коли помощник один и находится под нашим непосредственным контролем, то можно, конечно, обойтись устными наставлениями. Но при чуть более сложной схеме письменное задание крайне необходимо. Люди, не зараженные глубоким интересом к нашему исследованию, быстро забудут устные распоряжения, а потом еще могут сказать, что “мы об этом не договаривались”.

Вопросник должен быть структурирован согласно проблеме, как мы ее видим на данный момент. Если через месяц выяснится, что он мало на что годится, это плохо, но не трагично. Лучше иметь несовершенный вопросник, корректируя его по ходу дела, чем не иметь никакого. Корректировке должен способствовать и непреходящий пилотаж вопросника (который, впрочем, проводится далеко не всеми).

Мы оставляем в стороне важный вопрос о том, как выстраивать и формулировать вопросы. Понадеемся на имеющиеся учебники и накопленный опыт наших читателей⁵. Посмотрим тем временем, как с вопросником обращаться. Конечно, в ходе самого интервью жестко следовать заранее подготовленному вопроснику во многих случаях нецелесообразно. Это ведь инструмент, а не святое писание.

⁵ См., например: *Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. С. 188—208; *Мертон Р., Фиске М., Кендалл П.* Фокусированное интервью.

И с этой точки зрения весьма желательно, чтобы инструмент попадал в хорошие руки. Если приглашенный нами интервьюер бубнит вопрос за вопросом, а респондент дает краткие ответы типа “Да, это правильно”, то толку выйдет немного (Вы, конечно, видели тексты подобных “интервью”).

Чтобы этого избежать, нужно соблюсти несложные принципы, которые опять-таки легко найти в любом приличном учебнике. Например, зачитывать вопросы, если речь идет не об анкете, а об интервью, — не самая удачная затея. Куда лучше эти вопросы запомнить.

Опыт показывает, что разработанная структура интервью не исключает возможной гибкости. Проводя качественные интервью, не стоит загонять респондента в жесткие рамки. Вопросы могут задаваться в любой последовательности, респондент имеет возможность забежать вперед или, наоборот, возвращаться назад. Однако все вопросы из намеченного списка должны быть заданы, вплетены ненавязчивым образом в ткань организованной беседы.

Принципы работы сводятся к следующему правилу.

Правило 20. Интервью должно выглядеть как свободная беседа, которая при этом ведется нами по заранее заготовленному плану. Этот план может гибко корректироваться по ходу, но он должен быть детально проработан.

Поэтому когда респондент устремляется за пределы разумного — начинает дежурно ругать правительство и президента, рассказывать байки и раскрывать свой богатый духовный мир, в то время как его(ее) спрашивают об источниках семейного дохода, то следует мягко, но настойчиво вернуть человека к предмету нашего интереса.

Считается, что лучше лишний раз не размахивать вопросником и тем более не подсовывать диктофон прямо под нос респонденту. Хорошо бы делать это ненавязчиво, незаметно, невзначай. Мою уверенность в этом “элементарном” требовании поколебал сильный и опытный социолог В. Виноградский. Он заметил, что в интервью с представителями крестьянских семей (деле сложном и деликатном) вопросник и диктофон могли не только не мешать разговору, но вырабатывать специфический тип доверия. Они маркировали интервьюера как “ученого”, делающего малопонятное, но серьезное дело. Они помогали закрепить статус интервьюера, снять излишнюю неопределенность, мешающую свободному разворачиванию диалога.

Таким образом, общих правил по поводу конкретных техник проведения интервью, конечно, нет. Много делается по ситуации. Впрочем, формулируемые нами правила касаются не техник, а принципиальных процедур. И они не позволяют вовсе отказаться от всяких записей и перейти к дружеским беседам за кружкой пива, как предпочли бы многие.

Оговоримся, что сбор разного рода впечатлений отнюдь не закрывает нам дорогу к последующей исследовательской работе в собственном смысле слова. И тексты свободных нарративных интервью могут впоследствии анализироваться с помощью стандартных исследовательских процедур. Мы этого вовсе не отрицаем.

Что же касается исходных материалов, то ими ведь могут быть не только специальные данные, но вообще все, что угодно, — газетные статьи, рекламные слоганы и, конечно, нарративные повествования. А вот специальные данные — это не любой собранный материал, но продукт сложной профессиональной работы.

Между исследовательским процессом в части сбора данных и сбором впечатлений нет непреодолимой стены. Чем больше в нашем деле структурирующих и процедурных моментов, тем больше в нем от исследования. Но степень структурирования и стандартизации может быть разной. Поэтому речь идет о континууме, где исследование и сбор впечатлений могут плавно переходить друг в друга. И в этом нет ничего страшного. Главное — не становиться в позу: нам, дескать, не нужны никакие априорные схемы.

**Обязательно
ли фиксировать
получаемые данные**

Данные — это то, что мы в состоянии предъявить в минимально упорядоченном виде. Другие вряд ли будут их детально анализировать, делая за нас нашу работу (хотя роль вторичного анализа количественных и качественных данных возрастает и будет возрастать впредь). Но это вопрос общего правила.

Правило 21. Упорядоченная фиксация данных — обязательная, неотъемлемая часть исследовательских процедур. То, что не зафиксировано в систематическом виде, данными не является, а остается нашими впечатлениями.

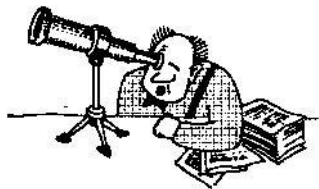
При этом впечатления могут быть очень важными и интересными, это дела не меняет. Помимо формальных правил, целесообразность детальной и упорядоченной фиксации данных связана и с естественными ограничениями нашей памяти. Человек — существо забывчивое. Сначала мы теряем из виду детали, а потом и более важные вещи. И нет почти ничего, что человек не в состоянии забыть, причем на удивление быстро. И только опредмеченные (записанные) результаты остаются с нами до того долгожданного момента, когда мы соберемся, наконец, их излагать. Кроме того, записи — это то, к чему мы всегда можем вернуться, — через год, через пять лет. Мы ведь не можем заглянуть так далеко, не знаем, что нам понадобится в будущем.

Остается решить вопрос, *как* фиксировать данные. Просто записывать на магнитофон или в дневник все, что нам наговорят, или все, что нам удалось заметить и услышать в процессе наблюдения? Или записывать все “интересное”? То есть интересно было — записал, не интересно — не записал? Многие так и делают, но нас такой путь не прельщает.

Мы призваны думать о реализации задач исследования и о том, как мы будем потом эти данные анализировать. Это означает, что надо не просто записывать, а *структурировать и каталогизировать данные* в соответствии с первоначальным замыслом. Вводить тематические разделы, разносить их по разным файлам. И фиксировать все, что относится к данным темам. Основные темы в свою очередь должны соответствовать задачам исследования.

При этом возможны и некоторые дополнительные фиксации. Например, в своем первом обследовании российских предпринимателей, помимо довольно громоздкой анкеты с вопросами проекта, наша группа просила интервьюеров фиксировать на специальных карточках данные о том, как человек одет, как ведет себя, как обставлен офис (если это происходило на рабочем месте). К сожалению, потом ввиду обилия других дел мы не проанализировали эти дополнительные данные (множество собранных данных, как известно, остается нетронутым), но зачем же заранее отрезать себе пути к иному.

Зачем нужны тщательные каталогизация и фиксация всех данных? Затем, что наш интерес в будущем способен повернуться в другую сторону. Лучше, конечно, чтобы он не вертелся флюгером на семи ветрах, но серьезные подвижки более чем возможны. Поэтому нередко мы просим наших интервьюеров фиксировать некие дополнительные сведения. Если они не перегружают корабль полевых исследований, их сбор может стать важным заделом на будущее. Интерес — дело преходящее, а данные остаются навсегда.

Сбор данных — это не поиск интересного

Многие уверены, что настоящие данные — это нечто сногшибательное, доселе никому не ведомое. Между тем в профессиональном исследовании интересное и неинтересное идут рука об руку и, более того, для нас они являются равнозначными.

Можно высказаться и более радикально. Если нам удалось получить какой-то совершенно неожиданный результат (особенно если это касается количественных данных), то скорее всего это результат нашей ошибки или смещения выборки. “Ужасная” вещь заключается в том, что по-настоящему надежные данные, за редким исключением, скучны, во многом предсказуемы, соответствуют нашим первоначальным представлениям, а часто и здравому смыслу. Когда-то после завершения первого обстоятельного обследования мне довелось делиться на публике его первыми результатами, и известный экономист В. Найшуль в кулуарной беседе задал мне достаточно остроумный вопрос. Если сообщается, что джентльмена укусила собака, то это никого не удивляет, а вот если джентльмен укусил собаку, это производит особое впечатление. Так есть ли такой джентльмен в вашем исследовании? Признаюсь, я задумался и не нашел ничего из ряда вон выходящего. Напротив, достоинство полученных данных виделось в их спокойном правдоподобии.

Получение “скучных” данных должно не смущать, а, напротив, укреплять нас в том, что мы на верном пути. Нас не может смущать и то, что в результате тщательного исследования мы получили убедительное подтверждение общеизвестного факта. Ибо есть факты и “факты”. Закрепим это рассуждение правилом.

Правило 22. Нужно различать сбор впечатлений и профессиональное исследование. Даже совпадение выводов не устраняет качественного различия между ними. Одни остаются не более чем правдоподобными впечатлениями, а другие превращают впечатления в факты.

По форме суждения могут быть совершенно одинаковы, но по существу они имеют разный статус.

С некоторым опасением перехожу к сюжету о выборе между количественными и качественными методами сбора данных. Опасение связано, во-первых, с тем, что все, что можно было по этому поводу высказать, уже много раз говорено другими, и куда ни ступишь, “вляпаешься” в банальность. А во-вторых, сам этот спор является хоть и зажигательным, но исключительно праздным. И “разрешается” малосодержательными, но глубоко верными заключениями типа “мамы всякие нужны — мамы всякие важны”, или каждый метод имеет свои достоинства и принципиальные ограничения. Ни один из методов не имеет изначальных преимуществ перед другими и, в свою очередь, не может заменить другие. Все дороги ведут к Храму. Каждый метод позволяет высветить часть исследуемого объекта с какой-то особой стороны. И нет плохих методов, есть лишь плохие исполнители. Казалось бы, сколько можно это повторять!

Действительно, качественные методы позволяют нам зафиксировать массу интересных подробностей и значимых деталей, описать механизмы, раскрыть протекающие процессы, охарактеризовать отношения. Они могут многое из того, что принципиально недоступно, скажем, для анкетного опроса. Но, увы, они оставляют нас в поле единичных фактов. И даже если мы, упершись, соберем десятки интервью, мы не выйдем за пределы этих единичных фактов. Как любит говорить (и писать) социолог Г.С. Батыгин “сингулярности молчат”.

Если бы мне позволили высказать свое мнение, то я не сказал бы, что сингулярности уж совсем бессловесны. Они позволяют нам фиксировать наличие явлений (в том числе новых явлений), нащупывать связи. Есть только одно “но”, которое не исчезает даже в тех случаях, когда в исследовании были соблюдены все необходимые процедуры. Его фиксирует следующее правило.

Правило 23. В качественных исследованиях придется отказаться не только от количественных, но и от псевдоколичественных характеристик, пытающихся оценить частоту и масштаб обследуемых явлений.

Выполнять данное правило — значит не произносить фраз наподобие: “это явление более (или менее) распространено” или “наиболее типичным является...” Старательно избегать слов “преимущественно”, “главным образом” и прочих способов тихой объективации наших суждений, которые протаскивают через черный ход оценки масштаба изучаемых явлений. Читатель полагает, что это легко сделать? Возьмем любую статью искреннего приверженца качественных методов и посмотрим, соблюдено ли это правило. Боюсь, нас постигнет некоторое разочарование.

О недостатках и ограничениях количественных методов написано и сказано еще больше. Они дают нам распределение частот, позволяют сравнивать явления по степени распространенности, оценивать значимость связей. Но многое упускают, огрубляют, омертвляют. Что же делать, многое из того, что говорится и пишется, сущая правда. Любой метод далек от идеала. И количественные методы не исключение.

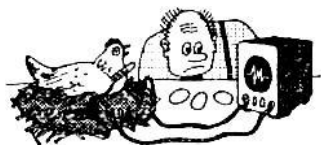
“Идеальная” практическая схема сбора данных, которой я и мои коллеги стараемся придерживаться в своих проектах на протяжении последних лет, состоит из трех последовательных стадий.

1. Вводная серия качественных интервью.
2. Стандартизованный анкетный опрос.
3. Заключительная серия качественных интервью.

На первой стадии мы еще недостаточно знаем изучаемый объект, пытаемся нащупать проблему, поставить значимые вопросы, сформулировать гипотезы, подготовить более совершенный инструментарий. Мы собираем данные и одновременно готовимся ко второй стадии — стандартизованному анкетному опросу. А за ним следует третья стадия — заключительная серия интервью. Она преследует иные задачи — более глубокой интерпретации данных, уточнения результатов, детализации развернутых схем. В нее можно подбрасывать и результаты первичного анализа количественных данных — как материал для обсуждения с нашими респондентами.

Вы скажете: “Это схема большого проекта, у нас пока нет возможности реализовать подобный проект”. Хорошо, давайте обойдемся без анкетного опроса. Только не надо повторять чужие слова, что количественные обследования — это полная ерунда и т.п. И не надо, трагично улыбаясь, в сто пятый раз говорить, что люди не искренни в ответах на вопросы анкеты. Меня в подобных случаях охватывает глубокая тоска, и хочется задать глупый вопрос: а проводили ли Вы сами хотя бы одно подобное обследование?

Но подлинный вопрос, разумеется, не в оценке недостатков того или иного метода, а в том, как люди в принципе делают свой выбор между разными методами. В любом учебнике мы прочитаем, что метод должен быть релевантен цели исследования и изучаемому объекту. У меня же порою складывается обратное впечатление. Мне кажется, что люди сначала выбирают метод (исходя из своей квалификации, пристрастий, привычного образа жизни), а потом подыскивают для него подходящий объект. С этой точки зрения метод — неплохая характеристика самого исследователя, относительно безразличная к существу рассматриваемых проблем. Выбор метода также является отражением внешних обстоятельств и структурных ограничений, столь же слабо связанных с объектом исследования.

Чем привлекательны качественные методы

Любопытно посмотреть на причины неуклонно возрастающего интереса к качественным исследованиям (по крайней мере, в социологии). Нам говорят, что мир изменился, и возникла масса проблем, принципиально не разрешимых с помощью количественных методов. Мы готовы развернуть иную точку зрения, представив выбор между количественными и качественными методами прежде всего как внутреннюю проблему профессионального сообщества и оставив грешный мир в молчании и покое.

Первое объяснение приходит из области философии науки. Здесь и в самом деле произошли важные события, связанные с принципиальной критикой позитивистских и неопозитивистских взглядов, а следовательно, под удар попали и количественные методы, которые во многом строились на соответствующих постулатах. Но это лишь одна из причин.

Второе объяснение состоит в том, что с организационной точки зрения качественные исследования проще. Анкетный опрос 50 человек вызывает здоровый смех общественности, а серия из 50 интервью (по не столь очевидным причинам) считается солидным предприятием. Анкетный опрос — достаточно сложный организационный проект, его ошибки и просчеты более видны. В качественном исследовании их легче спрятать, и ответственность здесь

заметно ниже. К числу досадных сложностей опроса следует отнести, например, то, что здесь должен быть соблюден принцип одновременности, а серию интервью можно растягивать на годы (что, кстати, многие и делают, собирая одну серию интервью в течение трех-пяти лет). С точки зрения методик и последующего анализа данных анкетные опросы — ремесло более замысловатое, требующее специальной подготовки. Качественные исследования тоже не просты, но не требуют стольких первоначальных навыков. (И хорошо, что не требуют.)

Третье объяснение — более приземленного свойства. Мы любим рассуждать о высоких материях. Но почему бы не признать причины не столь романтического происхождения: качественные исследования *дешевле*. А денег на крупные проекты некоммерческого характера выделяют все меньше (и далеко не всем). Это означает, кстати, что в ближайшие годы нас ожидают серьезные изменения в методах сбора данных. Возрастающая часть социологов и экономистов вынуждена будет взяться за анализ уже имеющихся баз данных, которые предоставлены официальными органами и крупными опросными фабриками (среди экономистов это дело привычное, а среди социологов пока не слишком популярное).

Работа с чужими данными привлекает не всех. Если вдобавок данные не находятся в открытом доступе, то приходится кого-то просить, работать на кого-то. Это не всем по зубам и не всех устраивает. А поскольку у многих нет ни охоты, ни профессиональных навыков для работы с чужими данными, и к тому же хочется чего-нибудь “своего” (маленького, но глубоко личного), то остается другой путь — самостоятельных исследований. Если речь идет о молодых исследователях, то денег на опросы у них, как правило, нет или откровенно мало. Остается испытанный вариант качественного исследования. Здесь ты сам себе и режиссер, и оператор, и актер в одном лице. И дешево.

Наш список причин еще не закончен. Эмпирические данные — штука довольно жесткая. Они раздвигают рамки нашего знания, но одновременно в не меньшей степени ограничивают нашу фантазию и сдерживают свободный полет творческой мысли. Поэтому, кстати, если мы склонны к философствованию (делу весьма благородному), то данные нам ни к чему, более того, они даже вредны. И количественные данные, надо сказать, сдерживают свободные воспарения очень сильно.

Например, кто-то решил заняться гендерной социологией, сформулировал несколько гипотез относительно гендерных различий в социально-экономической сфере. Провел опрос, создал базу

данных. Смотрит переменную пола, а она не работает. Образование, социально-профессиональная группа, даже возраст работают, а пол (гендер) — нет. И что, спрашивается, дальше делать? Компьютер тупо пересчитывает то, что введено в программу. А связи все не обнаруживаются. С этой точки зрения качественное исследование куда удобней. Оно позволяет реализовать любые, самые смелые фантазии. Кому же хочется загонять себя в матрицу неумолимых формальных расчетов, которые сплошь и рядом не оправдывают наших первоначальных надежд. Можно ведь писать, выбирая из интервью то, что вздумается, или просто излагать свои мысли, ссылаясь время от времени на проведенный опрос и мнение неких респондентов. Причем, что особенно приятно, все это фактически не проверяемо, никто не сможет поймать нас за руку, пересчитав парную корреляцию. А на чтение сотен страниц рыхлого нарративного текста мало кто поднимется. Свобода!

? ? ?

Вновь зададим себе несколько вопросов-напоминаний.

- * Можем ли мы изложить процедуры сбора данных так, чтобы при желании их могли повторить другие исследователи?
- * Хорошо ли нами продуманы принципы построения выборки, достаточен ли ее объем, охватывает ли она все типы исследуемых объектов?
- * Как мы и наши интервьюеры будем выходить на респондентов и устанавливать первоначальный контакт?
- * В какой степени готова наша анкета или письменный вопросник, предусмотрели ли мы стадию пилотажа?
- * Как мы собираемся построить диалог с респондентом и какова степень допустимой гибкости в данном диалоге?
- * Какими способами будут фиксироваться и структурироваться полученные данные для последующего использования?
- * Каковы принципиальные ограничения выбранного нами метода сбора данных и построения выборки, которые придется учитывать при интерпретации данных?

Глава 3

ПРАВИЛА НАПИСАНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТОВ (ОТЧЕТЫ, СТАТЬИ, УЧЕБНЫЕ ЭССЕ)

Легко ли придумать заголовок. — Нужен ли предварительный план работы. — О нем писать во введении и заключении. — Как построить основной текст. — Чего не хватает в наших аргументах. — Типичные ошибки в письменных текстах. — Что можно посоветовать по форме изложения. — От чьего лица говорить. — Как выбрать жанр работы. — Сколько раз нужно редактировать текст. — Как построить отношения с профессиональным редактором

Продолжаем разговор о простых вещах, которые мы прекрасно знаем, но почему-то никак не начнем применять. Предположим, мы не только составили программу исследования, продумали весь проект, но и (с легкостью или ценою нечеловеческих усилий) провели полевые исследования. Успешно завершены также и анализ полученных данных. Приближается долгожданный момент — написания первой работы: аналитического отчета, журнальной статьи, учебного эссе. Ниже читатель найдет несколько советов и рекомендаций по соблюдению “правил приличия” в этом благородном деле. Начнем с правил *построения* итоговой работы, а в одной из следующих глав познакомимся с правилами ее оформления.

С первых строк оговоримся, что абсолютно универсальных канонов, связанных с подготовкой письменной работы, быть не может, особенно если речь идет об учебных требованиях, — они

могут варьироваться в зависимости от заведения, конкретного курса, отдельного преподавателя. Мы же попробуем сосредоточиться на общих правилах или наиболее целесообразных приемах¹.

Возьмем для простоты пример учебной работы — реферата, эссе, курсовой, понимая, что большинство правил относится к любому письменному тексту. Каждая такая работа должна включать четыре обязательных части:

- * титульный лист;
- * оглавление;
- * собственно текст;
- * библиографию.

Иногда к ним добавляется аннотация (как правило — в пределах 200 слов). Работы также нередко оснащаются разными приложениями, но это зависит от характера материала. Что же касается перечисленных четырех частей, то их можно считать обязательными.

Легко ли придумать заголовок

К вопросу оформления титульного листа мы обратимся в пятой главе. А сейчас на повестке более содержательный вопрос — формулирование темы, или названия, работы. Здесь часто спрашивают, а надо ли ее вообще формулировать до завершения текста, когда, наконец, прояснится, что, собственно, мы написали. Действительно, когда работа уже сложилась, придумать к ней заголовок намного проще. Но все же мне кажется, что сделать попытку определения темы следует сразу. Другое дело, что законченной и отточенной формулировки может не получиться — это не должно

¹ Есть немало западных работ, посвященных данному предмету. См., например: *Becker H.S. Writing for social scientists*. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1986; *Britton J., et al. The Development of Writing Ability*. L.: Macmillan, 1975; *Elbow P. Writing with Power: Techniques for Mastering the Writing Process*. N.Y.: Oxford University Press, 1981; *Zinsser W. On Writing Well: An Informal Guide to Writing Nonfiction*. N.Y.: Harper and Row, 1980. Среди российских работ см., например: *Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований: Учебник для вузов*. С. 228—235.

нас расстраивать. В процессе работы эта формулировка может сильно измениться — то ли мы сами “дозреем”, то ли окружающие посоветуют (или даже настоятельно порекомендуют) ее подкорректировать. Однако вариант названия лучше иметь с самого начала.

Каковы элементарные требования к названию работы? Эти требования сведены нами в одно правило.

Правило 24. Название работы должно быть ясным, библиографически точным, содержательно определенным, проблемным, компактным и литературным.

Первое, формулировка должна быть *ясной по форме*, т.е. не должна содержать неудобочитаемых и заумных фраз со словами и словосочетаниями, известными одному лишь автору и узкому кругу приближенных. Больше здесь добавить нечего.

Второе требование чуть сложнее. Название должно содержать *ключевые слова*, которые репрезентируют наше исследование. Этим мы с вами убиваем двух зайцев. Во-первых, люди по названию смогут хотя бы приблизительно понять, о чем идет речь. Во-вторых, библиографическое описание и каталогизация нашей работы будут производиться именно по нашему заголовку. Поэтому если мы озаглавим работу с помощью дежурного клише “Как нам выйти из кризиса” или “Поражение реформ” (а в желающих использовать подобные клише недостатка нет), то мы ставим библиографов в тяжелую ситуацию. И они могут выйти из этой ситуации, поместив описание нашей работы в такие разделы, где коллеги, интересующиеся нашей темой, ее никогда не найдут. Поэтому если мы, например, пишем о женщинах-безработных, не стоит злоупотреблять названиями типа “Тяжелые судьбы российских женщин”. Надо не упустить из названия слово “безработный”. И в целом, чем точнее словесный набор в названии работы, тем выше вероятность, что мы попадем в нужный библиографический раздел. К тому же использование штампов ведет к появлению многих статей с одними и теми же названиями. Трудно сосчитать, сколько раз мне приходилось встречать в самых разных местах клишеобразный заголовок “Большие проблемы малого бизнеса”. Хотите присоединиться?

Третье, название должно быть *конкретным*. Следует избегать столь привычных слов-паразитов типа “некоторые”, “определенные”, “особые”. Эти слова используются очень часто, несмотря на то, что никакой информационной нагрузки они не несут, мы прикрываемся этими словечками, когда оказываемся не в состоянии

дать четкое определение темы. А для читателя нашего труда они становятся сигнальными флажками — “здесь недодумано и недоработано”. Заглавие одной из моих статей начиналось словом “Некоторые”. Я считаю это постыдным свидетельством собственного бессилия, ибо в тот момент не смог дать ничего более достойного.

Помимо слов-паразитов, хорошо бы также избегать откровенно тавтологических фраз вроде “влияния социального на общественное”. Это, впрочем, случается не так часто.

Четвертое, название должно нести в себе какую-то *проблему* или хотя бы намек на проблему. Это требование выполнить уже намного сложнее. И большинство формулировок никаких проблемных элементов не содержат, а являются “лововым” поименованием объекта. Например, в чем состоит проблема, выраженная типичным заголовком “Женщины-предприниматели в современной России”? Ни в чем. Это простое указание на объект нашего интереса.

Пятое требование говорит о желательной *компактности*. Название не должно быть длинным. А если оно длинное, то это не название. Приведем пример из жизни, в которой, как известно, случается всякое. Скажем, можно встретить и такой заголовок: “Структурные факторы и технологии социального конструирования типов мужественности и женственности в рамках совместного (раздельного) обучения учеников разного пола в среднеобразовательных школах советского и постсоветского периодов”. Это название интересно тем, что оно вовсе не глупое и не содержит никакой “воды” или потусторонних описаний. Это полная и обстоятельная характеристика объекта исследования. Претензия только одна: название *не может быть* длинным. Посему — хочешь не хочешь — придется его сократить. Кроме того, нам на помощь приходят несложные приемы разбивки заголовков с помощью двоеточий и скобок, которые отделяют от основной темы ее уточнения и конкретизации. Автор данных строк, грешен, постоянно прибегает к этому спасательному кругу. Продолжая взятый пример о разнополых учениках, можно привести заголовок к следующему условному виду: “Социальное конструирование типов мужественности и женственности на примере совместного и раздельного обучения учеников (советский и постсоветский периоды)”. Тоже длинно, конечно, но пути к совершенству долги и витиеваты.

Наконец, название должно выглядеть гладко с *литературной* точки зрения. Если в одном заголовке три раза употреблено слово “социальный” или “экономический”, значит, дела плохи. Нельзя также пропускать в название сленговые слова и выражения, если

только они не являются объектом анализа. Наконец, есть масса специальных правил, которые известны каждому профессиональному редактору. Например, приходилось слышать, что с редакторской точки зрения надо сразу убивать за нанизывание трех родительных падежей подряд в одном предложении. Таких требований бесчисленное множество, и мы в эту специальную область забираться не будем. Понадеемся, что каждому из нас будет оказана своевременная редакторская помощь.

Остался один практический вопрос: как, собственно, формулировать тему, если она никак не складывается? Из многочисленных запросов мне известно, что с этой проблемой сталкиваются очень многие. Я предлагаю следующий стандартный вариант. Садимся, берем чистый лист бумаги и пишем формулировки, пока особо не задумываясь, по мере их прихода в голову. Более десяти названий нам все равно не придумать. После первого поверхностного просмотра списка останется максимум 5—6 потенциальных тем, остальные покажутся несуразными. Дальше придется немного подумать, соотносить тему с характером подготавливаемого материала. В итоге останутся 2—3 формулировки. В этот момент хорошо бы с кем-нибудь посоветоваться. Ибо опытный человек, взглянув на краткий перечень тем, за три минуты поможет нам выбрать наиболее адекватный вариант. С точки зрения последствий эти раздумья над заглавием очень важны, ибо заставляют нас определиться с тем, *о чем*, собственно, мы будем писать, в чем состоит основная цель работы и как будут в ней расставляться акценты.

Нужен ли предварительный план работы

Немало достойных людей, сталкиваясь с вопросом о предварительном плане работы, начинают кокетничать и говорить, что ни по какому плану они якобы работать не могут. Для них главное — поймать ветер вдохновения и на всех парусах устремиться в неизведанные дали творческих научных изысканий. Они, дескать, настолько “противоречивые и внезапные”, что планы могут составлять только задним числом. А до начала работы ничего не получается.

Не спорю, люди работают по-разному. Но мне кажется, что общую структуру работы (особенно если речь идет об академической работе) все же следует иметь. Понятно, что подобный план может

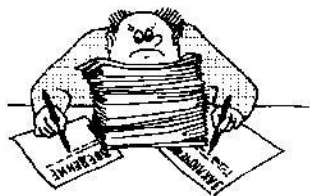
впоследствии сильно измениться, “поплыть”. Не исключено, что меняться он будет не один раз, это значения не имеет. Общее правило сохраняется.

Правило 25. Составить хорошо продуманный, структурированный и развернутый план — значит сделать половину работы.

Если мы составили такой план, то вправе сказать себе, следуя забавной поговорке: “Фильм уже готов, его осталось только снять”.

Поэтому после листка с примерными названиями работы нужно взять второй листок и набросать ее структуру на одну страницу плотного и упорядоченного текста. А потом показать его какому-нибудь специалисту, который свежим глазом живо увидит дыры и элементы непоследовательности в нашем плане.

Теперь перейдем к основному тексту и начнем с его вводной и заключительной частей.

О чем писать во введении и заключении

О чем писать во введении к работе? Одни сразу берут быка за рога и бросаются излагать содержательные вопросы. Другие, наоборот, делают длинное вступление к теме, начиная “от древних греков”. Третьи пространно объясняют сугубую важность заявленной темы. Как здесь поступить? Предлагаю последовать такому правилу.

Правило 26. Введение должно раскрывать основные пункты программы нашего исследования.

Это означает, что во вводной части мы пытаемся поставить проблему, формулируем цели и задачи исследования, разъясняем ограничения данной работы (на что читатель может, а на что не может рассчитывать). Далее излагаются гипотезы. Целесообразно определить статус и жанр предлагаемого материала — это реферативное изложение или наша самостоятельная работа, теоретическая работа или эмпирическая, носит ли она научно-популярный или сугубо профессиональный характер, к кому мы обращаемся и какие требования к нашему тексту следует предъявлять.

И, наконец, нужно дать хотя бы элементарное обоснование структуры работы — в какой последовательности будет излагаться материал и чем обусловлена именно такая логика. Понимание логики изложения, несомненно, облегчит читателю нелегкий труд — ведь ему(ей) придется продирааться через навороченные нами словесные и смысловые дебри.

А что обычно люди пишут в заключении? Они повторяют некоторые положения из основного текста, т.е. просто копируют несколько гладких фраз и предлагают их под маркой “общих выводов”. Кому охота делать эти заключения? А так быстро выходим из ситуации, и труд, прямо скажем, невелик. И если я начну уверять читателей, что никогда этого не делал, они мне вряд ли поверят — конечно же, делал, и не раз.

В таком повторении, впрочем, нет ничего дурного. И суммирование основных положений не мешает, особенно если текст длинноват и сложен по структуре. Но сводить к этому выводы все же неправильно. Или, скажем более мягко, можно делать иначе. То есть формулировать общие выводы, которые вытекают из изложенного материала, но по форме текста и, отчасти, по содержанию его не повторяют.

Проблема завершения текста не столь ужасна, как проблема его начала. Тем не менее трудности возникают. Хочется ведь, чтобы в конце было что-то значимое и в то же время “открытое”, подводящее многосмысленный итог и дающее надежду. Вдобавок к этому моменту мы уже подустали от данного текста, не прочь от него отвязаться, да и время поджимает. Так чем же закончить? Есть достаточно изящный спекулятивный ход. После общих заключений и выводов вполне можно указать пути дальнейшего развития исследований в данной области: в каком направлении мы лично собираемся продвигаться в своей следующей работе; куда советуем отправиться другим коллегам, разделяющим наш интерес к предмету; какие нераскрытые проблемы поджидают нас за ближайшим поворотом темы; какие новые горизонты нам откроются, если мы за него завернем. Подобные пассажи, во-первых, помогают “закруглить” затянувшееся повествование. Во-вторых, они очерчивают границы того, что нам уже удалось (по нашему мнению) совершить. А в-третьих, они вывешивают метки на будущее, закладывают основы новых исследовательских программ или по крайней мере намекают на возможность таких программ.

Осталось сделать маленькое замечание. Высказывая пожелания по поводу перспектив дальнейшей работы в изучаемой области, нет необходимости адресовать ее всему профессиональному

сообществу и нашим условным последователям. Чем указывать светлую дорогу другим, лучше прорисовать пунктирную тропку для самого себя. Так будет честнее и вдобавок поможет людям сориентироваться в том, что *фактически* будет происходить, а не в том, что *может* произойти. Появляется соответствующее правило.

Правило 27. Не нужно указывать другим, что они могут или должны делать. Нужно заявлять собственные исследовательские программы.

Как построить основной текст

Теперь, наконец, мы добрались и до основного текста в узком смысле слова — к тому, что втиснуто в “жалкое” пространство между введением и заключительными выводами. Речь пойдет о стандартной структуре этого текста. Здесь важно следующее правило.

Правило 28. Ядром всякого письменного текста является ключевая связка “тезис — аргумент”.

Существуют некоторые варианты в реализации этой схемы. Например, работа может быть теоретической или эмпирической, и это не может не влиять на структуру изложения.

Начнем с *теоретической* работы, основанной, преимущественно или исключительно, на литературных источниках. Такую работу вполне можно открыть кратким, но впечатляющим обзором этих источников, чтобы показать литературную традицию и обозначить наших предшественников. Одновременно мы не только демонстрируем свою осведомленность, но и вводим читателя в содержательный контекст. Вслед за этим выдвигается тезис, некая идея или концепция, предлагающая вариант объяснения ключевых вопросов, поставленных в нашем исследовании. Эта идея может родиться в нашей собственной голове, а может быть заимствована у других умных людей и предложена в нашем особом прочтении. Изложив подобную идею, мы переходим к наиболее важной части текста — аргументации.

Конечно, возможны и другие, менее стандартные построения текста. Например, можно не заявлять свое концептуальное решение в самом начале и построить весь текст, раскручивая интригу вокруг обозначенной проблемы, нагнетая смысловую напряженность, которая заставит читателя вместе с нами искать выход. А когда читатель “полностью потеряется в догадках”, когда будет ясно продемонстрировано, что никакие наши предшественники, начиная всеведущими классиками и кончая яркими современниками, нам уже ничем не помогут, выйдем мы — “все в белом” — и заявим свою сногшибательную позицию. Такой ход вполне допустим, но сопряжен с некоторым риском. Мы должны быть уверены, что сумеем магической силой нашего животворящего слова удержать читателя, в меру заинтересованного хитросплетениями нашей мысли, до победного конца. Многие ведь до него не доберутся или, наоборот, раскрыв наш маленький секрет, хитро скользнут к последним страницам.

Если наша работа имеет *эмпирический* характер, ее структура несколько меняется. Сначала делается неперенный концептуальный заход и формулируется тезис. Затем следует методическая часть, раскрывающая характер используемых данных. И, наконец, излагаются собственно результаты эмпирического исследования. Заметим, что “подтаскивание” отдельных фактов, непременно подтверждающих нашу позицию, или искусный подбор иллюстративных примеров, не оставляющих у читателя сомнений, что “жизнь именно такова”, как мы ее описываем, не превращают наше исследование в эмпирическое. Последнее предполагает специфические процедуры анализа данных, а во многих случаях — и производство (сбор) этих данных.

Должна ли работа содержать неперенный эмпирический элемент? Никто на этом не настаивает. Наше исследование может основываться на чисто литературных источниках и не содержать никаких эмпирических свидетельств. Однако, думаю, мы не будем спорить с тем, что если в работу включены эмпирические данные (тем более свежие и оригинальные данные), то она от этого только выиграет, и серьезным образом.

В учебном процессе также часто задается вопрос, нужно ли в своей работе увязывать рассуждения с современностью, выходить на нашу российскую проблематику. Такого обязательного требования тоже нет. Но если мы сумеем прочертить хотя бы пунктирную линию связи с нынешними реалиями, если хотя бы намекнем, какое отношение наши отвлеченные теории могут иметь к сегодняшней

жизни, то наши шансы заинтересовать читателя заметно повышаются. Ибо теми специальными вопросами, которые входят в круг наших профессиональных интересов, всегда занимается весьма ограниченное число людей. Посему выходить, пусть изредка, за пределы эзотерического знания совсем не глупо. Хотя и не обязательно.

Еще одно необязательное требование: читателю хочется, чтобы из нашего текста бился родничок свежей авторской мысли. Требовать свершения авторского подвига (т.е. самостоятельности и новизны) формально-бюрократическими средствами, конечно, смешно, хотя, например, диссертационные советы вынуждены по регламенту предпринимать такие попытки (чаще всего без видимого успеха). Заставить бить ключом живую авторскую мысль, конечно, нельзя. Либо она есть, либо ее нет.

Чего не хватает в наших аргументах

Вернемся к главному вопросу — об аргументации. Как ее строить? Многие торопятся перескочить к примерам, считая, что так будет понятнее. А некоторые даже уверены, что это чуть ли не единственный способ доступного изложения сложных вопросов. Для пущей важности их могут называть “кейсами” — практика, культивируемая в работах по менеджменту. Хотелось бы несколько охладить этот безудержный энтузиазм следующим правилом.

Правило 29. Доказательство с помощью примеров — не лучший способ обоснования позиции. Ибо оно не является доказательством вовсе.

Примеры служат в лучшем случае иллюстрацией общих положений, к ним можно прибегнуть, чтобы закрепить и оживить сухие логические постулаты. Если же примеры выставляются в качестве доказательств, то они становятся невольными свидетельствами нашего бессилия — невозможности довести свою мысль до конца логическими средствами. Конечно, нельзя упускать из виду возможные исключения. Скажем, существуют широкие области права, которые по своей сути являются прецедентными. И примеры напрямую

используются здесь как кирпичики в построении стены доказательства. Но распространять подобные специфические правила на все социальные исследования было бы опрометчивым шагом.

Другим способом построения аргументации, весьма характерным для множества работ, является последовательное разворачивание позиций какого-нибудь автора (или авторов). Например, утверждается, что некий знаменитый автор (скажем, П. Бурдые) или, наоборот, какой-то малоизвестный (пока) деятель с успехом решил некую важную проблему. На основе корпуса текстов данного автора излагаются его(ее) позиции в каком-то заданном ракурсе. Все делается терминологически грамотно, формируется вполне адекватное представление о взглядах данного исследователя. Затем следует вывод, что означенный П. Бурдые решил-таки поставленную проблему. А мы вместе в нем выполнили и задачу нашей работы. И все вроде бы хорошо. Но чего-то по-прежнему не хватает. Чего? Не хватает того, что называется *критическим аргументом*.

Если мы грамотно изложили чьи-то теоретические позиции, это само по себе неплохо, ибо выполнена важная просветительская задача. Но подобная работа все же носит реферативный характер. Реферативный элемент должен содержаться в любом труде, и без отсылки к традиции хорошая работа просто не состоится. Однако этот элемент — лишь необходимое, но, увы, не достаточное условие для профессиональной работы. Об этом говорит следующее правило.

Правило 30. Текст должен содержать критическую оценку изложенных позиций. Хороших работ без критического аргумента не бывает.

Критический аргумент может вводиться разными способами. Можно столкнуть позиции разных авторов, например П. Бурдые и А.Турена. В этом случае концептуальный заход одного автора ставим в оппозицию другому, проясняя в этом столкновении противостоящие взгляды обоих. Здесь открывается оперативный простор для творчества, и можно представить, например, что случилось бы, если бы на узкой тропинке встретились М. Вебер и Т. Парсонс. Но лучше все же не заноситься далеко в своих фантазиях и вместо “парадоксальных” постановок типа “кто сильнее — кит или слон” обращаться к реально существующим дебатам.

Можно также пойти совершенно иным путем — ввести критический аргумент от первого лица и производить разбор теоретических доказательств с собственных позиций. В любом случае это

предполагает дистанцирование от текстов и корпуса фактов, выход в рефлексивную позицию. Нужно найти в себе ресурсы для того, чтобы отстраниться от материала и взглянуть на него оценивающим взглядом. Мало кто станет настаивать (если речь идет не о диссертации) на том, что нужно обязательно изложить *свою* позицию. Но ее наличие будет должным образом оценено.

Но это еще не все. Вводя критический аргумент, мы только пытаемся тронуться с места. Высший пилотаж начинается с рефлексии второго уровня, когда мы, не удовлетворившись изложением собственных суждений, вновь отступаем на шаг в сторону и обнажаем оружие против самих себя, т.е. формируем критический аргумент в отношении собственной позиции. Зачем это нужно? Ну, уж не для того, чтобы заниматься публичным и, как правило, притворным самоуничижением, — проблема, дескать, такая большая, а мы такие маленькие. Мы только выглядываем из-за плеч гигантов и т.п. Не надо этого кокетства. Нужна рефлексивная работа, которая призвана прояснить (для себя и для других) основания и ограничения наших взглядов. А нужна она для того, чтобы двигаться дальше — и не по воле волн, а по велению рулевого колеса.

Осмелюсь сказать, что рефлексия первого уровня (по поводу чужих позиций) является обязательным требованием для всякой аналитической работы (чисто академической или прикладной), причем требованием, которое соблюдается, к сожалению, не столь часто. Что же касается рефлексии второго уровня (по поводу своих взглядов), то называть ее обязательной как-то неудобно. Хотя по-настоящему сильной работы без этого не сделать. Увы, редкая птица долетит до середины этой реки. А большинству подобная “ересь” просто не приходит в голову.

Типичные ошибки в письменных текстах

Предлагаем Вашему вниманию реестр типичных ошибок, совершаемых в разного рода письменных текстах — аналитических и реферативных, исследовательских и учебных. Начнем с ошибок, связанных с темой (заглавием) нашей работы. Первый случай — это “клекая” (никакая, бессодержательная) тема. Но о формулировании темы мы уже говорили и останавливаться на этом не будем.

Второй случай, когда заголовок хорош, и содержание работы приличное, но между ними отсутствует видимая связь. Здесь два принципиальных выхода — переформулировать тему, чтобы она соответствовала содержанию, а если с темой мы расстаться не готовы, то переписать текст. Выбирайте, что проще.

Третий случай более тяжел — когда все друг другу соответствует, но заявленная в заглавии тема в тексте, увы, не раскрыта. Причин подобного казуса может быть много. Мы оставляем в покое возможную неспособность автора раскрывать темы по неизлечимым профессиональным причинам и обратимся к причинам, которые подвержены коррективке. Среди них чаще всего встречаются длинное вступление и отвлечения от темы.

Итак, одна из распространенных ошибок связана с затяжными “разгонами” и длинными предысториями. Не успеешь оглянуться, а текст уже и закончился. В связи с этим вспоминается очень хорошая по сути и по форме работа, посвященная неомарксизму. Поскольку неомарксизм вырос на стволе классического марксизма (переплетаясь с ветвями других теорий), автор начал писать про исходные позиции К. Маркса. На беду, он очень неплохо разбирался в предмете. Так он писал и писал дальше, и на заявленную тему сил уже не осталось. Предыстории плохи не тем, что съедают время читателя и место в подготовленном нами тексте, а тем, что, строго говоря, они не нужны вовсе или по крайней мере должны ограничиваться скромными дозами. Как пишут в пособиях по написанию академических текстов (Academic Writing), “Get to the point immediately”. В переводе это правило выглядит так.

Правило 31. Приступая к письменному тексту, надо сразу начинать с главного.

Вторая причина, по которой автор не успевает “доехать” до сути вопроса, — это частые отвлечения и отклонения от главной темы повествования. Ведь так много всего интересного, и мы так много знаем — и то, и это хочется втиснуть в один текст. Сделал шаг влево, потом еще один, потом вроде бы вернулся, но уже не в то место, с которого начал. А по пути потерял читателя, который не столь хорошо ориентируется в маршрутах чужих мыслей. Особенно много отвлечений связано с так называемыми злободневными вопросами. Например, читаешь какой-нибудь глубоко теоретический текст, и вдруг откуда ни возьмись — что-нибудь про российский

кризис и “грабительские реформы” — ни к селу ни к городу. Да еще вдруг понесет... Так что лучше не отвлекаться. Мы сами чертим сюжетную линию. Докажем, что мы в состоянии по ней пройти.

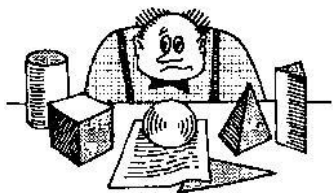
А теперь о самой распространенной и самой тяжелой проблеме работы с итоговыми текстами. Текст может состоять из нескольких частей, которые слабо связаны между собой или построены по принципу “в огороде бузина, а в Киеве дядька”. При этом, что любопытно, каждая часть может быть очень недурна собой. Но все вместе они никак не смотрятся и тем более не читаются. Поэтому, конечно, надо обращать особое внимание на структуру работы, содержательную связь частей (даже если они написаны в разной стилистике) и логические переходы между ними. Мы вновь не говорим ничего нового или сложного. Однако сплошь и рядом это требование не выполняется.

И еще одна досадная “мелочь” (но тоже очень распространенная) — это превышение объема. Нам заказан один печатный лист, мы представляем полтора. Нас просят двенадцать страниц — даем двадцать. У нас же так много ценного материала! При этом применяются маленькие хитрости — добавляются строчки на странице и знаки в строке, уменьшается интервал и понижается размер шрифта. Я помню, как, сдавая эссе по учебному курсу, слушательница магистратуры вежливо извинилась за то, что превысила объем на две страницы. Я поспешил успокоить ее, сказав: “Ну что Вы, конечно, какие проблемы”. А потом оказалось, что у нее по 90 знаков в строке и по 40 строк на странице. Кого мы обманываем? Бесстрастный компьютер все равно выдаст наш нехитрый секрет.

Требование соблюдать объем ничуть не хуже других требований. И не важно, идет ли речь об учебной работе, статье в журнал или заказном аналитическом материале. Зачем заставлять людей читать лишнее или ставить их в неудобное положение, завязывать споры, канючить, доказывать, насколько ценен наш материал, рассказывать сказки о том, что из него абсолютно нечего выбросить (буквально, как слово из песни). Никогда не приходилось слышать подобное? Вам, дорогой читатель, странным образом повезло.

И еще, просить заказчика, редактора или руководителя сокращать текст за нас, во-первых, не очень-то удобно, ибо все-таки это наша обязанность. А во-вторых, они ведь могут часом и сократить, пройдя безжалостной рукой по самому дороговому. И потом пожалеешь о том, что не сделал этого сам, а будет поздно. Так что давайте не будем рисковать.

И последнее. Не надо трястись над своим текстом, как будто он последний. Писать его как последний, может, и в самом деле нужно, а потом, выдержав паузу, на коротком выдохе, собственной авторской рукой отсечь все лишнее. А отсеченное ни в коем случае не выбрасывать, но отправить в домашний архив для благодарных потомков или приберечь для новой работы. Мы ведь собираемся делать и новую работу?

Что можно посоветовать по форме изложения

Оставим в стороне явные ошибки и обратимся к более тонким вопросам, связанным с формой изложения материала. Здесь речь идет уже не о требованиях, а скорее о советах и рекомендациях. При этом мы не будем касаться специальных вопросов стилистики и лингвистических тонкостей, в которых автор не является специалистом. Ограничимся пожеланиями относительно общего стиля и манеры написания итоговых работ.

Первый совет — не предъявлять завышенных требований к памяти читателя. Делая некий вывод, скажем, на двенадцатой странице текста, мы не вправе предполагать, что читатель помнит в точности все наши исходные посылки, изложенные на второй странице. Тем более читатель не обязан помнить содержания наших прошлых работ. Поэтому, даже если у нас в голове все четко и связно и в тексте все это в принципе содержится, некоторые ключевые вещи стоит повторить, акцентировать лишний раз или по крайней мере сделать четкую ссылку к более ранним суждениям. Каждый фрагмент текста с этой точки зрения должен выглядеть относительно законченным.

Второй совет — не предъявлять завышенных требований к когнитивным и интеллектуальным способностям читателя. Это не означает, что мы должны писать “для масс”, “для дурака”. Нет, пусть это делает бульварная пресса, мы ориентируемся на умного читателя. Тем не менее не надо чересчур напрягать людей нагромождением немыслимых конструкций. Есть, конечно, читатели, способные реконструировать логику автора, но у многих такое желание отсутствует. Поэтому попробуем упростить логический путь или предложить толковые путеводители по нашему тексту. Умный читатель это оценит.

Третий совет — более спорный — по возможности избегать сугубой эзотеричности. Существуют два стиля построения аналитического текста. Первый — наворотить побольше умных слов и предложений, чтобы каждый понял, что это “научно”. Второй — избегать, где это возможно, всякой наукообразности. Мне больше импонирует второй путь. Не обладая, к сожалению, даром художественного слова, я пытаюсь стремиться хотя бы к ясности.

Во второй половине 1980-х годов Гавриил Попов, став главным редактором журнала “Вопросы экономики”, попытался сломать въевшийся к тому времени советский стиль обезличенного академического письма, считая, что статьи должны быть ясными и лично окрашенными. Попов уже давно ушел из журнала, а новый стиль продолжает жить. Несомненно, журналу это пошло на пользу, закрепив за ним одно из лидерских мест в ряду экономических изданий.

Я считаю, что ясность изложения — очевидное достоинство. Более того, осмелюсь предложить соответствующее правило.

Правило 32. Если в тексте нет достаточной ясности, то с большой вероятностью это означает, что автор сам еще не вполне определил, что пишет.

Я понимаю, что так думают не все. Некоторые из нас полагают, что если из их текста половина смысла остается непонятой, то это круто. Многие также считают эзотерику хорошей защитой от непрофессионалов. Несомненно, защитную функцию она выполняет. Но, отгораживаясь от “чужих”, не рискуем ли мы запутать своих и оттолкнуть сочувствующих? Говорят: “Простота — хуже воровства”. Если это сказано о примитивном содержании, то спорить не станем. А вот если дело заходит о форме изложения, то тут, извините, согласиться не могу.

Оговоримся, что ясность не означает популярности. Те же “Вопросы экономики” — отнюдь не популярный журнал. И мы должны писать в первую очередь для профессионалов. Но профессионал должен читать нас легко и свободно. Кстати, мои первые опубликованные работы с этой точки зрения были ужасны, просто зубодробительны. Не могу сказать, что я как-то целенаправленно работал над собой или начитался мудрых пособий про то, как писать тексты (хотя в свое время не помешало бы). Просто меня научили внимательно относиться к редакторскому труду. Вдобавок со временем удастся набить руку. Как говорится, трудно написать только первые пятьдесят работ, потом становится легче.

Четвертый совет — не перегружать текст подробностями и деталями. Мы все это хорошо понимаем, тем не менее чуть ли не каждый раз норовим это сделать, особенно когда речь идет о результатах наших собственных эмпирических исследований. Если у нас появились количественные данные, мы начинаем загружать таблицу за таблицей, вставляя между ними несколько строчек скупых пояснений. Ведь мы столько всего насчитали и все нам так дорого! С результатами качественных исследований — та же болезнь. Только вместо таблиц с малозначащими цифрами даются бесконечные выдержки из интервью. Здорово, кстати, и писать-то ничего не надо: дал цитату из интервью на полстраницы, потом вставил короткую переходную фразу наподобие “а затем респондент сказал...”, и еще одну цитату на полстраницы. И, кажется, все так интересно. Будто сама жизнь рождается из закурсивленных строчек. Куда уж нам, дескать, с нею тягаться. А читатель засыпает...

Во всяком деле хорошо чувство меры. Сделали пять таблиц — давайте отберем из них одну наиболее важную. Не будем забрасывать читателя ворохом цифр и деталей, людям из них никогда не выбраться. Выделить из данных главное и аргументированно развернуть основной тезис — вот наша задача. И задача не из легких.

Пятый совет — максимально использовать возможности великого и могучего русского языка, избегая по возможности излишней “иностранщины” в применяемых терминах. Понятно, что полностью этого избежать — абсолютно нереально, ибо более половины нашего профессионального языка выстроено по принципу кальки с иностранных языков (в первую очередь с английского). Что делать, наш профессиональный язык переполнен словами с латинскими корнями. Но давайте по крайней мере не усугублять ситуацию, хотя бы в тех случаях, когда есть общеупотребительные аналоги в русском языке (пусть иностранного происхождения), которые достаточно внятно все объясняют. Есть слова, в принципе не имеющие адекватного перевода (например, хабитус (габитус) или харизма). Здесь, хочешь не хочешь, приходится сразу отступать. Но нужно ли говорить “аттрактивный”, “эмерджентный” (список может быть продолжен)? Не уверен. Понятно, что соблазн велик: взял кальку с английского и получил новую “теорию”. И не нужно особо напрягаться, выдуманное словечко, как правило, выглядит настолько несуразно, что тут же замечается всеми. А будучи замеченным, глядь, и поползло по языку — все хотят выглядеть “модно” и быстро заучивают “новые” слова. Возникает вопрос: “А нужны ли нам столь легкие пути в рай?”

Шестой совет — избегать множества вводных слов и предложений, которые не несут в себе никакой смысловой нагрузки и сильно засоряют текст. Приведем такое правило.

Правило 33. Не надо спекулировать словами “как известно”, “общеизвестно, что” или “совершенно очевидно, что”, когда мы хотим провести какую-то спорную мысль.

К ним добавляются вводные фразы типа: “Как мы уже неоднократно подчеркивали выше”. Мы постоянно пропускаем в текст выражения-паразиты. А способ лечения хорошо известен — скальпель. Их надо удалять, и немедленно.

Седьмой совет — по возможности избегать популярных клише. В особенности это касается рекламных слоганов, которые все сильнее засоряют нашу повседневную речь и начинают перемещаться в наши тексты. Рекламные клише — это соблазн. Их использование создает видимость того, что мы в состоянии коротким обрубком фразы донести до читателя целостный образ, который, даже если и не будет осознан, легко поддается автоматическому декодированию. Помимо этого, рекламные слоганы очень навязчивы. Путем бесчисленных повторений их вдалбливают в наши головы, а затем они столь же легко проникают в воздвигаемые нами словесные конструкции.

Если речь идет о разговоре или устном выступлении, т.е. сиюминутном действе, то это еще не так страшно. А в письменном тексте это становится элементарной ловушкой, мышеловкой. Дело в том, что рекламные слоганы стремительно запоминаются, но столь же стремительно вылетают из головы, вытесняясь новыми, такими же малосодержательными обрывками фраз. Через год-два люди утрачивают контекст, без которого рекламные клише становятся глупыми и беспомощными. Нашу “столь очевидную” мысль скорее всего просто не поймут, ибо рекламный слоган — это не суждение, а лишь некоторая ссылка. Использование подобных ссылок напоминает ситуацию, когда люди, вместо того чтобы рассказывать анекдоты, называют их порядковые номера. Например, в середине 1990-х годов эфирное время было переполнено рекламой АО “МММ”. И дурацкие фразы вроде “я не халявщик, я партнер”, “это лучше, чем стипендия” или “наши лучше” стали крылатыми, их употребляли к месту и не к месту. А кто помнит их сейчас?

Письменные тексты — нечто, выпадающее из ситуативности. Все проходит, а они остаются. Посему рекламные слоганы и другие бойкие клише разукрашивают текст, но одновременно понижают его уровень.

Восьмой совет — не использовать специфического сленга, заимствованного из чужих субкультур. Так, например, характерной приметой настоящего времени стало стремительное проникновение в обывденный и, постепенно, в профессиональный язык слов и выражений из бандитского жаргона: “кинуть”, “наехать”, “мочить”, “грохнуть”, “фильтровать” и т.п. Противостоять этой “заразе” в устной речи очень трудно. Но в нашей воле по крайней мере не допустить “распальцовочной” фразеологии в своих текстах.

Девятый совет — не повторять одних и тех же слов и выражений на ограниченном текстовом пространстве. Если в одном абзаце у нас четыре раза встречается “таким образом” вперемешку с “итак”, то текст явно не в порядке — пора прибегать к редакторскому пылесосу. Это касается и всех других слов — повторения навязчивых глаголов и существительных. Лучше, если любое слово (за исключением специальных терминов) употребляется не чаще чем один раз на страницу или по крайней мере на абзац. Но, разумеется, сказать это намного легче, чем сделать. В заключение еще одно правило.

Правило 34. Текст должен быть безжалостно вычищен от вводных слов, газетных клише, рекламных слоганов, эзотерических терминов и сленга.

**От чьего лица
говорить**

Действительно, от чьего лица говорить в письменной работе, как называть самого себя — “я” или “мы”? В советское время думать над этим и многими другими вопросами не приходилось, ибо выбора никакого не было. Редакторы автоматически ставили “мы”, “нас”, “наше”. Такая безличная форма воспринималась нами как один из продуктов советского строя, еще одно свидетельство проведения сверху коллективистских установок. Поэтому, когда началась перестройка, я и мои молодые коллеги начали вставлять

“я” вместо “мы” и были ужасно горды. Как будто одержали важную победу. А потом “мы” начало восстанавливаться. Выяснилось, что это не атавизм советской эпохи и не отрывка коммунистического коллективизма, а нормальное проявление академического стиля. Говоря “наше” вместо “мое”, мы подчеркиваем то, что говорим от лица профессионального сообщества, что мы соединены с этим сообществом, придерживаемся его норм и правил. В своей работе мы обращаемся к этому сообществу и одновременно выступаем его представителями. В этом смысле написанное нами не является исключительно нашим личным продуктом — это продукт сообщества профессионалов. И в этом нет ничего, что бы затрагивало наше самолюбие и принижало наше достоинство. Напротив, это укрепляет нас. А если это “мы” по чьему ласково и ударит, то по самолюбию маргиналов и “чайников”, которые озабочены своим “ячеством”. До гордого “мы” надо еще дорасти.

Конечно, если писать “я”, ничего страшного не произойдет. Можно делать это сознательно, если мы хотим добавить субъективности или публицистичности. Можно, наоборот, придерживаться нейтрального стиля, например, сослаться на себя в третьем лице: “Автор данных строк считает, что...” Это неплохой выход. Но частить с третьим лицом, к сожалению, не очень удобно с точки зрения стилистики. Наиболее “спокойным” вариантом остается форма первого лица множественного числа.

В некоторых случаях возможен комбинированный стиль. Например, в данном тексте можно заметить, что я постоянно перехожу с единственного числа на множественное и обратно. Единственное число употребляется мною в тех, случаях, когда я хочу выделить личную позицию или подчеркнуть субъективность высказывания. Впрочем, этот текст не вполне обычен по форме. В обычных текстах лучше выдерживать стилевое единообразие.

Еще одна вещь связана с оценками собственной работы. Следует жестко отделять логические оценки и рефлексию по поводу высказанных нами положений от оценочных суждений в отношении качества сделанной работы и нашего вклада в сокровищницу исследовательской мысли. Причем равно не уместны как возвышающие (“впервые в истории вопроса нам удалось...”), так и уничижительные оценки (“мы, конечно, не сказали ничего нового...”). В последнем случае чаще всего речь идет об элементарном кокетстве: “Автор ни в коем случае не претендует на то, чтобы...” Фраза подается так, чтобы даже ленивый тут же понял, что именно на это как раз автор и претендует, просто прикрывает себя на всякий случай фанерным щитом ритуальных оговорок.

Как выбрать жанр работы

Работы могут выполняться в разных жанрах. И следует изначально определить этот жанр. Одно дело, если готовится учебный текст. Он должен продемонстрировать нашу квалификацию, собственно исследовательские результаты там желательны, но не обязательны. Другое дело, если речь идет о самостоятельной исследовательской работе, которая обращена к профессионалам. Третье, если мы задумали так называемый научно-популярный текст, который адресован не только профессиональной, но и более широкой аудитории.

Профессиональный текст тоже может быть выстроен разными способами, такими, как:

- * конвенциональное изложение полученных результатов;
- * постановочный текст, попытка сформулировать проблему без ее законченного решения;
- * текст как провокация.

Примером текста-провокации может служить одна из моих собственных работ. В ней на первой странице постулировался тезис, не приемлемый ни для автора, ни для основной массы потенциальных читателей. Он выглядел так: “Модель экономического человека является наилучшей аналитической моделью не только для экономической социологии, но и для социологии в целом”. Далее формулировались до десятка наиболее очевидных возражений против этого тезиса, которые последовательно оспаривались и опровергались, подводя читателя к неизбежности неутешительного вывода. Когда все было окончательно доказано, автор признался, что не придерживается исходного вывода. Текст, таким образом, предлагался как открытая провокация (правда, это становилось ясным, если люди дочитывали до последней страницы)².

Возможны также и скрытые провокации, когда автор вроде бы вполне серьезен, но текст выстроен так, что заведомо вызывает критическую реакцию, желание “ответить”³.

² См.: Радаев В.В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы “экономического империализма”) // Социологические чтения. Вып. 2. М.: Ин-т “Открытое общество”. Ин-т социологии РАН, 1997. С. 177—189.

³ Автору данной книги приходилось поддаваться на подобные скрытые провокации (см., например: Радаев В.В. Как рождается бытовая социология // Вопросы экономики. 2000. № 2. С. 117—120).

Сколько раз нужно редактировать текст

Сколько бы мы ни готовились к написанию работы, как бы ни озаряли нас вспышки вдохновения, а совершенного текста сразу все равно не получится. Никто не в состоянии писать “набело”. И стоит только отложить текст на одну недельку, а затем прочесть его снова, моментально обнаружатся пробелы и изъяны. Все это подталкивает нас к избитой, но важной мысли: нужно вкладывать больше сил в редактирование наших текстов.

Сколько времени нужно посвящать редактированию готового текста, сколько раз нужно проходить его от начала до конца? “Золотого” числа я указать не могу, но свято верю в принцип “чем больше — тем лучше”. Никогда наш текст, сколь бы гениальным ни было его содержание, не может получиться сразу с точки зрения формы.

Начинать редактирование следует самому(ой), не дожидаясь чужого хирургического вмешательства. Я, например, стараюсь не выпускать текста из рук, не прогнав его, как минимум, три раза по нескончаемому кругу: “редактирование — распечатка — редактирование”. При этом когда я первый раз прочитываю собственный текст (казалось бы, почти совершенный), то часто прихожу в легкий ужас. После первого редактирования ужас рассеивается, остается лишь некое неприятное ощущение. После второго редактирования текст принимает удобоваримый вид, а после третьего — он может даже и понравиться. В любом случае важно иметь в виду следующее правило.

Правило 35. Множественность редактирования (сначала авторского, затем профессионального) является обязательным принципом работы с “готовым” текстом.

Сначала мы обращаем большее внимание на содержательные вещи, затем — на литературные формы, наконец, шлифуем стиль. Важно, что в таком деле не бывает мелочей. Неточность в цифрах и грамматическая ошибка одинаково неприятны. Есть в этом муторном процессе и приятные моменты. Помимо творческих элементов самого редактирования, это тот самый случай, когда относительно малыми усилиями мы способны достичь видимого улучшения результата.

В процессе редактирования мы отсекаем лишнее — слова, предложения, абзацы и целые разделы. Если порою кажется, что отсекается что-то очень содержательное и дорогое, я, например, обманываю себя следующим образом — создаю специальный файл, в который сбрасываю все, что не вошло в окончательный текст, утешая себя мыслью, что использую это в ближайшем будущем. Будущее это, как правило, не наступает. Зато душа спокойна.

Как построить отношения с профессиональным редактором

Даже упорный труд по улучшению собственного текста не освобождает от необходимости обращения к профессиональному редактору. В отношении к профессиональному редактированию встречается две крайности. С одной стороны, существуют авторы, которые крайне болезненно относятся к любой правке своего текста и с “ пеной у рта ” отстаивают каждый знак и каждое слово. С другой стороны, есть авторы, которые заранее согласны чуть ли не с любой правкой. И когда они вновь видят заново переделанную редактором статью, они умиляются и восклицают: “ Как же все-таки хорошо я пишу! ” Должен сказать, что я с большим уважением отношусь к тяжелому квалифицированному редакторскому труду и, как правило, принимаю до девяноста процентов внесенных изменений. Если правка затрагивает содержание, то это повод для раздумий, после которых нередко, стараясь не вступать в споры, я все же восстанавливаю текст. Если же правка не касается содержания, тем более, споры излишни, стараюсь соглашаться. Чего и Вам советую. Это не значит, что я исключительно миролюбив или, хуже того, безразличен к собственным текстам. Вмешательство в текст и попытки его принудительного сокращения не могут восприниматься нами безболезненно, ибо трудно избавиться от впечатления, что чужие люди холодной рукой режут плод наших творческих усилий. Поэтому за формальным признанием обреченности на редактирование должно происходить нечто более основательное — психологическая перестройка организма, готовность к сотрудничеству с редактором, чтобы в его(е) облике не мерещился “ классовый враг ”.

В советское время редакторы были наделены узурпаторскими правами над нашими текстами и рассматривались как препятствие, которое нужно было преодолеть. Сегодня ситуация изменилась. И мы получили возможность смотреть на редактора как на человека, который оказывает нам профессиональную услугу.

Необходима и определенная психологическая перестройка. Если мы сдали готовую, как нам казалось, работу, и текст вернулся к нам, “посиневший” от редакторской правки, то мы должны подавить в себе инстинктивное чувство раздражения и, не отлынивая, взяться за работу. Если же редакторская правка ограничилась парой пометок на целую страницу, надо подавить в себе инстинктивную радость (“Как я хорошо написал, ничего больше и делать не нужно!”) и понять, что редактор расслабился, не помог нам в продвижении и оформлении нашего текста.

Правило 36. Чем больше замечаний получено от профессионального редактора, тем лучше для итогового текста.

Вслед за редактором на авансцену должен выйти профессиональный корректор. Компьютерные спеллингговые программы, увы, не решают всех проблем, они замечают неправильные слова, но пропускают, например, случаи неадекватного употребления верных слов. Многие издатели сейчас только делают вид, что обеспечивают корректорское сопровождение, и книги изобилуют ошибками и опечатками. Во времена советской цензуры дело обстояло иным образом. За нелепую опечатку (вроде “Бреднев” вместо “Брежнев”) ответственные лица могли запросто слететь со своих постов. Поэтому корректоры вычитывали рукописи самым дотошным образом. Будем надеяться, что цензорские времена никогда не вернуться, но и помнить, что представители именно этой старой школы сегодня наверняка остаются лучшими специалистами по корректорской вычитке.

И все же основная ответственность лежит на нас самих. И это немалая проблема. Российский автор (особенно если он имеет большой писательский стаж) в определенной мере избалован и часто не приучен к самостоятельной и ответственной редакторской работе. Ибо в советское время за автора трудились дотошные и квалифицированные редакторы и корректоры, которые отвечали головой за каждую запятую. Они правили не только грамматические ошибки (как говорят, весьма многочисленные), но также стиль изложения, а при случае переписывали и содержание. Сегодня таких профессионалов и энтузиастов становится все меньше. Молодежь чуждается рутинного редакторского труда. А издатели, освободившиеся от Главлита, резко снизили формальные требования, а то и вовсе отказываются от реального редактирования и корректорской работы. В первую очередь это касается некоторых новых журналов, но и старым изданиям удерживать позиции становится все сложнее.

В итоге автор все чаще оставляется наедине с собственным текстом, и фактически текст идет в печать в авторской редакции. Это означает, что наша ответственность за собственные тексты заметно возросла. И те, кто продолжают считать редактирование чем-то ниже своего достоинства, работой второго сорта, опасно заблуждаются.

И последнее. Написание текста — важное дело. Не будем оставлять важные дела на самый последний момент. Если он написан в скором темпе за последнюю ночь (пару ночей), как практикуют некоторые коллеги, то хорошим он не может быть в принципе. Отдельные исключения, конечно, возможны. Например, про Ф.М. Достоевского рассказывают леденящие душу истории, как он спешно завершал некоторые из своих великих произведений. Представляете, что было бы, если бы он не торопился.

? ? ?

Вновь обратимся к вопросам-напоминаниям.

- * В какой степени заглавие раскрывает тему нашей работы?
- * Сделан ли развернутый план, определяющий структуру будущего текста?
- * Дано ли обстоятельное описание исследования во введении к работе?
- * В чем состоит основной тезис работы?
- * Есть ли в нашей работе критический аргумент и содержатся ли в ней критические оценки собственной позиции?
- * Все ли включенные материалы непосредственно относятся к заявленной теме?
- * Хорошо ли связаны между собой основные части текста, построены ли переходы и связки между этими частями?
- * Не является ли заключение простым повторением кусков из основного текста?
- * Соблюдены ли требования объема итогового текста?
- * Сумели ли мы вычистить наш текст от клише, эзотерики и сленга?
- * Каков жанр подготовленного текста, кому он адресован?
- * Сколько раз мы редактировали весь текст — от начала до конца?
- * Прошел ли данный текст через профессиональное редактирование и все ли замечания нами учтены?

Глава 4

ПРАВИЛА НАПИСАНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТОВ (ДИССЕРТАЦИИ И КНИГИ)

В чем смысл диссертационной работы. — Как подготовить автореферат. — Как организовать защиту диссертации. — Что можно требовать от научного руководителя. — Как построить книгу. — Нужны ли нам соавторы. — Как структурировать большие тексты

На очереди четвертая глава о простых вещах — скучных и надоедливых, но, без сомнения, полезных. Предположим, мы не зря потратили время, и по итогам наших исследований опубликовали одну работу, затем другую, третью. Пришло время задуматься о чем-то более масштабном — о диссертации или книге. Все правила, изложенные в третьей главе, нам пригодятся. Более того, без знания и соблюдения этих правил мы не можем двигаться вперед. Но возникают дополнительные сюжеты, связанные с написанием крупных текстов. Поэтому мы приступаем к разговору о том, как спланировать и подготовить крупную письменную работу. Начнем с диссертаций, посмотрим, что нужно сделать, чтобы организовать их защиту, а затем перейдем к книгам.

В чем смысл диссертационной работы

Итак, мы собрались написать кандидатскую или докторскую диссертацию. Какие принципиальные моменты следует учесть с

самого начала? Многих также интересуют вопросы получения западной степени — магистерской или докторской (PhD). Но поскольку мне самому не пришлось получать степень доктора в западном университете, про написание и защиту западной диссертации я рассказывать не стану¹. А вот в российских делах имеется достаточный опыт — и написания, и рецензирования диссертационных работ².

Проекты подготовки кандидатской и докторской диссертаций различаются разве что с “политической” точки зрения (говорят даже, что защита докторской диссертации — на девяносто процентов соткана из “политических” нитей). А с точки зрения текста принципы их построения одинаковы, различия имеют чисто количественный характер.

Приступая к диссертации, важно правильно понимать ее смысл. А наивных заблуждений в этой области — число несчетное. Первое заблуждение состоит в том, что диссертацию считают научным трудом, в котором должны быть совершены какие-то открытия. Безусловно, хорошая работа (не важно, диссертационная или недиссертационная) должна содержать элементы самостоятельности и новизны, но цель диссертационной работы — совершенно иная.

Правило 37. Диссертация должна восприниматься как квалификационная работа. Это не столько научное исследование, сколько “пропуск” в профессиональное сообщество.

Поэтому основным требованием к диссертации является не совершение глобальных открытий. Заикаться о таких открытиях как раз не следует. Свою гениальность лучше проявлять в другое время и при других обстоятельствах (т.е. в докладах и публикациях). А в диссертации главное не новизна, а соблюдение установленных

¹ Об этом см., например: *Semberg D. How to Complete and Survive a Doctoral Dissertation*. N.Y.: St. Martin's Press, 1981.

² Среди российских пособий, призванных помочь решению диссертационной проблемы, см., например: *Аристер Н.И., Загузов Н.И.* Процедура подготовки и защиты диссертаций. М.: АОЗТ “Икар”, 1995; *Кузин Ф.А.* Кандидатская диссертация. Методика написания, правила оформления и процедура защиты. М.: Ось-89, 1997; *Его же.* Магистерская диссертация. Методика написания, правила оформления и процедура защиты: Практическое пособие для студентов-магистрантов. М.: Ось-89, 1998; *Его же.* Магистерская диссертация. Методика написания, правила оформления. М.: МАМАРМЕН, 1993.

правил и конвенций. Во-первых, основные положения диссертации, как правило, уже изложены в наших публикациях, которые коллеги при желании могут прочесть. А во-вторых, повторим главную мысль: диссертация рассматривается как квалификационный тест, по которому оцениваются уровень соискателя и его готовность влиться в профессиональный цех.

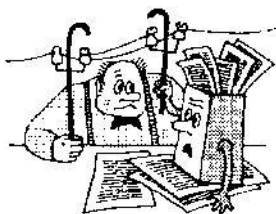
Второе заблуждение связано с тем, что успех в защите диссертации напрямую зависит от качества текста. Конечно, наличие подобной зависимости возможно, но не обязательно. Ибо *защита диссертации в основе своей — это не исследовательский, а организационный проект*. Успех данного проекта демонстрирует не высоту наших писательских дарований, а степень включенности в профессиональную среду. Вся процедура защиты — приглашение оппонентов, сбор отзывов на диссертацию и автореферат вплоть до заключительной процедуры голосования членов Совета с опусканием в урну условных шаров “за” или “против” нашей работы — есть не что иное, как сбор поручительств и рекомендаций профессионалов. Они призваны подтвердить одну простую вещь — нас можно допустить в круг ранее избранных. Это не означает, что в диссертации можно писать все, что взбредет в голову, плохой текст будет свидетельствовать не в нашу пользу. Нужно просто изначально правильно расставить акценты.

Третье заблуждение, и довольно распространенное, состоит в том, что диссертация рассматривается как продукт, который должен стать достоянием широкой научной общественности. Между тем *диссертация — это не текст, который предназначен для чтения*. Его, кстати, почти никто и не читает — от силы с полдюжины человек. На тексты диссертаций (по крайней мере в экономических и социальных науках) почти никто и никогда не ссылается (иногда ссылаются на автореферат). И если мы хотим донести какие-то важные мысли до широкого читательского круга, нужно активно публиковаться, а не подсовывать свою диссертацию выловленным поодиночке специалистам, сопровождая ее передачу нелепой просьбой непременно вернуть экземпляр. Итак, диссертация — это свидетельство нашей профессиональной “кредитоспособности”. Не более, но и не менее того.

В процессе подготовки работы *ключевым моментом является обсуждение диссертации (предзащита)*. Здесь нужно запастись некоторым терпением. Ибо в адрес работы будет высказано немало нелестных слов, вплоть до необходимости полностью переделать ее. И все это мы должны выслушать с каменным спокойствием,

проявляя искреннюю доброжелательность к выступающим, даже если многое нам не нравится, а критика кажется плоской и бьющей мимо цели. Отчасти нас утешит то, что после “зубодробительной” критики, как правило, принимается отнюдь не кровожадное заключение. Как понять этот контраст?

Мне приходилось выслушивать взволнованных аспирантов, на которых обсуждение их работы производило обескураживающий эффект, они впадали в панику и подумывали даже вообще отказаться от защиты. Между тем нервничать не стоит. Ибо таковы правила игры. Принято считать, что именно на обсуждении диссертант должен пройти через чистилище, где его(ее) примерно высекут, покажут собственное место и отправят на непременную доработку (а рекомендовать диссертацию без доработки считается неприличным). Официальное обсуждение — это последнее испытание, тренировка перед ритуалом “посвящения в рыцари”. На самой защите все, как правило, проходит более формально и доброжелательно. Предполагается, что соискатель уже “всему научен” и его(ее) можно отпустить с миром.

Как подготовить автореферат

Если мы усиленно работаем над основным текстом диссертации и при этом оставляем написание автореферата на последний момент, считая это простым и производным делом (дескать, главное, чтобы был основной текст, а выжимку мы всегда сделаем), то допускаем одну из грубейших ошибок, которые встречаются в реализации диссертационных проектов. Если диссертацию не читает практически никто (даже многие из тех, кто выступает на ее обсуждении в ходе заседания Специализированного совета), то предназначение и судьба автореферата — принципиально иные. Это публичный документ, который читается (или хотя бы просматривается) изрядным количеством специалистов. И мы не советуем упускать из виду следующее правило.

Правило 38. Формально основным текстом является диссертация, а автореферат играет роль сопроводительного документа. На деле все обстоит обратным образом.

Фактическая оценка всей работы членами Совета и другими профессионалами часто производится на основании автореферата. Реферат — это лицо всей работы, ее главный репрезентант и к тому же самостоятельная публикация. Поэтому автореферату следует уделить самое пристальное внимание. В связи с этим дадим пару простых советов.

Первый совет: начинать подготовку реферата нужно как можно раньше. Следует учесть, что, во-первых, идеальных авторефератов не бывает. А во-вторых, первый вариант написанного автореферата почти никогда не бывает удачным. И делать его лучше в несколько заходов. *Второй совет:* нужно предварительно ознакомиться с несколькими хорошими авторефератами, чтобы освоить стандарты общей структуры и качества. После написания текста автореферата он показывается предварительно как можно большему числу специалистов. Для опытных людей труд по его прочтению не столь велик, они понимают его важность и, как правило, не откажут нам в добром совете, который нам столь необходим.

Очень важно, чтобы автореферат был обстоятельно разобран на предварительном официальном обсуждении диссертации (предзащите). В приличных учреждениях без представления автореферата обсуждение диссертации невозможно (меня, например, приучили к этому, и я не начинаю читать диссертацию, если к ней не приложен автореферат). Если же нам как соискателю говорят, что автореферат “пока не обязателен”, не следует рассматривать это как поблажку. По сути организаторы обсуждения, позволяя нам расслабиться, невольно подставляют нас. Они не выполняют одну из главных своих функций — оказание квалифицированной помощи в подготовке основного документа.

Теперь о *структуре автореферата*. Он состоит из двух основных частей:

- I. Общая характеристика работы (примерно одна треть общего объема);
- II. Основное содержание работы (примерно две трети общего объема).

Некоторые думают, что главное — хорошо изложить содержание работы во второй части. Между тем с формальной точки зрения главной является именно первая часть. Что в ней содержится? Жестких предписаний ВАК на этот счет не дает. Но в соответствии с конвенциональными установлениями общая характеристика работы включает следующие обязательные пункты.

- * Актуальность темы.
- * Разработанность проблемы.

- * Цель и задачи исследования.
- * Теоретические и методологические основы диссертации.
- * Научная новизна исследования.
- * Практическая значимость исследования.
- * Апробация результатов исследования.

В первой части также могут содержаться дополнительные пункты, которые встречаются во многих работах.

- * Объект исследования (или границы исследования).
- * Основные гипотезы.
- * Основные положения, выносимые на защиту (помимо раздела “Научная новизна исследования”).
- * Структура работы.

Не все Советы требуют вставлять полную *структуру работы* в автореферат, автор должен позаботиться об этом сам. Ведь у большинства читателей реферата текста диссертации под рукой не окажется, а без структуры работы ее общая характеристика остается принципиально незавершенной. Поэтому не надо отделяться издевательской формулой: “Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии”. А между тем именно такие формулы и содержатся примерно в половине авторефератов.

Просматривая стандартную структуру автореферата, мы видим, что содержание его первой части в основном соответствует введению к письменной работе, которое мы разбирали в третьей главе. По существу они совпадают, за исключением нескольких важных пунктов, которые обязательно содержатся в автореферате и могут отсутствовать в тексте обычной статьи или учебного эссе. На этих пунктах мы остановимся подробнее.

В автореферате содержится привычное краткое описание степени разработанности проблемы. Однако самый важный элемент представлен здесь *списком значимых имен* — своего рода иконостасом. “Иконостас” выстраивается по двум основаниям. Первое: отбираются имена тех, чьи труды оказали наибольшее воздействие на стиль нашего мышления и выводы представленной работы. Второе: учитываются политические (или “политесные”) факторы — вставляются имена тех, от кого зависит успешное прохождение диссертации. Вторая вещь, конечно, не доставляет удовольствия, но формально никто, надо признать, нас этого делать не заставляет. Можно проявить принципиальность (не выпячивая ее в агрессивной форме) и действовать только по первому, содержательному основанию, не упомянув никого из членов Совета или приглашаемых оппонентов. Просто нужно быть достаточно уверенным в себе и своих позициях

и не удивляться последующей со стороны членов Совета реакции (могут даже и публично высказать свое “фи” со ссылками на то, что диссертант, видимо, плохо знаком с литературой). Готовы ли мы к такому обороту? Давайте правильно рассчитаем свои силы.

Составление “иконостаса”, таким образом, — сложное и деликатное дело. Как решить, кого упомянуть, а кого нет? Сколько дать имен? Как “взвесить” того или иного автора? И здесь случается немало казусов. Так, мне, например, передавали пару авторефератов, где моя скромная фамилия следовала, в числе прочих, по алфавиту за К. Марксом или Т. Парсонсом. После этого всегда оставался неприятный осадок — в виде чувства неловкости за себя и автора. Ибо живому человеку трудно выдержать подобные сравнения, даже при высокой самооценке. Конечно, оружие лести способно взять любые бастионы. И, говорят, чем грубее лесть, тем скорее она достигает даже самых закрытых сердец. Но мы ставим человека, на которого ссылаемся, в двусмысленную ситуацию. А таких ситуаций в деликатном диссертационном деле лучше всячески избегать.

Наш совет состоит в том, чтобы разбить список имен на несколько самостоятельных частей. Разделить классиков и современников; зарубежных авторов с международной известностью и отечественных авторов, которые известны скорее в рамках национального сообщества; исследователей, которые принципиально важны для данной конкретной работы, и тех, кто внес вклад в направление в целом. Разбивка перечня ключевых имен поможет нам должным образом представить исследовательскую традицию при соблюдении всех необходимых условностей.

Теперь переходим к самому сложному и деликатному пункту — *“Научная новизна исследования”*. Этот пункт выражает специфику диссертации, в обычных работах он, к счастью, не требуется. И здесь нас ожидают две плохие новости. Первая — пункты научной новизны читают все, даже те, кто не удосужился пробежать по диагонали текст автореферата (не говоря уже об увесистом “кирпиче” диссертационной работы). Более того, прочитав, сразу начинают цепляться к изложенным в ней пунктам. Вторая плохая новость — хорошего изложения научной новизны практически не бывает, по крайней мере, если речь идет об экономических и социальных исследованиях. Глубинная причина состоит в том, что *“новизны” в требуемом смысле слова в социальных исследованиях не бывает в принципе*, если не считать таковой добычу неких новых фактов (а так, вроде бы, никто и не считает). И оцениваются социальные исследования не по новизне, а по общему уровню явленной профессиональной

культуры. Но поскольку при защите диссертации новизна признается одним из ключевых пунктов, приходится забыть о философских противоречиях и приступить к формулированию невозможного.

Здесь нужно соблюсти два основных требования. Первое: надо попытаться формулировать пункты “новизны” конкретно, раскрывая содержание заявленных положений. Сделать это в одном-двух предложениях чрезвычайно сложно. Поэтому большинство из соискателей пытаются отделаться абстрактными фразами с очевидными отсылками к тексту работы. Чаще всего пишут так: “Нами предложена модель развития...” или “Проанализированы основные факторы...” Подобные формулы, из которых невозможно понять, что именно сделано, никуда не годятся и способны вызвать справедливые нарекания и раздраженные вопросы. Нужно раскрыть суть указанной модели, обозначить ее специфику и хотя бы перечислить упомянутые основные факторы.

Второе: надо быть скромнее. Это тоже не просто. С одной стороны, нужно очень аккуратно употреблять слова “впервые” и “нами открыто”, ибо, как мы уже упоминали, в социальном исследовании “открыть” что-либо, тем более “впервые”, весьма затруднительно. И любому маломальски грамотному человеку не составит труда нас “прищучить”. А с другой стороны, от нас требуют нескромности, причем формальным давлением, вопрошая, что, собственно, “нового” мы собираемся предложить. Я вспоминаю автореферат одной очень хорошей работы, где пункты научной новизны начинались словами “впервые” и “открыто”. В ответ на мой кулуарный вопрос автор сказал, что, разумеется, он все понимает, но его “заставили это вставить”.

Выйти с достоинством из деликатной ситуации с “новизной” довольно сложно. Определение значения работы и нашего вклада в развитие дисциплины без громких и вычурных фраз — особое умение, которому мы обучаемся в процессе подготовки автореферата.

Правило 39. Конкретное и скромное формулирование научной новизны есть демонстрация искусства невозможного.

Наконец, еще один особый пункт — “*Апробация результатов исследования*”, несмотря на угрожающий вид, в социальных исследованиях редко вызывает особые затруднения. Соискатели выходят из ситуации испытанными ритуальными способами. В общетеоретических

дисциплинах, например, указывают на использование материалов диссертации в учебном процессе (проверить это невозможно, да и никому не придет в голову что-либо проверять). Те, кому не довелось вкусить преподавательского хлеба, указывают на участие в каких-нибудь конференциях и семинарах (и это тоже считается апробацией). Если же речь идет о более конкретных и прикладных дисциплинах, то запрашиваются справки о внедрении результатов. Получение таких справок — один из технических элементов диссертационного проекта.

Для изложения второй части автореферата (“Основное содержание работы”) существует два альтернативных способа: структурный и проблемный. *Структурный способ* — более частый — предполагает изложение этого содержания, следуя формальной структуре работы — глава за главой, параграф за параграфом. *Проблемный способ* предписывает следовать логике раздела “Научная новизна исследования” или “Основные положения, выносимые на защиту” и раскрывать их — пункт за пунктом.

Какой способ выбрать? Формальные предписания здесь отсутствуют. Хотя есть мнение, что проблемный способ более правилен. Зато структурный способ более удобен. И мне лично кажется, что лучше воспроизводить логику работы, следуя ее формальной структуре и делая при этом акцент на основных положениях и выводах.

В любом случае при написании реферата главное — не отделяться общими фразами и отсылками к диссертационной работе, которую большинство читателей так никогда и не откроет.

Правило 40. Автореферат должен быть законченной и целостной работой, дающей полное представление о диссертации при отсутствии самой диссертации.

Автореферат завершается *библиографией* работ, опубликованных соискателем. Это важнейшая итоговая часть текста. И она должна выглядеть как можно более впечатляюще. Строго говоря, по характеру этой библиографии уже можно определить — присваивать ли соискателю искомую степень. И, конечно, соискателю хочется, чтобы список был подлиннее. Но все же не стоит вписывать в него все, что удалось опубликовать. Во-первых, придется исключить из списка то, что никак не соответствует теме диссертации. Во-вторых, лучше избежать второстепенных работ и публикаций в изданиях, которые могут расцениваться как сомнительные с точки зрения специалистов. Так, вряд ли целесообразно вставлять газетные

публикации. Не стоит также удлинять библиографию за счет двухстраничных тезисов из малопонятных сборников какой-нибудь рядовой конференции. Все это производит неблагоприятное впечатление. Возникает справедливое подозрение, что автору нечего защищать, если он не в состоянии предъявить чего-то более солидного.

Вспоминается недавний случай, когда меня попросили написать отзыв на некую докторскую диссертацию. Так вот, в библиографии работ соискателя докторского звания не было ни одной журнальной статьи. Зато три позиции были заполнены краткими тезисами соискателя, которые он опубликовал в одном и том же сборнике какой-то региональной конференции (причем эти тезисы были хитро раскиданы по библиографии, чтобы не бросалось в глаза). Про содержание работы говорить не будем. Зато легко догадаться, каково было содержание написанного отзыва.

Как организовать защиту диссертации

Мы уже упомянули, что защита диссертации — это обычный организационный проект. Реализовать его можно без труда, если соблюдать некоторые несложные правила. Позволим себе дать несколько формальных и неформальных советов по поводу того, как достичь успеха при меньших хлопотах. Что, собственно, нужно сделать?

1. Выбрать Специализированный совет и встать на защиту.
2. Разослать автореферат.
3. Собрать комплект отзывов.
4. Организовать процесс защиты.
5. Оформить документы и отослать их в Высшую аттестационную комиссию Министерства образования Российской Федерации (ВАК Минобразования России).

Выбор Специализированного совета, как правило, ограничен. Если в учреждении, где мы работаем, есть свой собственный Совет, то мы, конечно, направимся туда, где нас знают, — зачем искать дополнительных приключений и тратить силы на налаживание новых связей (особенно если в дальнейшем они нам не очень нужны). В любом случае в Совете должна быть приемлемая для нас специальность

и пара-тройка членов Совета по данной специальности, которых мы можем считать референтными себе и своей работе. Следует также заручиться поддержкой председателя Совета или его заместителя, а также кого-нибудь из членов Совета по означенной специальности.

Постановка на защиту — одновременно формальный и политический процесс. Формальная сторона зависит от нашего места в очереди (здесь ничего делать не приходится). Политическая сторона определяется характером сил поддержки, которые в принципе способны продвинуть нас и в обход всякой очереди.

Следующий шаг — *рассылка автореферата* — чисто технический акт, здесь говорить особенно не о чем, главное — соблюсти установленные сроки, произведя эту рассылку не менее чем за месяц до самой защиты.

Сбор отзывов — пожалуй, самое муторное и ответственное дело. Здесь понадобятся некоторые пояснения. Комплект отзывов включает:

- * отзыв ведущей организации;
- * отзывы двух (в случае с докторской — трех) официальных оппонентов;
- * несколько отзывов на автореферат.

Отзыв ведущей организации является основным отзывом. Наша первая задача — выбрать солидное учреждение, договориться с его руководителем и переслать официальный запрос. Формально профильное учреждение не вправе нам отказать и без всякой договоренности, но формальной стороной обычно никто не ограничивается. Кроме руководителя учреждения, нужно получить добро от руководителя подразделения, через которое будет проходить наш отзыв и/или от того, кто будет реально этот отзыв писать. С формальной точки зрения это опять-таки не требуется, руководитель учреждения сам обязан пристроить нашу работу, передав ее подходящему специалисту. Но на авось такое важное дело лучше не оставлять. Мы кровно заинтересованы, чтобы диссертация попала в надежные руки человека, который не подведет, не протянет до последнего момента, а потом уедет в командировку. Далее, нужно непременно отслеживать процесс, ведь отзыв должен пройти через утверждение на заседании Ученого совета отдела или заседании кафедры. Вряд ли кто-то будет впоследствии проверять, но желательно, чтобы это заседание действительно состоялось и была выписка из протокола с датой не позднее двух недель до момента защиты. Мы сами на этом заседании можем не присутствовать, но наш эмиссар (доверенное лицо, коллега) должен блюсти наши интересы,

чтобы не вышло какого-нибудь досадного прокола. Получив готовый отзыв, не забудем проставить подпись начальника организации и закрепить ее гербовой печатью. Впрочем, опытные люди в ведущей организации, как правило, знают, что делать, и подсказывать им не нужно, однако мягкий контроль как средство против забывчивости не помешает.

Одновременно с ведущей организацией мы подбираем *официальных оппонентов*. Важно, чтобы ими оказались солидные люди и хорошие профессионалы, даже если они выскажут немало критических замечаний. Это лучше, чем приглашать тихих середняков, которые будут со всем заранее согласны. Во-первых, фамилии оппонентов будут “светиться” на внутренней стороне обложки нашего автореферата рядом с грифом безличной ведущей организации. Во-вторых, если отзывы ведущей организации и замечания из отзывов на автореферат зачитывает нудным голосом на заседании Совета его ученый секретарь, то оппоненты призваны к публичному выступлению, и характер их выступления — яркого или блеклого — немедленно отразится на общей атмосфере защиты. Наконец, в-третьих, есть интересная закономерность: несмотря на большую занятость, солидные люди с меньшей вероятностью переключаются на нас написание собственных отзывов — высокое реноме обязывает.

При выборе официальных оппонентов мы сталкиваемся с формальными и конвенциональными ограничениями. Так, оппоненты не должны работать вместе с нами и нашими прямыми родственниками, иметь с нами совместных публикаций и проектов, быть представителями одной и той же организации, но должны иметь труды, соответствующие требуемой специальности. Поэтому, прежде чем обращаться с просьбами, нужно навести необходимые справки.

Не забудем заранее поинтересоваться, смогут ли уважаемые оппоненты посетить заседание совета в день нашей защиты. Если один из них в нужный момент окажется в зарубежной командировке, ничего страшного не произойдет — его отзыв зачитает ученый секретарь Совета. Но в этом случае мы должны быть абсолютно уверены, что второй оппонент (или второй и третий оппоненты при докторской защите) на заседание явится невзирая на погоду, состояние здоровья, хроническую занятость и временные выпадения памяти. Иначе возможна “мелкая неприятность” в виде переноса защиты.

Формально после постановки на защиту и рассылки автореферата в адрес Специализированного совета должны прийти несколько *отзывов на автореферат*. Но даже самым наивным соискателям не придет в голову, что этот процесс организуется стихийно,

а отзывы приходят самостоком — от энтузиастов, сраженных силой наших суждений. Этого не будет никогда, поэтому о подготовке отзывов договариваются заранее. Сколько нужно получить таких отзывов? В этом случае формальные правила молчат. Но можно сказать, что два-три отзыва для защиты кандидатской диссертации и четыре-пять отзывов для докторской мы обязаны обеспечить. Не нужно набирать немисливо большого количества отзывов — мы напрягаем занятых людей и поступаем нескромно. Не следует также просить отзывы “в запас” — это не очень этично, лучше как следует договориться с людьми, которые нас не подведут.

Известно, что часто отзывы (или по крайней мере заготовки к отзывам — так называемую рыбу) для оппонентов и рецензентов приходится писать самому соискателю. Но не следует считать подобный порядок непреложным правилом. Читатель, вероятно, не поверит мне, если я скажу, что в процессе подготовки защиты докторской диссертации я не написал *ни одного* отзыва, все коллеги любезно подготовили их сами. Между тем это правда. Я осознаю, что подобный случай в практике защит скорее исключителен, но он показывает, что это возможно. Если иметь дело с солидными людьми.

Далее, мы должны помочь ученому секретарю в *организации заседания* Специализированного совета в день защиты. В принципе, работники Совета должны все обеспечивать сами, но на такие формальности никто не обращает внимания. Нужна команда родственников, знакомых или коллег, которые помогут разнести чай и кофе, а затем накроют стол, куда после завершения заседания, не мешкая, проследуют члены Совета и все сочувствующие. Тяжелые времена, вызванные горбачевским антиалкогольным указом 1985 г., давно миновали. И организация банкета (скромного или нескромного в зависимости от возможностей диссертанта), как и в славные советские времена, всеми ожидается. И ничего зазорного в этом нет. Никто не расценивает приглашение на банкет как примитивный подкуп — это лишь часть ритуала по защите диссертации и светлый праздник завершения его публичной части.

Что касается самого *процесса защиты*, то там ничего особенного от нас не требуется. Это в сильной степени заформализованная и довольно скучная процедура. И главное — не воспринимать ее со звериной серьезностью. Вступительное слово и наши ответы на замечания в отзывах готовятся заранее. Не надо затягивать эти выступления, непременно отстаивая каждую закорючку в своей работе при возникновении критических замечаний, и, конечно, не надо кидаться на оппонентов и выступающих как на разжигателей

войны. Единственный момент, когда от нас требуется минимальная мобилизация внимания, — это ответы на вопросы после вступительного слова. Больше никаких импровизаций от нас не ожидают.

Кстати, для протокола желательно, чтобы был задан хотя бы один вопрос и прозвучало хотя бы одно выступление из зала (лучше всего, кого-нибудь из членов Совета). Как правило, члены Совета это хорошо понимают, и если ненароком повиснет неловкая тишина, найдется доброжелатель, который задаст пресловутый вопрос или выскажет пару слов по наспех просмотренному автореферату. Если же мы не уверены в собравшихся, то следует позаботиться об этом заранее — и сделать это не сложно.

Наша главная задача в ходе защиты — излучать флюиды лояльности и благонадежности. В соответствии с известной поговоркой, доставшейся нам еще от советского времени, у диссертанта на защите есть только две обязанности — благодарить и кланяться. Конечно, при этом желательно не терять собственного лица, т.е. благодарить с достоинством, не прогибаясь. А в самой процедуре нет ничего унижительного, ибо это не обычный доклад, а ритуал посвящения в степень. Нас поздравляют с завершением работы — мы благодарим за ее оценку.

После защиты и дружеских возлияний остается заключительный акт — *подготовка и сдача документов* в ВАК Минобразования России. Формально для этого существуют ученый секретарь Совета и его аппарат. Но мы расстаемся с последними иллюзиями на этот счет еще в процессе подготовки к защите: никто за нас ничего делать не собирается, даже если речь идет об исполнении элементарных служебных обязанностей, за которые люди получают зарплату. Дело не только в том, что люди от природы ленивы. Сложилось устойчивое мнение, что защита диссертации — это наше личное дело, и нам никто ничем не обязан, напротив, мы обязаны всем. Поэтому главный принцип в этом деле — ничего не ждать от ответственных лиц. Я помню, что когда мне пришлось защищать докторскую диссертацию, люди, которые работали в Совете изрядное число лет, за каждой малостью лезли в книжку и допускали по невнимательности элементарные ошибки, тут же сваливая на меня все свои проколы, а любой не совсем стандартный вопрос (я защищался сразу по двум разным специальностям) неизбежно приводил их в состояние глубокого оцепенения. Но все это не страшно, и меня это особо не напрягало. Просто я бы посоветовал соискателю изучить нехитрые требования ВАК и контролировать процесс самому(ой), в том числе и работу сотрудников Совета. Наверняка кому-то повезет больше, кому-то меньше, но расслабляться все равно не стоит. И лучше не забывать о простом правиле.

Правило 41. В организации проекта по защите диссертации нужно все контролировать самому (ой) и в первую очередь то, что входит в прямые служебные обязанности других людей.

Теперь об *оформлении документов*. Издавна эта процедура выполняла роль пугала для слабонервных. Считается, что это очень долгое, сложное и мучительное мероприятие, в процессе которого соискатель должен потерять, как минимум, пять килограммов живого веса. И когда кто-то с тяжелым вздохом сообщает, что оформляет документы в ВАК, предполагается, что окружающие должны тут же испытать приступ острого сочувствия. Между тем это изрядно устаревший миф. Имея в распоряжении компьютер и проявив минимальную организованность, все эти итоговые документы можно сделать без особого труда, тем более что основная часть бумаг просто переписывается с ранее подготовленных текстов. Я был немало удивлен, когда подготовил весь пакет документов по докторской диссертации за полдня интенсивного труда. При этом, сдавая эти документы, я, конечно, сделал утомленное лицо, чтобы подыграть ответственным работникам: они искренне убеждены, что диссертант должен выстрадать свою степень, — и не хотелось их разочаровывать.

И последнее. Считается, что защита диссертации — очень нервный процесс с непременными проколами и дурацкой беготней. Думаю, что реализация данного проекта в сильной степени зависит от нас. Если нормально организовать процесс и не перекладывать контроль на других, все пройдет спокойно и безболезненно.

Что можно требовать от научного руководителя

Научный руководитель — очень важная фигура для процесса подготовки и защиты кандидатской диссертации. И важно понимать, чем он(а) может нам помочь, а с какими вопросами к нему(ней) обращаться бессмысленно. Конечно, люди бывают разные, но все-таки следует сформулировать исходные функции научного руководителя.

Итак, кто такой научный руководитель? Практически любой из нас в ответ на этот вопрос без промедления скажет, что научный руководитель — это человек, который:

- * предлагает тему нашего исследования;
- * определяет общее направление нашей работы;
- * набрасывает содержательные идеи для нашей работы;
- * рекомендует необходимую литературу;
- * подсказывает, как справиться с различными задачами;
- * ободряет нас и хвалит за достигнутые успехи.

Пришло время сказать, что *ни один* из перечисленных выше шести пунктов не входит в функции научного руководителя. То есть, конечно, руководителю не возбраняется всем этим заниматься, и многие действительно это делают, но, строго говоря, к главным обязанностям руководителя они не относятся. Все это диссертант должен делать самостоятельно. Кто же такой в этом случае “научный руководитель”, в чем заключается его историческая роль кроме того, что он(а) выпускает нас на защиту под свою личную ответственность?

Научный руководитель — это человек с ножницами (или, если угодно, с острым скальпелем, или, на худой конец, с красным карандашом). Он не должен ничего предлагать или, тем более, дописывать. Его задача указана в нашем очередном правиле.

Правило 42. Основная (и почти единственная) задача научного руководителя — отсекай лишнее. Он(а) выполняет принципиальную критическую функцию вычеркивания и выбраковки.

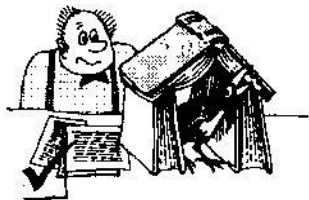
Я на всю жизнь запомнил урок, преподнесенный мне одним из моих научных руководителей Н.А. Цаголовым. Просмотрев первую главу моей кандидатской диссертации, он без долгих рассуждений вычеркнул первые десять страниц, на которые было потрачено немало упорного труда. Мне, разумеется, стало обидно, и я спросил: “Разве этот текст так плох, чтобы его выкидывать?” Ответ был чрезвычайно прост: “Да, текст неплохой, даже очень неплохой. Но он не имеет непосредственного отношения к заявленной теме. Поэтому выкидывать его, конечно, не надо. Нужно отправить его в домашний архив, а при случае подготовить отдельную работу, вместо того чтобы вставлять его в текст диссертации”. Это было жестоко, но справедливо. И помогло мне прояснить функцию научного руководства.

Сегодня ко мне часто обращаются с вопросами, какую тему выбрать, что нужно было бы почитать в данной области, и я, конечно, стараюсь что-то отвечать. Но хочется сказать, что разговор с научным руководителем должен строиться иначе. Бессмысленно спрашивать руководителя, что нам делать, какую тему выбрать, что читать и как писать. Повод для разговора появляется тогда, когда мы приносим руководителю какой-то готовый материал или еще неготовый, но относительно целостный фрагмент, какие-то продуманные варианты решения проблемы, между которыми мы осуществляем свой выбор. Получив от нас этот материал (и только в этом случае), руководитель обретает способность реализовать свою основную критическую функцию.

Впрочем, сводить роль руководителя только к функции чистильщика все же неправильно. У него(нее) есть и подлинно созидательная функция, которая при этом никак не относится к тексту диссертации (или учебной работы). Руководитель должен помочь нам войти в профессиональное сообщество — и не через черный ход, а через нормальную дверь. Иными словами, он должен познакомить нас с нужными людьми, связать со специалистами в интересующей нас области, выдать нам необходимые рекомендации, которые облегчат наш “выход в свет”. Добавим, что в процессе подготовки к защите руководитель призван помочь в сборе отзывов, подборе и приглашении оппонентов, подсказать, как себя вести, чтобы не нарушить формальных процедур и неформальных конвенций, “прикрыть” при возникновении нештатных моментов. Словом, по возможности уберечь от неприятностей — это его(ее) святая обязанность.

Однажды я совершенно выпустил из-под контроля процесс предзащиты своей аспирантки в другом городе. В результате она стала заложницей в чужой политической игре (не имевшей непосредственного отношения к диссертации) и наделала ошибок, которые позволили недружелюбно настроенным местным товарищам отложить ее работу на неопределенное время. Можно было бы сказать “я не знал, меня не предупредили”, но я считаю это темным пятном в своей биографии.

Наконец, выступать на защите диссертации и даже присутствовать на заседании научный руководитель в принципе не обязан. Хотя, как правило, на такого рода моральную поддержку мы вправе рассчитывать.

Как построить книгу

Мы написали одну статью, затем еще две и еще пять, подготовили диссертацию и задумались о книге. Что отличает книгу от статьи или эссе? Не только объем, но и повышенная авторская ответственность. Книга суммирует наши наработки за относительно продолжительное время. Она также намного более важный продукт, чем диссертация, ибо книга выставляется на широкое публичное обозрение. Поэтому над текстом книги нужно работать особенно тщательно. Книга в меньшей степени зависит от скоротечной конъюнктуры. И здесь нельзя торопиться, большие тексты должны вылежаться, к ним нужно возвращаться неоднократно.

Какой будет наша будущая книга? Прежде всего мы должны определить ее жанр. Например, выбрать между монографией и учебным пособием. Приходится ведь задумываться о возможностях издания. И здесь следует иметь в виду, что в последнее десятилетие спрос на научные монографии в России (если это не переводы известных зарубежных авторов) резко ограничен. Некоторые даже утверждают, что он отсутствует вовсе, хотя небольшое количество монографий все-таки выходит. Поэтому с точки зрения конъюнктуры книжного рынка и поиска денег проще готовить учебные издания (хотя в принципе это отнюдь не легче, чем написание научных монографий). Некоторые авторы (включая автора данных строк) в этих условиях пытались комбинировать жанры, подготавливая монографии и придавая им форму материалов для учебного процесса.

Предположим, мы решили пойти по пути *учебных изданий*. Посмотрим на них повнимательнее. Помимо учебно-методических материалов и пресловутых книг вроде “100 вопросов и ответов про все на свете”, они делятся на три вида:

- * учебники;
- * учебные пособия;
- * курсы лекций (формально они относятся к категории учебных пособий).

Учебник представляет собой самую жесткую форму с массой методических требований и повышенной дидактической нагрузкой. В известном смысле написание учебника не предполагает порывов

свободного творчества. Здесь фиксируется в максимально лапидарной форме то, что наработано в предшествующие годы и стало частью конвенционального знания. Предполагается также, что учебник должен давать однозначные определения основных терминов, содержать проверочные вопросы, упражнения и задачи. Я полагаю, что в социальных науках в России мы до уровня учебников пока не доросли — слишком мало еще отстоялось и выкристаллизовалось, чтобы начинать укладывать это в не подлежащие сомнению формулы.

Учебное пособие не выдвигает столь жестких требований. Здесь можно отойти от канонических форм и отказаться от предположений, что все абсолютно ясно. Но спорными положениями и здесь лучше не злоупотреблять. Уровень конвенциональности суждений в учебном пособии должен быть высок.

Наиболее щадящая форма учебного издания — *курс лекций*. Он тоже должен содержать методический материал и иметь дидактическую составляющую, но оставляет большую свободу для авторского самовыражения, сомнения, небесспорных суждений, т.е. для элементов, присущих скорее научной монографии, нежели учебнику. Структура курса лекций может быть менее жесткой. Немудрено, что мне, например, эта форма импонирует в наибольшей степени.

Любая книга (не важно, монография или курс лекций) может строиться по трем принципам:

- * единый проект;
- * комбинация проектов;
- * избранные произведения.

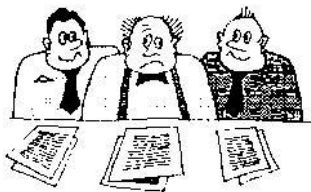
Принцип *единого проекта* подразумевает, что все или основная часть материалов специально готовились для данной книги, замысел которой возник до начала самой работы. Такая книга может быть написана, например, по результатам одного крупного эмпирического обследования.

Принцип *комбинации проектов* означает, что мы в течение ряда лет сделали несколько работ в рамках разных проектов, но в рамках одного исследовательского направления. Эти работы не писались специально для данной книги, а готовились самостоятельно. Постепенно у нас набралось достаточное количество материалов и появилась некая содержательная идея, помогающая увязать эти материалы в логическую цепь, подчинить единому творческому замыслу.

Что же касается принципа *избранных произведений*, то здесь отбираются наиболее значимые работы, которые делались в разное время, по разным темам и репрезентируют наши взгляды в наиболее

важных областях исследований. Серьезный недостаток избранных произведений очевиден: обычно подобные книги выпускаются без непосредственного участия автора — после его благополучной кончины. Но этот принцип также часто используется здравствующими авторами, которые, как правило, обременены высокими административными должностями. У них есть ресурсы на издание, но нет времени и сил, чтобы подготовить что-то обстоятельное и целостное. В этом случае просто публикуются статьи и интервью за последние несколько лет.

Таков принципиальный выбор в отношении построения книги. В моем случае, например, книга “Формирование новых российских рынков” стала результатом одной проектной работы, книга “Экономическая социология” была построена по очевидному принципу комбинации проектов, а до избранных произведений, надеюсь, мне еще далеко³.

Нужны ли нам соавторы

Написание крупных текстов часто выводит нас на проблему возможного соавторства. В самом деле, что лучше — делать книгу одному или объединить с кем-нибудь свои усилия? Вопрос отнюдь не праздный, ибо коллективный труд влечет за собой некоторые издержки. Во-первых, работа в соавторстве требует больше временных затрат, ибо, помимо написания, приходится еще и обсуждать изготовленный продукт. Во-вторых, обсуждения нередко ведут к расходованию нервных клеток — приходится спорить, убеждать других людей, которые, естественно, пытаются продвинуть собственную позицию. В-третьих, почти неизбежно затягивается общее время реализации проекта, ибо, в соответствии с известной поговоркой, скорость всего каравана определяется скоростью самого медленного верблюда. Приходится ждать всех и входить в обстоятельства каждого. И чем больше соавторов, тем выше вероятность задержки. Словом, коллективная работа — это почти всегда нелегкое испытание и дополнительные риски.

³ См.: Радаев В.В. Экономическая социология: курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1997; Его же. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998.

К тому же, с точки зрения качества продукта, текст становится более фрагментарным. Насколько бы близки ни были соавторы по своим взглядам и сколько бы сил они ни положили на приведение текста к единому формату, элементы разнобоя все равно сохранятся.

Тем не менее коллективная работа имеет и очевидные преимущества. Во-первых, происходит приумножение знаний. А поскольку информационные потоки становятся все насыщеннее и плотнее, справляться с исследовательскими задачами в одиночку все труднее и труднее. Время и силы ограничены, и возможность разделить обязанности заметно облегчает достижение цели. Поэтому крупные работы часто выполняются командами исследователей. Во-вторых, соавторы стимулируют мысль, способны оказать друг другу психологическую поддержку, подстегивают и подгоняют друг друга, заставляют устанавливать более высокую планку. В-третьих, итоговый текст становится более разнообразным, ибо каждый автор привносит свой стиль и специфические подходы к проблеме. Разноформатность тоже имеет свои плюсы. И если удастся выдержать единство замысла, длинный текст становится менее монотонным и, следовательно, более привлекательным для читателя.

Правило 43. Если мы хотим серьезно усложнить себе жизнь, но достичь в итоге лучшего результата, то самый верный способ — найти соавторов.

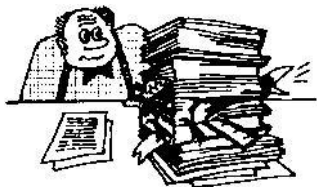
Если мы все же решились на совместную работу, то перед ее началом нужно договориться о принципах соавторской деятельности, чтобы избежать впоследствии двусмысленных ситуаций. Возможны два основных варианта — нераздельного и раздельного авторства.

Раздельное авторство — более спокойный вариант. Здесь мы, конечно, берем на себя ответственность за издание в целом, но конкретная авторская ответственность ограничена главами, которые написаны нами лично, что позволяет, если придется, в мягкой манере отрешиваться от некоторых других глав. Но в этом случае произведение получается заведомо более фрагментарным. Ибо ограничены возможности как чужого вмешательства в наш текст, так и нашего вмешательства в другие тексты.

Достигнуть большей целостности можно в результате *нераздельного соавторства*, когда каждый берет ответственность за весь текст и потому более внимателен к тому, что делают другие. Этот вариант технологически более сложен и требует больших психологических

затрат. Нужно также осознавать, что впоследствии, даже при ссылке на свой текст, нужно будет упоминать всех без исключения авторов. Вдобавок нужно быть уверенным, что все авторы будут следовать элементарным этическим нормам и не возникнет обвинений в заимствовании чьих-то идей. А опасность испортить отношения подобным образом существует, ибо после завершения данной книги авторы продолжают работать самостоятельно, материалы совместной работы неизбежно используются (теперь уже под собственными именами). К тому же личные отношения (ранее незамутненные), увы, могут впоследствии омрачиться и подпортиться. Так что взаимные претензии вполне возможны, и хотя, к счастью, не часто, но случаются. При возникновении подобных претензий и обвинений все попытки определить, кто и что сказал или придумал несколько лет назад, кто внес более серьезный вклад — заведомо дохлое дело, дорога в неизбежный тупик. Поэтому все в конечном счете зависит от этических позиций и личных взаимоотношений вчерашних соавторов. Добавим, что если открытые конфликты происходят довольно редко, скрытые кулуарные нашептывания соавторов о своей решающей роли в совместном труде — вещь, увы, достаточно распространенная.

Добавлю, что мне случалось работать в обоих форматах. Так, книга “Отчуждение труда” вышла как нераздельное соавторское издание, хотя каждый из соавторов отвечал за свои конкретные разделы. А другая моя книга — “Социальная стратификация” — была выполнена в формате раздельного соавторства, где в оглавлении против каждого раздела проставлены фамилии⁴. Ни в том, ни в другом случае мне не пришлось пожалеть о содеянном. Хочется надеяться, что повезет и в дальнейшем.

Как структурировать большие тексты

Люди тяжело справляются с чтением длинных работ. Сначала они приступают к тексту с самыми серьезными намерениями и потому относительно внимательны. Но когда им покажется, что они уже

⁴ См.: Отчуждение труда: история и современность// И. Кузьминов, Э.С. Набиуллина, В.В. Радаев, Т.П. Субботина. М.: Экономика, 1989; Радаев В.В., Шкартан О.И. Социальная стратификация. 2-изд. М.: Аспект Пресс, 1996.

ухватили суть, взгляд начинает бегать все быстрее и быстрее, а страницы переворачиваются все чаще. И если мы имеем дело с ровным и гладким текстом, возрастает риск “соскальзывания” — перехода к чтению по диагонали. Для того чтобы удержать на плаву внимание читателя и отбуксировать его до последнего причала, текст нужно тщательно структурировать. В нашем распоряжении есть несколько подходящих приемов. И первый важный прием — введение *внутренних подзаголовков*. Мы убеждены, что даже короткий материал на десяток страниц никак не может быть непрерывным, не говоря уже о более пространственных изложениях. Это означает, что нужно формировать внутреннюю структуру текста, которая отразит его общую логику и поможет читателю цепляться за содержание. Подзаголовки, таким образом, превращаются в вешки, расставленные по тексту, а его чтение организуется как путешествие от одной вешки к другой без боязни заблудиться. Общее правило таково.

Правило 44. Если мы прочитали более пяти страниц текста и не встретили ни одного подзаголовка, текст — недостаточно структурирован.

Это повод для напряжения и беспокойства — не потеряем ли мы здесь нашего читателя. Причем помимо подзаголовков, отделяющих основные части текста и выносимых в отдельную строку (примером служит данная книга), целесообразно пользоваться и внутритекстовыми подзаголовками, которые ставятся в начале абзаца и выделяются жирным шрифтом.

Разбивать надо не только весь текст, но также отдельные абзацы и предложения. Желанная цель — свести к минимуму тяжеловесные текстовые конструкции. Чем длиннее путь, тем короче должны быть шаги, чтобы читатель не выдохся слишком рано. С этой точки зрения абзацы на полторы страницы — никуда не годятся. Нужно разбить их на более мелкие смысловые куски. Предложения длиной в десять строк — тоже крайне сомнительное достижение. И лучше, не дожидаясь редакторской помощи, разделить их на несколько частей, чтобы, дочитывая предложение до конца, читатель хранил хотя бы смутное воспоминание о том, с чего оно начиналось.

Другим эффективным инструментом являются выделения в тексте. Они могут быть:

- * шрифтовые;
- * списочные;
- * форматные.

Шрифтовые выделения (с использованием жирного шрифта, курсива или другого размера шрифта), а также подчеркивание фрагментов текста играют важную роль для рельефного обозначения ключевых слов и предложений. Что оформляется с помощью контрастных шрифтов? Чаще всего это основные термины, главные определения и выводы, цитаты из других текстов и выдержки из интервью, слова и предложения, переведенные с другого языка. Могут выделяться также, например, названия законодательных и нормативных актов, заголовки документов и внутритекстовые сноски. Главное — это выдерживать единство формы: если решили выделять какие-то лексические или смысловые единицы, то нужно провести эти выделения через весь текст. Далее, если контрастный шрифт используется для выделения фрагмента из чужого текста (внутри цитаты или выдержки из интервью), приходится непременно указывать, что это наши личные обозначения, написав, например: “(курсив наш. — В.Р.)”. Добавим, что, как и во всяком другом деле, нужно сохранить чувство меры — контрастными шрифтами не следует злоупотреблять. Иначе выделения потеряют свой смысл, а у читателя вдобавок начнет рябить в глазах.

Помимо шрифтов, нужно активно использовать *списочные оформления* — перечни позиций с порядковыми номерами, отточием или звездочками (простейший пример содержится двумя абзацами выше). И чем более формален наш документ, тем больше должно быть списочных оформлений. Они заставляют нас следовать жесткой логике и хорошо выглядят в готовом тексте, придавая ему завершенный вид. Их количество, разумеется, зависит от характера материала, но если речь идет об описательно-аналитическом тексте, списков и перечней не может быть чересчур много. И вместо того, чтобы привычно тянуть длинные предложения с “во-первых” и “во-вторых”, не лучше ли разбить конструкцию и представить ее в четком списочном виде.

Наконец, выделения могут делаться с помощью *контрастного формата* — изменения интервала, полей, размера используемого шрифта. Они нужны для выделения извлечений из других текстов, обозначения примеров, кейсов, задач, оформления подтекстовых сносок и др.

Впрочем, здесь мы вторгаемся в более широкую специальную область — оформления письменных работ, которая будет предметом разговора в следующей, пятой главе.

? ? ?

Тем временем нас ожидают традиционные вопросы-напоминания.

- * Соблюдены ли в тексте диссертации стандартные академические требования?
- * Сколько человек читали наш автореферат до обсуждения диссертации и перед его размножением?
- * Не забыли ли мы вставить кого-то важного в список имен в первой части реферата?
- * Можно ли, прочитав пункты “научной новизны”, понять, что, собственно, нами сделано?
- * Дает ли автореферат полное представление об основном тексте диссертации?
- * Не находятся ли приглашаемые официальные оппоненты в личной или административной связи с нами или нашими родственниками?
- * Насколько надежны коллеги, которых мы попросили подготовить отзывы на диссертацию и автореферат?
- * Все ли документы подготовлены к заседанию Специализированного совета, будет ли обеспечен кворум?
- * Имеем ли мы деятельную поддержку научного руководителя?
- * Определили ли мы жанр будущей книги?
- * Хорошо ли мы знаем потенциальных соавторов этой книги?
- * Насколько структурирован подготовленный нами текст и наглядна эта структура?

Глава 5

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ИТОГОВОЙ РАБОТЫ

Что писать на титульном листе и в оглавлении. — На что и на кого следует ссылаться. — Что считать публикацией. — Как сделать нужные ссылки. — Как оформлять ссылки и сноски. — Что включать в библиографический список. — Как оформить библиографический список. — Как делать библиографическое описание по российскому стандарту. — Как делать библиографическое описание по западному стандарту. — Как переводит» русские библиографические описания. — Чего нужно избегать в оформлении таблиц и рисунков. — Нужно ли проверять абсолютно готовый документ

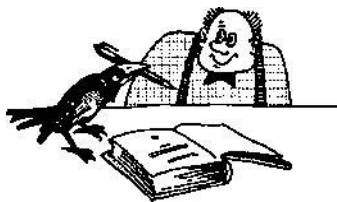
Данная глава посвящена самым простым вещам, и поэтому она будет самой длинной и наиболее трудной для чтения. К этому моменту мы завершили свой текст и готовы его отдать — научному руководителю или преподавателю, организации-заказчику или в редакцию приличного журнала. И тут самое время сказать себе: “Стоп! Не будем торопиться”. Давайте посмотрим, все ли сделано, чтобы наша работа выглядела должным образом? Еще не поздно что-нибудь поправить.

Каждый из нас знает, во что могут обойтись промахи в оформлении итоговой работы. Ничтожная мелочь, не стоившая бы нам и пяти минут, способна испортить хороший текст или по крайней мере общее впечатление от этого текста. Тем не менее мы постоянно допускаем “ляпы” и оставляем множество мелких недоделок. Во-первых, часто не хватает времени, и мы спешим выправить смысловые искривления, а оформление делается кое-как, второпях.

Во-вторых, мы уже много раз просматривали завершённый текст, нам не хочется к нему лишний раз возвращаться. Да и усталый авторский глаз вконец “замылен” и не в состоянии уловить промахи и несоответствия. Наконец, в-третьих, в нас таится тихое убеждение, что главное — это выразить мысль, а упаковка — “не барское дело”.

Мы не станем углубляться в общесоциологические размышления о том, как усиливается в настоящее время символическая нагруженность любого произведенного продукта (вещного или интеллектуального) и сколь выросла роль упаковки в его продвижении. Скажем коротко и без затей: пренебрежение формой — серьёзная ошибка. Горький плод этой ошибки — потеря внимания читателя, девальвация ценности нашей работы.

Еще раз оговоримся, что существуют специальные труды по вспомогательному аппарату письменных работ, и мы ни в коей мере не претендуем на полноту изложения, а ограничимся указанием на наиболее распространенные пробелы и провалы, которых должны постараться избежать при оформлении нашей работы.

Что писать на титульном листе и в оглавлении

Когда мы берем чью-то работу, то, даже если и не собираемся ее читать, невольно бросаем взгляд на титульный лист. И титул должен сообщить нам минимум необходимой информации, а по возможности и заинтересовать, привлечь наше внимание. Если, например, это исследовательская статья, то на титуле мы должны обнаружить:

- * название работы;
- * фамилию автора (или авторов, если их несколько);
- * короткую авторскую справку.

С названием и фамилией все понятно, что же касается *авторской справки*, то она включает ученую степень или звание (кандидат наук, профессор), институциональную принадлежность (по месту основной работы или по месту, где выполнена данная работа). Не забудем также проставить координаты, по которым заинтересованный или разочарованный читатель сможет легко нас обнаружить, чтобы выразить нам свое искреннее восхищение или горькое разочарование. Раньше на первой странице указывали почтовый адрес учреждения, его телефоны и факсы. Теперь ничего этого делать не нужно. Достаточно адреса электронной почты, если таковая имеется.

Если это не статья, а доклад, представленный на какой-нибудь конгресс, конференцию или семинар, то принято указывать минимальные сведения об этом форуме, например:

The paper was presented at the Annual Conference of International Society for New Institutional Economics, Session XV (Tübingen, Germany, 22—24 September 2000).

Заметим, что если кому-то вздумается сослаться на нашу неопубликованную рукопись, то, казалось бы, не столь важные сведения о конференции коллеге очень пригодятся и позволят оформить библиографическое описание. Например, если доклад переведен на русский язык, оно примет следующий вид:

[Автор. Название]: Доклад на ежегодной конференции Международного общества новой институциональной экономики (ISNIE) (Тюбинген, Германия, 22—24 сентября 2000 г.).

Если из наших рук выходит аналитический отчет, то в верхней части титула следует указать, кому он направляется. Часто также указывается, какой организацией и каким конкретным подразделением выполнена данная работа. Внизу в русских вариантах проставляют место и год выполнения текста (например: Владивосток — 2000). А если эта работа выполнена по заказу или при поддержке милой нашему сердцу организации — корпорации, агентства или фонда, то мы, конечно, не забудем указать название этой организации причем не на обороте титульного листа, мелким шрифтом, в дальнем углу, а на хорошо видимом месте, на самой первой странице. Стандартная ссылка может выглядеть так:

Работа выполнена при поддержке INTAS, проект № 97-21457.

О необходимости *оглавления* в начале работы, даже не очень большой по объему, мы уже говорили в одной из предыдущих глав. Бытует заблуждение, что читатель сразу, как сумасшедший, бросается головой в чтение нашего текста. Возможно, существуют и такие люди, но они встречаются не часто. Читатель стал весьма осторожен, даже пуглив. Он(а) сначала долго рассматривает и “обнюхивает” текст, прежде чем отважится потратить свое драгоценное

время. При этом, подбираясь к тексту, каждый из нас проявляет свои особенные повадки. Я, например, после прочтения названия сразу приступаю к изучению структуры работы, чтобы понять ее логику. И оглавление работы формирует исходное отношение к тексту (которое впоследствии, конечно, может измениться). Бывает и так, что за нескладным оглавлением скрываются замечательные мысли. Но многие читатели об этом уже не узнают, ибо, напуганные оглавлением, не решатся приступить к чтению слабо структурированного текста.

На что и на кого следует ссылаться

С первых же страниц работы возникает вопрос о необходимых ссылках. Ссылаться следует в первую очередь на все используемые нами тексты — опубликованные и неопубликованные, найденные нами в бумажном или электронном виде. Во всех случаях мы даем полное библиографическое описание или указываем точный путь, по которому читатель, если захочет, сможет без особых проблем добраться до указанного текста. Мы обязаны, таким образом, дать читателю шанс самостоятельно ознакомиться с источником, а также проверить точность нашей ссылки. И пусть даже никто никогда не соберется это сделать, важно соблюдать следующее правило.

Правило 45. В исследовательской работе мы обязаны не только приводить умные обобщения и интересные данные, но и прочерчивать четкую траекторию, по которой могут быть прослежены их первоисточники.

Причем читатель должен иметь возможность отыскать источник без нашего присутствия и дополнительных устных разъяснений (которыми пытаются отделаться некоторые авторы, когда возникают библиографические вопросы по их работе).

С этой точки зрения практикуемые ссылки на устные выступления, доклады, лекции, к сожалению, не вполне корректны, если у читателя нет принципиальной возможности добраться до стенограммы или, на худой конец, обратиться к автору за разъяснениями. Если уж совсем не видится другого выхода, то сослаться на

доклад или лекцию, конечно, можно (а в каких-то случаях даже нужно), указав, помимо фамилии выступающего, время и место выступления (лекции). Но статус подобной ссылки будет сомнителен.

На что и на кого нужно ссылаться, помимо текстов? Здесь хочется напомнить еще одно “очевидное” правило, которое, к сожалению, нарушается нами сплошь и рядом.

Правило 46. Ссылки даются не только на литературу, но и на источники данных, людей и организации, которые поспособствовали нам в реализации нашего проекта.

Если работа выполнялась в рамках какого-то проекта, под который вдобавок выделялись деньги, то ссылка становится *обязательной*. Причем делать ее следует не где-нибудь, а на самой первой странице. Что она должна включать? Полное название проекта, организацию, которая его профинансировала, и номер проекта (если есть). Если мы не сделаем этого, то, помимо нарушения этических норм, мы преступаем и формальные правила: мы обязаны ссылаться на спонсоров, грантодателей и другие финансирующие организации (коммерческие или некоммерческие). Тем более что большинство этих организаций, как правило, справедливо настаивают на этом условии. Например, некоторые фонды, дающие деньги на исследовательские проекты, настойчиво рекомендуют не прикладывать к отчетам публикации, в которых нет ссылок на проект и не приведено название фонда, а в случае появления таких публикаций просят давать объяснения, почему требуемые ссылки отсутствуют. И они совершенно правы.

Что в этом неясного? Ничего. Сложно ли соблюсти это требование? Ничуть. И тем не менее на моей памяти несколько совершенно стандартных историй, когда, будучи руководителем проекта, я пять раз говорил о необходимости подобных ссылок, на меня смотрели как на идиота, который распинается по пустому и самоочевидному поводу, а потом в печати появлялись работы, в которых ссылки на фонд, от которого мы получили деньги, начисто отсутствовали. Далее, в ответ на мои недоумения, следовали два типовых объяснения. Первое: “Это вычеркнули в редакции”. И это было правдой, ибо на первых порах редакторы могли, не особенно раздумывая, вычеркнуть малопонятные строки про какие-то там фонды. Сейчас все уже привыкли, и надо просто следить, чтобы ссылка не исчезла

по техническому недоразумению. Второе типовое объяснение давалось с обезоруживающей улыбкой: “Слушай, прости, я просто забыл(а). И как это вышло, не пойму”. Никогда не получали таких “объяснений”?

Помимо спонсоров неплохо бы также сослаться на своих коллег, с которыми вместе реализовывался этот проект. Проставить, как минимум, фамилию руководителя проекта, который нес на себе бремя ответственности, а лучше и фамилии основных исполнителей. Например:

В работе использованы данные, полученные нами в ходе проекта “Совладание с жизненными трудностями в посткоммунистической России: социальные и экономические стратегии андекласса”. Проект финансирован Программой поддержки исследований Института “Открытое общество” (RSS 153/1998). Участники проекта — В.В. Радаев (руководитель), Е.С. Балабанова, М.Г. Бурлуцкая, А.Н. Демин, О.Е. Кузина, Л.Е. Петрова.

А если кто-то нам помог, передал данные, подбросил ценную мысль, сделал замечания по первому варианту текста? Мы им благодарны? Почему же об этом не написать? К сожалению, у нас пока это не принято. В западных изданиях выражения благодарности (acknowledgements) спокойно могут занимать целую страницу. А у нас до сих пор ссылки на коллег считаются чем-то неуместным, мы как-то стесняемся, боимся, что это поставит под вопрос самостоятельность нашей работы. Не понимая, что, чем длиннее список имен и чем более впечатляющи эти имена, тем выше статус нашего текста. К сожалению, на первых порах и некоторые редакции “проявляли несознательность”, норовя вычеркнуть этот “лишний”, “бессодержательный” текст. Мы не сомневаемся в том, что подобную “традицию” надо ломать, и она будет сломана.

В каких случаях нужно ссылаться на источники профессиональной, организационной и финансовой поддержки проекта? Об этом говорит следующее правило.

Правило 47. На проект, его участников и спонсоров нужно ссылаться во всех текстах, имеющих отношение к проекту. Причем речь идет не только о публикациях, но и о любых рукописях.

Как только мы выпускаем текст из наших рук, не важно, кому мы его передали — близкому другу или незнакомому человеку, — он начинает жить не зависимой от нас жизнью. И мы должны сразу соблюсти правила корректности.

Наконец, если в работе мы ссылаемся на *эмпирические данные*, то неплохо бы указать не только источник данных, параметры выборки (если речь идет об опросе), но и организацию, которая эти данные собрала, передала их нам или сделала возможным доступ к базе данных (все равно, за деньги или бесплатно). Это не просто знак вежливости с нашей стороны, но и важная характеристика самих данных. Профессионалы быстро разберутся, в какой степени следует доверять данным указанной нами организации. Не будем возводить лишние преграды на их многотрудном пути.

Теперь вернемся немного назад и посмотрим на *характер текста*. Это может быть публикация, рукопись или текст, вывешенный в сети Интернет. Если речь идет о *работе, опубликованной в каком-либо издании*, то описываем ее по установленным стандартам (к ним мы скоро вернемся). Если это *рукопись* или *работа, находящаяся в печати*, то мы должны дать соответствующие пояснения. В русском варианте после библиографического описания указывается в обычных скобках, что это “рукопись”, “препринт доклада” (желательно указать, где и когда сделан этот доклад). Можно также пояснить, что рукопись находится “в печати” или “готовится к печати”, но только в том случае, если она уже принята, запущена в печать и известно конкретное издание, на которое мы можем сослаться. Если рукопись еще перемещается по замакулатурным столам издательских начальников и глубоким редакторским ящикам, то ссылаться на нее как на издание (статью в журнале, книгу) мы не имеем права — это всего лишь рукопись.

При написании текста на английском языке нам помогут следующие пояснения, которые мы поставим в скобках после библиографического описания работы:

- * *manuscript* — если речь идет о рукописи;
- * *paper presented at the Conference* — если речь идет о тексте доклада на конференции и мы в состоянии указать ее название, время и место проведения;
- * *processed* — если рукопись доступна для ограниченного пользования (например, распространяется среди сотрудников Всемирного банка или другого учреждения);
- * *forthcoming* — если уже точно известно, что работа готовится к выходу, но еще не вышла;
- * *in print* — если работа запущена в производство, т.е. находится в типографии.

В принципе, ссылками на неопубликованные работы (особенно те, которые не появятся в печати в обозримое время) лучше не злоупотреблять, чтобы не отсылать читателя в голубые дали.

Теперь о *текстах в Интернете*. Количество ссылок на web-сайты стремительно возрастает и будет возрастать впредь. И с оформлением ссылок на электронные источники особых проблем вроде не возникает. Указывается полный адрес, по которому любой читатель, имеющий доступ в сеть, может разыскать источник, и все. Например:

Демин А.Н. Возможности использования человеком индивидуальных и социальных ресурсов в ситуации отсутствия работы // Экономическая социология. 2000. Том 1. № 1. С. 37—47
[//www.ecsoc.msses.ru](http://www.ecsoc.msses.ru).

Так что формальная сторона вопроса проста. А вот как относиться к самим электронным текстам? Ведь сегодня даже ленивый может разместить на своей домашней страничке все, что ему взбредет в голову. Считать ли все эти электронные тексты публикациями? Если у электронного текста есть бумажный аналог, то все ясно. А если текст размещен исключительно в электронном виде? Для того чтобы ответить на этот более сложный вопрос, придется определить, что в принципе понимается под публикацией.

Что считать публикацией

Первое впечатление может быть таково, что к публикациям относятся тексты, распространяемые как обычные издания, а электронные тексты являются чем-то половинчатым, т.е. не могут рассматриваться как публикации в полном смысле слова. Мы придерживаемся иной точки зрения. Действительно, далеко не все тексты следует считать публикациями, по крайней мере, в исследовательской сфере. С формальной точки зрения их можно поделить на “публикации”, “полупубликации” и “непубликации”. Однако различия в статусе текстов связаны не с характером носителей (бумажных или электронных), но с выполнением или невыполнением определенных условий. К этим условиям необходимо отнести:

- * соблюдение академических стандартов построения и оформления текста;
- * подтверждение статуса текста профессиональным сообществом;
- * постоянство источника;
- * постоянство содержания текста;
- * доступность текста.

Соблюдение *академических стандартов* построения и оформления текста, которые описаны с третьей по пятую главу данной книги, — первое обязательное требование к любому тексту, претендующему на статус публикации, не важно, бумажному или электронному. С этой точки зрения, например, ссылки на статьи из газет в исследовательском тексте являются признаками дурного тона, ибо газетные издания (аналитические или бульварные), как правило, этих стандартов не соблюдают.

А как удостовериться, соответствует ли текст упомянутым стандартам? Его статус должен получить *подтверждение профессионального сообщества*. Это означает, что ряд специалистов (кроме автора) должны взять на себя ответственность за предлагаемый текст. К ним относятся:

- * ответственные редакторы;
- * профессиональные (издательские) редакторы и корректоры;
- * рецензенты.

Ответственный редактор (главный редактор, держатель сайта в Интернете) гарантирует общее профессиональное качество текста. Профессиональные редакторы и корректоры следят за соблюдением стандартов его оформления, орфографией и пунктуацией. Рецензенты рукописи или уже распространенного издания проводят экспертизу текста и удостоверяют его статус. С этих позиций подлинными публикациями в исследовательском сообществе являются только те тексты, которые прошли внешнее рецензирование¹. В любом случае следует обратить внимание на фамилии тех, кто взял на себя ответственность за размещение интересующего нас текста. Причем это в полной мере касается и электронных изданий. Нас интересуют, конечно, не красота компьютерного дизайна и даже не частота посещения сайта. Мы должны убедиться, что держатели сайта (так же, как обычные издатели) заслуживают доверия профессионалов. Что, конечно, вопрос довольно тонкий и требует достаточных предварительных знаний и ориентации в делах профессионального сообщества.

¹ На требование рецензирования обратила наше внимание И.Ф. Девятко.

Другая важная характеристика публикации — *постоянство источника*, который может быть обнаружен читателем в течение фактически неограниченного периода времени. В случае с бумажными публикациями подобную гарантию предоставляют ведущие публичные библиотеки, а также учреждения, которые являются хранителями контрольного экземпляра всех выходящих изданий².

Особенно важным требование жизнестойкости является для электронных текстов. Если сегодня интересующий нас источник преспокойно “висит” на указанной нами странице, а завтра он бесследно исчезает, сменяясь другими источниками, то мы должны поостеречься — вряд ли это можно считать публикацией. Ах, мы не знаем, сохранится ли эта страница через месяц или через полгода? Вот нам и ответ: раз мы не уверены и планы разработчиков четко не заявлены, значит, источник сомнительный. Публикация должна находиться по адресу, указанному нами в библиографии, причем не только в ту самую минуту, когда мы ее “скачали”, но и год, два, пять лет спустя. Или мы считаем, что срок жизни нашей работы столь недолог, что мы можем не заботиться о завтрашнем дне? Тогда зачем делать такую работу?!

С этим связан и вопрос хранения на сайте накопленной информации. Предположим, некий текст опубликован в одном из электронных периодических изданий (журнале, газете, бюллетене), число которых растет не по дням, а по часам. Что произойдет с ним в следующем номере? Текст останется или будет заменен новым? Можно ли тогда будет найти старый текст, прямо ли к нему дорожка, складируются ли накопленные тексты в доступной для дотошного читателя форме? Если да, то можем считать текст публикацией. Если нет, то поищем другие, более надежные источники. Кстати, с этой точки зрения можно проставлять дату последнего обновления сайта и дату получения информации. Приведем пример из электронного журнала “Экономическая социология” (см.: Стребков Д. Экономические детерминанты протестного поведения населения России // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 1. С. 48-66):

Попова О.В. Анализ неконвенционального поведения в кризисном обществе // www.soc.pu.ru/publications/conf97-1/art24.html. Дата последнего обновления сайта — 12.11.1997. Информация получена — 15.04.1999.

² На наличие контрольного экземпляра указал Г.С. Батыгин. Со временем, возможно, требование “контрольного экземпляра” распространится в каком-то виде и на электронные публикации, и возникнут, например, специальные ресурсные центры.

С электронным размещением текстов в первую очередь связано следующее требование — *постоянство содержания*. Переписать текст, опубликованный в книге или журнале, уже невозможно. Если состоится повторное издание (с изменениями или без изменений), то он будет иметь другое библиографическое описание. А вот в интернетовский текст можно вносить бесконечные изменения, дописывать его всю оставшуюся жизнь, а описание источника останется прежним. И здесь нужно четко определить позицию. Если текст дописывается автором или, пуще того, является продуктом интерактивного творчества, то к разряду публикаций мы его относить не вправе. В лучшем случае его нужно квалифицировать как рукопись. А публикацией следует считать текст, который хранится в неизменном виде (пусть даже по содержанию он не вполне завершен).

Наконец, последнее требование связано с принципиальной *доступностью текста*. И вновь данное требование безразлично к форме носителя (бумажного или электронного). Ограничение доступа может происходить по следующим основаниям:

- * служебная тайна;
- * поиск коммерческой выгоды;
- * технические и информационные ограничения.

Доступ к тексту в бумажном или электронном виде может быть ограничен или полностью закрыт для публики и специалистов по причинам, связанным с соблюдением *государственной* или *корпоративной тайны* (ранее такие работы выходили под грифом “для служебного пользования”).

На пути к источнику могут выставляться также *экономические барьеры*. Если текст помещен на коммерческом сайте и с нас вежливо, но настойчиво, помимо регистрации, требуют номер кредитной карты, то это, конечно, еще не основание вычеркивать спрятанные за коммерческим забором тексты из реестра публикаций. В конце концов, журналы ведь тоже денег стоят. Но если цена доступа оказывается запретительной для широкого круга профессиональных читателей, то мы будем вынуждены считать подобные тексты внутренними документами.

Наконец, доступ к тексту, который никто не собирается скрывать, может ограничиваться узкими возможностями его распространения. Если доступ на сайт и “скачивание” текста крайне затруднены по техническим причинам, это ставит под серьезную угрозу статус самого текста. Сходная ситуация складывается с изданиями, если они распространяются в очень узких, локальных пределах.

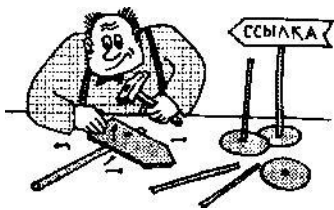
Так, нередко еще в авторефератах диссертаций встречаются ссылки на тезисы объемом 0,1 печатного листа, опубликованные автором в сборнике материалов сугубо региональной конференции в городе Верхний Н-ск. Формально в советское время это считалось публикацией. Но скажите на милость, кто знает об этом сборнике, который тиражируется в масштабах, близких к числу его авторов? И, положа руку на сердце, кто из нас всерьез рассматривал подобные тезисы как публикацию (кроме самих авторов, которые не могли предъявить какие-то более солидные труды)?

Иными словами, если по любым причинам (служебным, коммерческим, техническим или информационным) бумажная публикация или сайт доступны только для малой группки посвященных “новых масонов”, то размещенные в них тексты могут быть совершенно гениальны, но не будем называть их публикациями и ссылаться на них тоже не будем: пусть продолжают “масонствовать”.

Подытожим требования к публикации в следующем правиле.

Правило 48. Чтобы стать публикацией, текст должен соответствовать академическим стандартам, подтвержденным представителями профессионального сообщества, быть доступным при минимальных усилиях и затратах, иметь постоянный источник и неизменное содержание. Чем хуже соблюдаются эти условия, тем сомнительнее данный текст и тем в большей степени он является не-публикацией.

Еще раз повторим, что при соблюдении данных условий сколь-либо существенная разница между бумажными и электронными текстами отсутствует. Все тексты, независимо от носителей, находятся в своего рода континууме между публикацией и не-публикацией. Со временем станет появляться все больше электронных текстов, которые по всем параметрам смогут соответствовать высокому статусу публикации. В то же время есть (и еще будет) масса изданных работ, которые являются не более чем видимостью публикации. Это означает, что хотя в принципе мы можем и должны ссылаться на все используемые тексты, следует тщательнее подходить к характеру источников, отбирая наиболее достойные и отбрасывая подобию публикаций.

Как сделать нужные ссылки

Мы определили, на что и на кого ссылаться, теперь надо как-то оформить ссылки на литературу. В качестве “разогрева” перед обсуждением ссылок разберемся с *примечаниями*. Речь идет о фрагментах текста, которые требуют наших разъяснений, содержат дополнительную информацию и достаточно важны, чтобы мы могли их преспокойно выбросить, но все же не настолько принципиальны, чтобы затягивать их в основной текст. Примечания — это пометки на полях рукописи.

По месту расположения примечания можно разделить на два вида. Первый — сноски, подстрочные примечания, размещаемые внизу страницы. Этот вид целесообразен, если мы хотим, чтобы читатель сразу же ознакомился с примечаниями, до того как он забудет породивший их информационный повод.

Второй — затекстовые примечания, отнесенные в конец работы, после основного текста. Этот вид более приемлем в том случае, если примечания содержат результаты относительно самостоятельных микроисследований, которые можно изучать в связи с основным текстом, но без жесткой привязки к его отдельным положениям. Хрестоматийным примером подобного подхода является немецкая классическая традиция, когда затекстовые примечания могут превышать объем основного текста. Чтобы не ходить далеко, возьмем, например, некоторые тексты М. Вебера. Сейчас так уже практически никто не пишет. Тем не менее путь этот не заказан никому. А простые затекстовые примечания — широко распространенный и достаточно удобный прием, помогающий нам разгрузить основной текст от попутных размышлений и технических сведений, передать дополнительную информацию, не нарушая стройной логики повествования.

Теперь о *ссылках* (указаниях источников). Каковы наиболее типичные ошибки, которые допускаются при цитировании (или, напротив, нецитировании) чужих текстов? Их несколько:

- * цитирование без ссылки на источник;
- * цитирование без полного описания источников;
- * затяжное цитирование;

- * неточное цитирование;
- * отсутствие перевода;
- * несоответствие ссылки библиографии.

Первая “ошибка” — приведение чужого текста как собственного, без указания автора и цитируемого источника. Имя ей — *плагиат*. Использование чужих произведений с нарушением авторских прав является предметом Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (статья 10) и предметом Уголовного кодекса Российской Федерации. Статья 146 УК РФ “Нарушение авторских и смежных прав” гласит:

“Незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно присвоение авторства, если эти деяния причинили крупный ущерб,

- наказываются штрафом в размере от двухсот до четырехсот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо лишением свободы на срок до двух лет”.

Помимо уголовной стороны дела, это еще и нарушение всяких основ профессиональной этики. К сожалению, подобные “ошибки” встречаются довольно часто, и общественное мнение в данном отношении пока слишком толерантно. Будем надеяться, что постепенно ситуация изменится, и плагиаторов ожидает нелегкое будущее.

В учебных работах не только бездумное или намеренное использование цитат без ссылок, но и просто “скачивание” и “слив” чужих текстов — практика, увы, слишком распространенная. А Интернет существенно расширил возможности для нетворческих заимствований и сузил возможности контроля над источниками текстов. Я считаю, что при обнаружении подобных попыток подателю текста должна быть без мучительных раздумий, автоматически проставлена неудовлетворительная оценка, и, более того, должен рассматриваться вопрос о возможном отчислении из студенческих рядов. Сразу выгонять, может, и негуманно, но оставлять такой проступок без внимания — значит, еще более ухудшать ситуацию. И если преподаватели этого не делают (и даже не пытаются делать), то допускают нехорошую ошибку. Я понимаю, что изложение подобных взглядов не добавит автору популярности, но не популярностью единой жив человек...

К сожалению, при изложении этой точки зрения мне не раз приходилось видеть кривоватые усмешки: дескать, жизнь такова, ее не изменишь. Дорогие коллеги, как ни пафосно это звучит,

речь идет не только о профанации учебного процесса, но и о нашем пренебрежении воспитательным началом, не менее важным, чем сумма знаний и навыков, которую мы пытаемся передать в аудиториях. Молодые люди начинают воспринимать мелкий плагиат как норму, искренне удивляются, когда их ловят на месте “преступления” (“А что в этом такого? Все так делают”). Они быстро привыкают к тому, что можно “на халяву” въехать в райские кущи, и впоследствии эта привычка может им дорого стоить. Зачем же мы дезориентируем наших собратьев?

Вторая ошибка совершается в тех случаях, когда, цитируя, мы ставим текст в кавычки и даже указываем автора, но не даем четкого описания источника, а то и вообще обходимся без него. Здесь мы вроде бы никого не обманываем, но при этом грубо нарушаем формальные требования. Представим, что тот самый автор, на кого мы подобным образом “сослались”, просматривает наш текст. Не возникает чувства неловкости?

Третья ошибка не менее распространена. Она возникает, когда мы оформляем все ссылки должным образом, но цитаты чудовищны по размеру, занимают полстраницы или даже целую страницу. А иногда речь заходит и о целых параграфах и главах. У меня до сих пор где-то хранится книга человека, впоследствии защитившего докторскую диссертацию, в которой одна из глав выглядит так: в начале там написано, что, дескать, в лучших работах российских экономистов и социологов утверждается, что...; далее следует выдержка из моего старого текста примерно на одну страницу, завершающаяся относительно культурной сноской; после этого помещена ритуальная фраза типа “как справедливо подчеркивает В.В. Радаев...”, и снова идет мой текст еще на одну-две страницы. И таким замечательным образом построена целая глава — страниц на пятнадцать. При этом вроде бы автор книги не нарушает в грубом виде профессиональной этики — на все есть ссылки. Но мы понимаем, что “автор не прав”. Самое любопытное, что люди, которые помогали данному автору писать его книгу (точнее, подобие книги), не скрывали ее от меня. Напротив, они сами ее принесли и подарили, видимо, считая, что делают мне приятное. Им и в голову не приходило, что они допускают какие-то там формальные нарушения.

Четвертая ошибка связана с неточным цитированием. А цитировать необходимо точно, вплоть до последней запятой. Если что-то выделено курсивом, надо проставлять курсив. Если мы имеем дело со старым изданием, где есть отклонения от сегодняшних

грамматических и синтаксических норм, надо следовать первоисточнику. Единственно, никто не заставляет нас проставлять “ять” и прочие вышедшие из употребления знаки, все остальное аккуратно воспроизводится в ссылке. Если же мы вносим любые, даже самые незначительные изменения в текст (добавляем слова, делаем разрядку или ставим курсив), мы обязаны в этом признаться, например: “(разрядка наша. — В.Р.)”.

Пятая ошибка — отсутствие перевода на русский язык иностранных слов или целых предложений. Никогда не встречали? Мне приходилось видеть и довольно длинные цитаты на английском языке в русских текстах, а уж отдельные непереуведенные слова и фамилии встречаются достаточно часто. Люди даже щеголяют этим. А в самом деле, что здесь делается не так? Ведь Лев Толстой вставлял длинные фразы на французском языке. А В.И. Ленин на полях своих текстов мог выругать автора и на трех-четырёх языках. Мы считаем, что уподобляться великим лучше другими, менее простыми способами. А если уж нам так хочется непременно вставить английский (или другой иностранный) текст, не будем себе в этом отказывать, но дадим его в сноске или в затекстовом примечании. В любом случае, от нас ожидается его перевод на язык издания. Ведь в английском тексте мы не оставляем фраз на кириллице. При этом если мы используем чужой перевод, нужно сослаться на источник. Если же подобной ссылки нет, предполагается, что фрагмент переведен нами самостоятельно и мы несем за перевод полную ответственность.

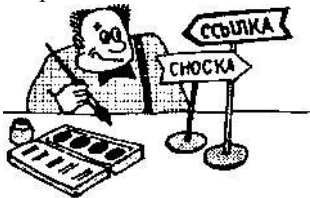
Наконец, *шестая ошибка* весьма распространена, хотя и не столь груба, как предыдущие. Мы сопроводили все цитаты добросовестными ссылками, но последние не отражены в прикнижном (пристатейном) библиографическом списке. Иными словами, все есть — и аккуратные ссылки, и хорошая библиография, но они не совпадают между собой по отдельным пунктам. Эту ошибку легко исправить. Сослались на работу — сразу включили ее в библиографический список, избежав возможных недоразумений. Авторы — народ обидчивый, а многие из них еще живы и изредка просматривают чужие тексты.

В заключение фрагмента еще раз пожелаю сердобольному читателю, рассказав правдивую историю из недавнего прошлого. Одна из моих коллег принесла мне свою статью, в библиографии которой я обнаружил две замечательные особенности. Там не было ссылки на мою статью, материал которой очевидно использовался в тексте. Зато стояла ссылка на другую, малозначимую для данного текста работу, написанную мною в соавторстве. При этом фамилия

соавтора стояла, а моей почему-то не было. Имел ли автор какой-то злой умысел, или, может, хотел меня задеть подобным неуклюжим способом? Нет, скорее всего, речь идет об элементарной невнимательности. И никакой трагедии тут нет, я даже не стал ничего говорить автору. Но не стоит забывать, что люди мгновенно замечают подобные некорректности. И реагируют по-разному. В любом случае не помешает следующее правило.

Правило 49. Не ссылаться на авторов, уже ушедших из жизни, не вполне благородно, а на здравствующих авторов — не совсем умно.

Все это прекрасно понимают и тем не менее подобные вещи — отнюдь не редкость.

Как оформлять ссылки и сноски

Приступаем к тяжелому вопросу об оформлении ссылок и сносок. Поистине, это камень преткновения для многих достойных из нас. Одни имеют самое смутное представление о формальных требованиях. Другие знают требования, но ленятся доделывать и переделывать работу. К тому же дело не в нашем нежелании возиться со ссылками (или не только в этом). Изрядные затруднения порождаются постоянными отступлениями от единого стандарта — встречаем то один вариант, то совсем другой. Сдали работу и только расслабились, как внезапно на горизонте появляется бодрый редактор, ошачливленный чтением нашей рукописи, и начинает задавать муторные и мелочные с нашей точки зрения вопросы. Редакторы западных изданий вообще цепляются мертвой хваткой за каждый крючок. На поиски ответа тратится столь драгоценное время. И все потому, что мы не дали себе труда позаботиться об оформительской стороне дела с самого начала.

Поскольку фактически используется несколько стандартов, полезно ввести для себя правило, которое звучит так.

Правило 50. Нужно выбрать один из используемых стандартов оформления ссылок и придерживаться его на протяжении всей работы.

Если Вы думаете, что это “элементарное” правило свято соблюдается всеми или даже большинством автором, то Вы пребываете в счастливом неведении. И любой редактор, натолкнувшись на данное правило, грустно улыбнется.

Если над нами не нависает тень конкретного издателя, то мы вынуждены выбирать какой-то стандарт. Если же мы готовим статью, скажем, для конкретного журнала, то проблема выбора упрощается: мы должны следовать предлагаемому им стандарту. Следует учесть, что в “Вопросах экономики” стандарт один, в “Социологическом журнале” — совсем другой, в зарубежных журналах мы встретим третий, четвертый и т.д. В каждом издании есть свои “заморочки”. Спасает то, что стандарт — не тайна за семью печатями. Посему, завершая работу, а еще вернее, приступая к работе, давайте откроем любой номер искомого журнала и посмотрим, как его держатели оформляют ссылки. И будем следовать установленному образцу, вместо того чтобы сдавать работу, сделанную кое-как. Во-первых, не удобно перед коллегами, которым придется за нас трудиться. А во-вторых, лучше встать на “путь исправления” самим, пока редакторы по невнимательности не насажали досадных ошибок.

Теперь посмотрим на расположение ссылок. Нам известно три способа их размещения:

- * внутритекстовые;
- * подстрочные;
- * затекстовые³.

Способ *внутритекстового* оформления, когда полное библиографическое описание приводится в скобках в основном тексте, используется крайне редко, и мы не будем на нем останавливаться.

Подстрочные примечания или ссылки (сноски) намного более уместны. При этом возможны два варианта их нумерации — сквозная и постраничная. Способ, при котором сноски на каждой странице нумеровались отдельно, начиная с единицы, был оправдан в эпоху пишущих машинок, когда изъятие или добавление одной позиции приводило к мукам рутинного ручного труда по перепечатке всего текста. В эпоху компьютерной верстки, когда мы освободились от “печатного рабства”, сноски автоматически нумеруются услужливой машиной, и нет никаких серьезных оснований отказываться от сквозной нумерации, тем более, что она устраняет проблему перехода сноски со страницы на страницу.

³ Подробнее об этом см.: *Гречихин А.А., Древе Ю.Г.* Вузовская учебная книга: Типология, стандартизация, компьютеризация: Учеб.-метод. пособие в помощь авт. и ред. М.: Логос: МГУП, 2000. С. 71.

В целом постраничные сноски удобны для читателя, ибо позволяют сразу, без перелистываний увидеть полное библиографическое описание важного источника или по крайней мере фамилию автора (при повторном упоминании) в нужном содержательном контексте. Однако за все хорошее надо платить. Данный стандарт не очень экономичен. Поскольку ссылки на одни и те же источники часто повторяются, то это может сильно увеличивать объем текста, причем за счет формального аппарата. А если те же источники приходится воспроизводить и в библиографическом списке (что, к счастью, требуется не всегда), то сноски начинают просто пожирать столь ценное для нас пространство.

Мне лично ближе подстрочный вариант. Представляется, что можно поступиться частью текстового пространства, чтобы читателю не пришлось постоянно перелистывать работу, заглядывая в конец. Однако приходится считаться с тем, что в силу требований экономичности многие издания выходят с *затекстовыми* ссылками. В этом варианте они помещаются в конце книги, а в самом тексте дается скупая информация, сберегающая пространство текста.

В затекстовом формате в полный рост встает проблема выбора стандарта, ибо существуют, например, российские и западные стандарты, которые сильно различаются между собой. Начнем с *российских стандартов*. Они предписывают следующее. Ссылка приводится в самом тексте, где в квадратных скобках указывается номер источника, на который мы хотим сослаться. После запятой указываются страницы источника, если делается ссылка на конкретные фрагменты текста. Если же мы ссылаемся одновременно на несколько источников, то они отделяются друг от друга точкой с запятой. Выглядит это так:

([1, с. 2-3]; [2, с. 37]; [3]) или [1, с. 2-3; 2, с. 37; 3].

Здесь появляется три варианта:

- 1) сквозная нумерация ссылок в основном тексте;
- 2) сквозная нумерация источников в библиографическом списке по порядку появления ссылок в основном тексте;
- 3) сквозная нумерация источников в библиографическом списке по алфавиту.

*Первый вариант*⁴ состоит в сквозной нумерации ссылок на протяжении всего текста. Нам он не кажется очень удобным, ибо в случае многократных ссылок на одни и те же источники мы

⁴ Подобного формата придерживается, например, “Социологический журнал”.

искусственно наращиваем объем текста. И с библиографическими списками в данном случае работать нелегко, ибо их внутренняя организация не подчинена никакому видимому принципу. Кроме того, если мы захотим вставить или убрать одну позицию (что случается часто), нам придется рыскать по всему тексту и наскоро переставлять цифры при нарастающей угрозе нелепых ошибок.

Нам кажется эффективнее другой путь — *сквозной нумерации источников*, а не ссылок. В этом случае каждому источнику в библиографическом списке присваивается отдельный номер, и мы можем ссылаться на него хоть сотни раз — в прикнижной библиографии будет стоять одно библиографическое описание. Здесь мы сталкиваемся со вторым и третьим вариантами, которые различаются способами оформления ссылок. Во *втором варианте* источники в библиографическом списке нумеруются в порядке появления ссылки в основном тексте. Мы начинаем с единицы, но если впоследствии источник встречается еще раз, то единица может появиться и самом конце текста. Например:

...[1]... [2, 3]... [n]... [1]⁵.

Третий вариант предлагает выстроить библиографические описания в притекстовом списке по алфавиту, а потом их пронумеровать. В этом варианте ссылки в основном тексте могут начинаться с любого числа, например:

...[15]... [2, 3]... [n]... [7]⁶.

Предположим, в своем тексте мы сослались последовательно на работы Петрова, Сидорова, Иванова, а затем снова на Петрова. В трех предложенных вариантах внутритекстовые ссылки и библиографические описания будут выглядеть так:

Вариант 1. Сквозная нумерация ссылок

Основной текст: [1]... [2]... [3]... [4].

Библиографический список:

1. Петров...
2. Сидоров...
3. Иванов...
4. Петров...

⁵ Этот способ применяется, например (с отступлениями по отдельным статьям), журналом “Социологические исследования”.

⁶ Пример подобного оформления см.: Социология в России / Отв. ред. В.А. Ядов. 2-е изд. доп. М.: Ин-т социологии РАН, 1998.

Вариант 2. Сквозная нумерация источников в библиографическом списке по порядку появления ссылок в основном тексте

Основной текст: [1]... [2]... [3]... [1].

Библиографический список:

1. Петров...
2. Сидоров...
3. Иванов...

Вариант 3. Сквозная нумерация источников в библиографическом списке по алфавиту Основной текст: [2]... [3]... [1]... [2].

Библиографический список:

1. Иванов...
2. Петров...
3. Сидоров...

Принципы вроде бы сходные, но с прикнижной библиографией в третьем варианте, по нашему мнению, работать удобнее. А удобство в нашей работе — отнюдь не роскошь, а необходимое требование. Поэтому в российском затекстовом формате мы бы советовали использовать именно этот способ оформления — сквозной нумерации источников по алфавиту.

Теперь отступим на шаг и посмотрим на цифровой стандарт в целом. Меня лично он не слишком привлекает. Потому что мне как читателю при столкновении с какой-нибудь мыслью или фрагментом данных хочется сразу же вызвать “на сцену” автора: хочется определить, заслуживает ли он доверия. Если этот автор нам известен, то его(ее) конкретная мысль уложится в контекст общей позиции, с которой мы когда-то ознакомились в его(ее) трудах. Если же вместо фамилии мы встречаем “голую” цифру, то информацию получаем нулевую, а перепрыгивать каждый раз в конец текста, чтобы узнать, кто это написал, конечно, неохота, да к тому же такие “прыжки” отвлекают от основного текста.

Поэтому наиболее эффективным выглядит базовый *западный стандарт*, которого придерживаются большинство зарубежных книжных и журнальных изданий. Мы приветствуем этот стандарт не потому, что он западный и наиболее распространенный, а потому, что он наиболее удобен. Он предписывает затекстовые примечания и нижеследующий формат ссылок. Внутритекстовая ссылка включает минимально достаточную информацию: фамилию автора без инициалов; через пробел — год издания работы (взятый из библиографического списка); страницы источника, если мы собираемся

их указать. Страницы отделяются от года издания запятой или двоеточием (по вкусу издательства). И все это ставится в квадратные или круглые скобки (выбираем любые, но после этого уже не путаемся). Лучшим вариантом, кстати, кажутся квадратные скобки, они более четко отделяют ссылки от основного текста, в котором круглые скобки могут встречаться сколь угодно часто. Если авторов несколько, то их фамилии указываются через запятую в порядке, в котором они идут в библиографическом описании. Если авторов более трех, то после фамилии первого автора следует писать “et al.” (в русском варианте — “и др.”). Эти ссылки выглядят так:

[Goldthorpe 1980];

[Giddens, Held 1982: 357, 359];

[Bechhofer et al. 1969, p. 3—7].

Если мы используем несколько источников одного и того же автора, то год издания поможет нам найти нужное произведение. Если же автор умудрился в одном и том же году издать несколько трудов, задача усложняется, но незначительно. После года издания ставятся буквы — а, б, с и т.д., соответствующие обозначению источника в библиографии (как ее оформлять, скажем чуть позже). Тогда ссылка может принять следующий вид:

[Giddens 1982b; Parkin 1979a].

Если мы ссылаемся одновременно на несколько источников одного автора, то фамилию, разумеется, можно не повторять:

[Giddens 1982b, 1989, 1992].

Данный стандарт позволяет, не отвлекаясь от текста, сразу видеть фамилию автора, а при некоторой осведомленности о его творчестве — даже конкретный источник. “Итоговый” библиографический список в этом случае оформляется в алфавитном порядке.

Что включать в библиографический список

Библиографический список — важнейшая часть текста, по которой может производиться его первоначальная оценка. Например, Г.С. Батыгин, главный редактор “Социологического журнала”, не

раз публично говорил о том, что начинает чтение с пристального изучения именно библиографического списка, по которому он, вероятно, и определяет не только предварительный статус предложенной работы, но и вообще, нужно ли ее читать. В этой связи стоит упомянуть, что если в тексте отсутствуют библиография по исследуемому вопросу и ссылки на какие-то ранее выполненные труды (не важно, идет ли речь об отчете, статье или учебной работе), то текст не может считаться работой в принципе, и мы вправе сэкономить свое дефицитное время, смело отказавшись от его прочтения. А возможности для экономии найдутся, ибо тексты такого рода по-прежнему встречаются. Искренне надеюсь, что читатель не сочтет эту позицию чересчур радикальной.

Теперь собственно о *способах составления библиографии*. Первый, крайне распространенный ныне прием — копирование библиотечного файла. Человек находит подходящие книги по библиотечному каталогу или просто берет библиографию из чужих источников, найденных в Интернете. Что можно сказать по этому поводу? Ничего. Можно лишь повторить фразу знаменитого телекомментатора Николая Озерова: “Такой хоккей нам не нужен”.

Второй способ построения библиографии (а точнее, первый, ибо предыдущий прием для нас неактуален) — включить в список все, что успел прочитать по данной теме. Многие, наслушавшись директив “о возрастающей роли библиографии в научной работе”, бросаются в крайность, желая набрать побольше источников. В итоге небольшой текст сопровождается длинным списком книг, который, вместо того чтобы повествовать о трудолюбии и осведомленности автора, начинает внушать невольные подозрения. Таким образом, этот способ хорош и плох одновременно. Он хорош, ибо мы знакомы с приводимыми источниками и, следовательно, не пытаемся никого надуть — представить себя лучше, чем мы есть на самом деле. Однако он плох, ибо не все из упомянутых нами источников имеют прямое отношение к данной конкретной работе.

Поэтому в правило предлагается заложить наилучший, на наш взгляд, третий путь.

Правило 51. В библиографический список включаются литературные, статистические и другие источники, которые мы явным образом использовали при подготовке текста и, более того, в самом тексте.

Остальные источники желательно убрать, даже если тематически они прекрасно вписываются. Данная установка может проводиться в жизнь в “жестком” и “мягком” вариантах. В “жестком” варианте библиография составляется так: в нее включаются источники, которые использовались при подготовке работы и на которые приводятся ссылки в самом тексте. Иными словами, если ссылки в тексте нет, то позиция из библиографии безжалостно изымается. Этому требованию, кстати, действительно следуют многие редакторы. В “мягком” варианте вставляется небольшое количество литературных источников, на которые мы не ссылаемся в тексте, но которые принципиально важны для работы в целом и(или) для обозначения нашей идейной позиции. Такой подход, наверное, допустим. Но лучше все-таки придерживаться канонического “жесткого” варианта. Это означает, что наш библиографический список может быть не слишком большим, но он непременно должен быть впечатляющим и точным.

Как оформить библиографический список

Трудно, почти невозможно найти рукопись, в которой не было бы ошибок, опечаток или отступлений от формальных стандартов в библиографии, даже если речь идет о всеведущем профессионале. То страницы в сноске выпадают, то издательство пропущено, то появляется разнобой в библиографическом описании. И сколько ни выверяй библиографию, все равно остаются какие-то мелкие огрехи⁷. А некоторые коллеги и вовсе не уделяют этому особого внимания, допуская выпадения чуть ли не по каждой позиции.

⁷ В оформлении библиографических списков нам помогут следующие издания: *Альберт Ю.В.* Списки литературы в научных изданиях: Составление и оформление. Киев: Наукова думка, 1988; ГОСТ 7.1.84. Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления. М.: Изд-во стандартов, 1984; *Батыгин Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований; *Калинин С.Ю.* Библиографический аппарат научной публикации // Библиография. 1993. № 2. С.36—45; *Призмент Э.Л., Динерштейн Е.А.* Вспомогательные указатели к научным изданиям. М.: Книга, 1988; *Сонер П.* Составление библиографического описания: Краткие правила // Междунар. каталогиз. комис. при Гос. биб-ке СССР им. В.И. Ленина. 2-е изд., перераб. М.: Книга, 1985.

Мы уже указывали на то, что “итоговая” библиография может строиться по разным принципам, в основе которых лежат:

- * статус источников;
- * хронология источников;
- * порядок появления ссылки;
- * алфавит.

Оформление по *статусу источников* практиковалось в недалекие советские годы, когда в библиографии сначала велено было ставить классиков марксизма-ленинизма, затем материалы очередных партийных съездов, а уж после них всякую “беспартийную” литературу (можно посмотреть, например, диссертационные работы этого периода). Сейчас эти требования потеряли актуальность, и, скажем, К. Маркса можно встретить как рядового автора в библиографическом списке на соответствующую букву.

По *хронологии источников* вполне могут составляться специальные библиографические списки и антологии — перечни работ отдельных авторов или работ в какой-то конкретной области. В обычных аналитических и учебных работах подобный способ следует считать экзотическим.

Составление библиографии по *порядку появления ссылки*, как мы уже указывали, практикуется чаще, но связано с изрядными неудобствами для читателя. Поэтому, вместо того чтобы блистать оригинальностью, мы бы поддержали обычный алфавитный список.

Способ *алфавитного построения* не нуждается в особых комментариях. Если источники даются на двух и более языках, то нужно начать с русскоязычных позиций, а потом перейти к позициям на латинице. Напомним тем, кто никогда не обращал внимания на библиографию, что в российском стандарте перечень формируется по фамилии автора (первого автора) или заглавию, если авторы не указаны или их больше трех. В западном стандарте перечень формируется по фамилиям авторов или ответственных редакторов издания.

Если у одного автора в нашей библиографии оказалось сразу несколько работ, то, следуя западному стандарту, вступает в силу хронологический принцип: сначала идут старые, потом новые работы. Приходилось, конечно, встречать и обратную последовательность, но принцип от старого к новому нам кажется более естественным. При этом по каждому автору сначала мы указываем индивидуальные работы, а потом все то, что написано им(ею) в соавторстве (по тому же хронологическому принципу). Если несколько работ выпущено в одном году, а мы используем западный стандарт оформления ссылок, не забудем проставить в библиографии соответствующие буквы (а, b, с и т.д.), чтобы читатель мог припасть

к желанному источнику. Непременным требованием в этом стандарте также является перемещение года издания на место после фамилии автора(ов). В англоязычной статье это может выглядеть так:

Fligstein, Neil (1996), 'Markets as Politics: A Political-Cultural Approach to Market Institutions', *American Sociological Review*, Vol. 61 (August), p. 656-673.

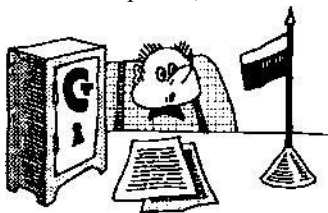
Fligstein, Neil (1997), Social Skill and Institutional Theory, *American Behavioral Scientist*, Vol. 40, No. 4 (February), p. 397-405.

Fligstein, Neil, and Iona Mara-Drita (1996), How to Make a Market: Reflections on the Attempts to Create a Single Market in the European Union, *American Journal of Sociology*, Vol. 102, No. 1 (July), p. 1-33.

Деликатный вопрос возникает в том случае, если мы используем сборник избранных работ какого-то выдающегося автора. В одной книге может быть более десятка работ. Как сослаться — на всю книгу в целом или на каждую статью отдельно? В принципе, возможны оба варианта, если мы не забываем проставлять страницы источника. Но, строго говоря, лучше сослаться на каждую работу отдельно, указывая сначала название данной работы, а затем название всего тома в целом. Например:

Вебер М. Наука как призвание и профессия / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова, П.П. Гайденко // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707—735.

Если авторы в сборнике разные, то тогда, само собой, их работы подаются отдельно. Кстати, нередки случаи, когда в разных местах библиографии мы встречаем одновременно библиографические описания и всего сборника, и его отдельных статей.

Как делать библиографическое описание по российскому стандарту

Мы не будем описывать все тонкости библиографических описаний. Ограничимся вещами, которые вызывают наиболее частые проблемы и порождают многочисленные неточности и ошибки. Начнем с российского стандарта. Хотя единый стандарт существует, к сожалению,

редакции и издательства допускают постоянные отклонения в ту или иную сторону. Возьмем образцы оформления библиографических описаний, приведенные на обороте титула “Социологического журнала”:

Мак-Фарленд Д. Поведение животных: Психология, этнология и эволюция: Пер. с англ. / Под ред. П.В. Симонова. М.: Мир, 1988. С. 333.

Гете И. Правила для актеров / Пер. с нем. Н. Манн // Избр. произведения / Сост., предисл. и комментарии Н. Вильмонта. М.: Худож. лит., 1950. С. 533.

Итак, в наиболее простом варианте сначала следуют фамилия и инициалы автора, выделенные курсивом. По российскому стандарту, должны даваться оба инициала, но в некоторых изданиях (например, в журналах “Вопросы экономики”, “Pro et Contra”) дается только один. Фамилии перечисляются в порядке, определенном самим источником. Далее следует полное заглавие работы. После начинается область выходных данных. Здесь прежде всего указывается место издания, причем Москва и Санкт-Петербург пишутся сокращенно (М. и СПб.), а все остальные нестоличные города даются полностью. И все это завершается двоеточием.

Дальше начинаются проблемы, ибо после двоеточия нужно указать издательство, а этого делать большинство из нас не любят и норовят пропустить. Более того, некоторые российские редакторы с готовностью вычеркивают названия издательств, забывая, что речь идет о родственных учреждениях (видимо, не осознают, что бьют в свои ворота). Так, например, в одной из моих работ издатели без согласования со мною вычеркнули кропотливо подобранные названия издательств, а потом сослались на некие привходящие обстоятельства. В дальнейшем я стал внимательнее и при первых попытках убрать издательства сразу хватался за маузер.

Но возвращаемся к библиографическому описанию. После названия издательства ставим запятую и проставляем год выпуска издания. Если книга была переиздана, то дается год того издания, которое мы держали в руках и на которое собственно ссылаемся. Если сочтем это целесообразным, можно после года издания использованного нами источника в скобках дать год первого издания. Если же мы ссылаемся на старое издание при существовании нового, то можно дать на этот счет минимальные разъяснения (например, нас могло не устроить качество нового перевода).

Наконец, дело доходит до конкретных страниц (их номера отделены заглавной буквой “С”). Здесь вновь начинаются пробелы и соскальзывания. Мы не любим проставлять страницы, ибо часто

их нет под рукой, сразу мы их не выписали, а искать страницы слишком долго, да и неохота. Между тем, если речь идет о главе в книге или статье в журнале, страницы указывать нужно обязательно. По ним, кстати сказать, помимо облегчения поиска, читатель может определить и объем работы. Стоит ли заставлять коллег тратить время на розыски двухстраничного фрагмента? Какие слова пошлет в наш адрес разочарованный читатель, когда вместо ожидаемого полновесного материала доберется до кратких тезисов? Если же это большая работа, тем более укажем ее объем в страницах.

Что изрядно упрощает нашу задачу — на обороте титульного листа российских книг, как правило, стоит полное библиографическое описание, и остается только его прилежно переписать. Чуть сложнее с журналами. Их названия отделяются двойной наклонной чертой. Затем идут год выпуска, номер тома (если есть), номер журнала и номера страниц. Приведем пример с оборота титула того же “Социологического журнала”:

Калинин С.Ю. Библиографический аппарат научной работы // Библиография. 1993. № 2. С. 36—45.

Иногда встречаются несколько экзотические варианты. Например, “Российский экономический журнал” каждый блок библиографического описания отделяет точкой и тире. Но это элемент скорее факультативный. И мы этого не предлагаем. А предлагаем общее правило.

Правило 52. В оформлении библиографических списков для конкретного издания нужно как можно тщательнее следовать стандартам данного издания, даже если они нам не нравятся.

Если же о конкретном издателе речь пока не идет, лучше, не мудрствуя, следовать известному ГОСТу.

**Как делать
библиографическое
описание по западному
стандарту**

Здесь многое выглядит иначе. Возьмем вариант оформления библиографии при использовании в работе затекстовых ссылок.

Книга:

North, Douglass C. (1992), *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Глава в книге:

Eggertsson, Thrainn (1996), A Note on the Economics of Institutions, in: Alston, Lee J., Eggertsson, Thrainn and Douglass C. North (eds.). *Empirical Studies in Institutional Change*. Cambridge: Cambridge University Press, p. 6-24.

Статья в журнале:

Portes, Alejandro and Saskia Sassen-Koob (1987), Making It Undeiground: Comparative Material on the Informal Sector in Western Market Economies, *American Journal of Sociology*, Vol. 93, No. 1 (July), p. 51-56.

Посмотрим, что есть примечательного в этих трех описаниях. И начнем с первой позиции — с обычной ссылки на книгу. Сразу видим, что фамилия автора (что для нас выглядит не вполне обычно) отделяется запятой. Имя автора дается полностью и сопровождается инициалом отчества или второго имени, если автор их указывает. После этого в затекстовом формате следует год издания в круглых скобках, отделенный очередной запятой. Теперь дело доходит до названия книги, которое выделяется курсивом. Далее идет место издания полностью. Возможны, впрочем, сокращения в случае с Нью-Йорком и Лондоном — основными издательскими мастерскими мира (N.Y. и L.). Если мест издания несколько, их дают через запятую или оставляют одно — первое и главное. Не забудем после места издания поставить двоеточие и написать название издательства. На этом описание заканчивается, ибо год у нас значится после фамилии автора, а номера страниц при описании всей книги мы не даем.

Если речь идет о главе в книге, то сначала описание следует прежнему образцу. Затем после названия статьи или главы ставится переход “in.”, и можно приступить к описанию книги. Добавим, что после описания издательства читателя непременно должны поджидать номера страниц. Часто они приводятся без всяких сопроводительных знаков, после обычной запятой. Мы предпочитаем ставить маленькую букву “p” с точкой на конце. Варианты выглядят так:

“, 1-15” или “, p. 1-15”.

Смотрим, как оформляется статья в журнале. Сначала идут фамилии авторов, год издания и название работы. А после запятой появляется название журнала, затем следуют номер тома, номер журнала (который, заметим, проставляется иначе, нежели в русском варианте — не “№”, а “No.” или “N”). После в круглых скобках дается месяц издания (если есть). А завершается описание номерами страниц.

Остается вопрос: почему в первом случае закурсивлено название работы автора, во втором — название книги, а в третьем — название журнала? Напомним, что в русском стандарте выделялась фамилия (четвертый вариант). Правило, по крайней мере в западном стандарте, таково.

Правило 53. В библиографическом описании курсивом выделяется та информационная единица, по которой источник наиболее доступен в библиотечном каталоге.

Поскольку описание отдельных глав в сборниках дается только в самых продвинутых библиотечных каталогах, надеяться на это нельзя, проще выделить название всей книги или журнала.

Как переводить русские библиографические описания

Если мы готовим статью на иностранном языке (например, на английском), то возникает проблема перевода русскоязычных источников. Как ее решить? Возможны, как минимум, три варианта:

- * латинская транскрипция русского текста;
- * полный перевод без транскрипции;
- * комбинация транскрипции и перевода.

В *первом варианте* мы мучительно преобразуем кириллицу в латинские фонетические аналоги, проставляя комбинации латинских букв там, где это необходимо, — “ts” вместо “ц”, “ya” или “ia” вместо “я” и т.п. Получаем описание следующего вида.

Radaev, Vadim (1998), *Formirovaniye novykh rossiiskikh rynkov: transaktsionnye izderzhki, formy kontrolya i delovaya etika*. Moscow: Tsentri Politicheskikh Tekhnologii.

Выглядит оно, конечно, ужасно, но зато точно воспроизводит оригинал. Правда, беда в том, что если человек не знает русского языка, он никогда не догадается, о чем, собственно, наша работа, и, согласитесь, это серьезный недостаток.

Второй вариант этот недостаток излечивает. Здесь дается полный перевод текста без всякой латиницы, а в конце в скобках указывается язык оригинала, например:

Radaev, Vadim (1998), *Formation of New Russian Markets: Transaction Costs, Forms of Control and Business Ethics*. Moscow: Center for Political Technologies (in Russian).

Здесь англоязычным коллегам все становится ясно. Однако возникает другая проблема. Предположим, они хотят отыскать упомянутый источник в российской библиотеке. Как они это сделают? С большим трудом, а если источник каталогизирован не по фамилии автора, а по переведенному заголовку, то вообще никак. И хотя некоторые западные издания используют подобный формат, трудно считать его абсолютно корректным.

Поэтому нам кажется наиболее приемлемым *третий вариант*, комбинирующий латинскую транскрипцию с переводом содержательной части источника в скобках. Образец может выглядеть так:

Radaev, Vadim (1998), *Formirovaniye novykh rossiiskikh rynkov: transaktsionnye izderzhki, formy kontrolya i delovaya etika* (Formation of New Russian Markets: Transaction Costs, Forms of Control and Business Ethics). Moscow: Center for Political Technologies.

Если речь идет о главе в книге, то перевести следует и ее полное заглавие, например:

Fadeyeva, Olga: *Mezhsemeinayaset': Mekhanizmy vzaimopodderzhki v rossiiskom sele* (The Interfamily Networks: Mutual Aid in the Russian Villages), in: Shanin, T. (ed.): *Neformalnaya ekonomika: Rossiya i mir* (Informal Economy: Russia and the World). Moscow: Logos, 1999, p. 183-218.

Конечно, этот вариант — самый громоздкий и самый трудоемкий, но зато обеспечивает максимум необходимой информации и для русскоязычной, и для англоязычной аудитории. Добавим, что во всех случаях выделять курсивом нужно описание на языке оригинала.

Возникает еще один, более частный вопрос: а нужно ли транскрибировать название журналов? Как писать: “Sotsiologicheskie Issledovaniya” или “Sociological Studies”? Я бы остановился на первом варианте, потому что по названию журнала ищется сам источник, а в случае перевода мы затрудняем путь к этому источнику. А вот если единицы описания не столь важны для поиска, то их можно смело переводить. Например, в приведенном выше примере нет особого смысла преобразовывать в латиницу название Центра политических технологий (источник будут искать не по названию Центра). Да и писать Москву как “Moskva” — значит усердствовать без меры.

Чего нужно избегать в оформлении таблиц и рисунков

Табличное оформление удобно, просто и понятно. Сейчас в результате возросших компьютерных возможностей все чаще используются разные графики и рисунки, которые становятся все более и более замысловатыми. Ранее возникали почти непреодолимые проблемы с набором обычных формул, а сейчас можно вставлять не только формулы, но и любые фотографии. К тому же наглядность и даже некоторая живость изображения становятся все более частым пожеланием к самому серьезному тексту.

Остановимся на одном из самых простых и универсальных инструментов — таблицах. Попробуем суммировать то, чего делать не рекомендуется, а именно:

- * не злоупотреблять таблицами;
- * не заменять таблицами текст;
- * не делать слишком сложных таблиц;
- * не затемнять характера данных;
- * не пропускать пояснений и расшифровок;
- * не мельчить с цифрами;
- * не использовать непринятых сокращений;
- * не пропускать ссылок на источники данных.

Таблицы — вещь хорошая, наглядная. И если мы можем оформить данные в таблицу, давайте сделаем это. Но не будем ими злоупотреблять. Не следует тащить в текст все крестотаблицы, которые мы дали себе труд посчитать. Таблицы нужно тщательно отбирать, пользуясь следующим

Правило 54. Таблицы должны иллюстрировать самые важные связи между исследуемыми признаками, причем эти связи должны быть видны невооруженным глазом.

Итак, посчитали пять таблиц — отберем из них одну, самую важную и “говорящую”.

В работах, написанных по материалам количественных исследований, есть тенденция превращать текст в свод таблиц с короткими лапидарными описаниями. В утрированном виде это выглядит так: “Обнаружена связь исследуемого признака с полом респондентов (см. табл. 1). Высокобразованные респонденты заметно отличаются от малообразованных групп (см. табл. 2)” и т.п.

Таблицы — это иллюстративный материал. Сами по себе они не являются доказательством и не заменяют аргументацию, даже если связь признаков в них кажется очевидной. Впрочем, впадать в другую крайность — нудно описывать содержание таблицы по строкам, столбцам и диагоналям с повторением всех цифр — значит тоже рисковать качеством своего текста. Объяснения должны *использовать* данные таблицы, а не *пересказывать* ее.

Нередко возникает соблазн объединить разные таблицы в одну для экономии места и большей наглядности. Здесь также хорошо бы нам соблюсти чувство меры. Ибо разбираться в хитросплетениях строк и столбцов — охотников мало. Многие коллеги признаются, что вообще не любят цифровых таблиц, и вникать в сложные табличные построения, где неясно, к какой строке или какому столбцу относится цифра, их не заставишь и под дулом пистолета. Конечно, есть профессионалы, которые легко разбираются с самыми сложными таблицами и с первого взгляда обнаруживают любые ошибки и несоответствия. Но таких людей все же не так много.

Предлагая таблицы, мы очень часто забываем охарактеризовать использованные данные. Например, полезно знать, от какого числа исследованных случаев берутся проценты, насколько значимы приводимые нами различия количественных параметров. Не говоря уже о том, что читатель должен быть абсолютно уверен, по строке или по столбцу посчитаны проценты, должны ли они в сумме давать 100% или берутся независимо друг от друга. “Затемнение” или бездумный пропуск всех этих данных не идут на пользу тексту.

Таблица должна быть абсолютно понятной, и посему мы не имеем права пропускать пояснений, идет ли речь о тоннах, миллионах или процентах. При этом негоже ради экономии места давать какие-то немыслимые сокращения, кроме конвенциональных — “млн”, “руб.”, “чел.” От всяких “тр.” и “пр.” нашего и без того нервного читателя следует решительно избавиться.

Не будем также мельчить с числами, давая две цифры после запятой и создавая видимость “научной точности”. Что толку в этих расшифровках после запятой, если речь идет, скажем, об одной-двух сотнях единиц обследования. Здесь даже различие в 5—10% стремительно утрачивает смысл, ибо допустимая погрешность оказывается выше. Поэтому и в самом тексте при описании табличных данных в условиях малой выборки точность в числах оказывается излишней роскошью. И вместо того, чтобы упорно настаивать на том, что 34% предприятий делают одно, а 52% — другое, разумнее сказать “примерно треть” и “около половины”. И такая “неточность” будет ближе к истине, чем обманывающая точность конкретных цифр.

Если по какой-то позиции данные отсутствуют, то ставится отточие. Если же позиция по данному показателю не может быть рассчитана, пропуск обозначается через тире.

Наконец, необходимо после каждой таблицы указывать источник данных (публикацию, организацию вроде Госкомстата, базу данных), за исключением случая, когда речь идет об оригинальных данных, источник которых описан в начале работы.

Отдельно для таблиц и рисунков не забудем проставить сквозную нумерацию. Если их относительно много, то таблицы и рисунки выносятся в список, который становится частью оглавления работы.

Таблицы и рисунки можно разместить в конце текста, в отдельном приложении. Тогда в самом тексте, в тех местах, где они должны стоять, делаются ссылки:

Табл. 3 (русский вариант) или Table 3 about here (английский вариант).

Есть некоторые тонкости, касающиеся графического оформления таблиц. Мы предлагаем придерживаться следующих принципов:

- * смысловые блоки таблицы должны быть разделены линиями;
- * количество линий должно сводиться к минимуму (чтобы у читателя не чернело в глазах);
- * графическое оформление не должно “забивать” цифровые и текстовые блоки.

Приведем стандартный пример из американского журнала, где используется минимум горизонтальных линий.

Table 4. Granger-Causality Tests of the Relationship between Foreign Direct Investment and Domestic Investment: Less Developed Countries, 1970–1992

Relationship	Long — Run Effect	<i>F</i> — Statistics for Lagged Terms for:	
		Foreign Direct Investment	Domestic Investment
Foreign direct investment causes domestic investment N = 1,515	2.89** (1.16)	3.83**	1,103.54***
Domestic investment causes foreign direct investment N = 1. 218	.17*** (.05)	65.78***	6.23***

Note: Numbers in parentheses are standard errors.

p < .01 * p < .001(one-tailed tests)

Источник: American Sociological Review. 1999. Vol. 64. N 5. P. 777.

Заметим, что в российской практике, наоборот, обязательными считаются вертикальные линии. Единообразия и здесь, увы, не наблюдается.

Таблица 1. Население мира

	Доля групп населения, %			Население, млрд чел.			
	1990 г.	2000 г.	2025 г.	дети (0-4 года)	молодежь (15-24 года)	пожилые (более 65 лет)	городские жители
Население мира	5,3	6,0	8,0	12	19	6	45
Развитые	1,2	1,3	1,4	7	15	12	73
Развивающиеся	4,1	4,7	6,6	13	20	4	37
страны							
Европа	0,50	0,51	0,51	6	15	13	73

Источник. Вопросы экономики. 2000. № 12. С. 86.

Мы не останавливаемся отдельно на рисунках. Здесь открывается океан возможностей, и всех вариантов не предусмотреть. Но основные подводные камни, по-видимому, те же, что и в построении таблиц. И лоцман тот же.

Нужно ли проверять абсолютно готовый документ

Наконец, мы завершили свою многотрудную работу. Она полностью готова, мы можем смело ее сдавать. Не нужно ли еще раз ее проверить? Ответ хорошо известен всем: обязательно нужно. Сколько бы мы ни занимались своим текстом, избежать мелких шероховатостей или крупных ляпов не удастся практически никогда. Отсюда правило.

Правило 55. Если мы уже пятьдесят раз прочли документ, перед окончательной сдачей сделаем пятьдесят первый заход. И, что удивительно, обязательно найдем какие-нибудь проколы.

Помимо ясности содержания (которого мы, как надеемся, достигли), нужно проверить грамматику текста. И с помощью компьютера это занимает сегодня не более 5—10 минут. О существовании спеллинговых программ известно всем. И вы думаете, все это делают? Глубоко ошибаетесь. Говорят: “не успел” или “забыла”.

Не будет также излишней предосторожностью показать текст какому-нибудь стороннему человеку с острым глазом. Мы сами уже плохо видим свой текст, к тому же невольно отвлекаемся на содержательные вопросы и пренебрегаем формой. А есть люди, которые сразу же видят всякие ляпы и на любой вычищенной странице найдут хотя бы одну ошибку. А тексты без ошибок, как известно, в природе не встречаются. Известна следующая закономерность.

Правило 56. То, что было пропущено десятком вездыхальных профессиональных глаз, без труда будет обнаружено досужим читателем сразу после выхода издания в свет.

Кроме исправления ошибок, окончательный текст должен хорошо смотреться. Поэтому стоит проверить “финальный” вариант — не “отлетают” ли подзаголовки, не разбивается ли страница прямо посередине таблицы, все ли страницы на месте, не потеряны ли по пути библиография или приложения. Затем следует отформатировать весь текст так, чтобы он выглядел целостно и привлекательно. Словом, необходимо еще раз (в который раз!) просмотреть текст целиком. Придется опять тратить время на эту “ерунду”? Да, придется.

Все эти ухищрения преследуют в конечном счете одну очевидную цель — текст должен выглядеть не только логично, но и красиво. И эстетическими требованиями сегодня не стоит пренебрегать. Неряшливый текст с неровными интервалами и рваными полями производит неблагоприятное впечатление — как будто нам предлагают есть из плохо вымытой посуды.

?

?

?

Для тех, кто одолел эту самую большую главу, — наши вопросы-напоминания.

- * Насколько информативен титульный лист нашей работы?
- * Не забыли ли мы упомянуть финансирующую организацию, своих коллег и тех, кто оказал нам помощь в реализации проекта?
- * На все ли использованные источники мы сослались?
- * Сможет ли читатель найти эти источники по нашим библиографическим описаниям?
- * Соблюдены ли нами правила цитирования чужих текстов?
- * Выдержан ли единый стандарт оформления ссылок и сносок во всем тексте?
- * Соответствует ли этот стандарт требованиям издателя, к которому мы планируем обратиться?
- * Соблюден ли единый принцип составления библиографического списка и оформления библиографических описаний?
- * Все ли источники, приведенные в библиографическом списке, использованы в нашем тексте?
- * Есть ли в тексте наглядный иллюстративный материал — таблицы, схемы, рисунки?

- * Не перегружен ли текст иллюстративными материалами?
- * Насколько красиво выглядит каждый раздел нашего итогового текста?
- * Прочитали ли мы текст еще раз целиком перед тем, как расстаться с ним?

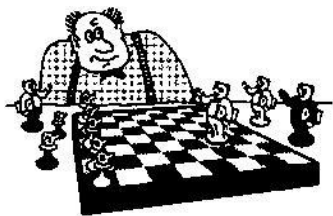
Глава 6

ПРАВИЛА УСТНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОЕКТА

Как построить выступление. — Как соблюсти регламент. — Читать ли заранее заготовленный текст. — Как использовать визуальный материал. — Как контролировать чистоту языка и жеста. — Как контролировать внимание аудитории. — Стоит ли развлекать аудиторию. — Как взаимодействовать с аудиторией. — Как задавать вопросы и оппонировать докладчику. — Как выступать в качестве оппонента

Мы подошли к шестой главе книги о простых вещах, которые без труда проглатываются, но с большим трудом усваиваются. И на этот раз речь пойдет о правилах устной презентации проекта.

Предполагается, что к этому моменту мы преодолели длинный путь: подготовили исследование, собрали данные, проанализировали их, написали итоговый текст. Теперь нужно донести эти результаты до специалистов. И тут как раз намечается семинар или нужно держать ответ перед заказчиком, нас приглашают выступить на конференции или вскоре грянет защита диссертации — словом, нам придется выйти на публику, выступать перед профессиональной аудиторией. Что нужно учесть при подготовке такого выступления? Пожалуйста, не говорите, что это дело индивидуальное и что у каждого есть свой стиль. Блистать индивидуальностью (тем, у кого она есть), конечно, не запретишь. Но индивидуальный стиль выступления при несоблюдении элементарных правил презентации начинает смотреться как не вполне уместное чудачество. Именно эти правила и послужат предметом дальнейшего разговора.

Как построить выступление

Одной-единственной схемы выступления, безусловно, не существует, однако ее основные элементы следует учесть. Первый элемент — установление первоначального контакта с аудиторией (к этому пункту мы еще вернемся). Лучше всего сделать это при постановке проблемы. Далее мы должны описать основные параметры нашей исследовательской программы (цели и задачи, границы объекта, основные гипотезы и т.д.), т.е. то, что составляет вводную часть всякого письменного текста. Затем мы четко постулируем основной тезис и начинаем разворачивать свою аргументацию. Аргументы в свою очередь иллюстрируются проанализированными данными. Не забудем о рефлексивной оценке собственной позиции и заключительных выводах. В целом устное выступление воспроизводит логику письменного текста, но при этом предоставляет дополнительные возможности для воздействия на аудиторию.

Мы понимаем, что не в состоянии втиснуть в одно выступление все, что нам удалось наработать и что нам кажется интересным. Приходится отбирать главное. И сразу переходить к изложению основных положений, ибо времени на длинный разбег у нас нет. Но как бы ни был жесток регламент, есть вещи, которые обойти нельзя. Что это за вещи? Первое: нельзя выбрасывать описание выборки и способов сбора данных. Да, это отнимает драгоценное время и, вполне возможно, интересно далеко не всем присутствующим. Мы все равно обязаны это сделать. Второе: нельзя выбрасывать ссылки и выражения благодарности. Нужно упомянуть фонд, который нас профинансировал; коллег, которые вместе с нами работали; специалистов, которые нам помогли; руководителя, который, рискуя своим добрым именем, стал “выпускающим” нашего продукта. Словом, даже в короткое пятиминутное выступление мы принуждены вставлять достаточно большое количество вводных предложений и технических подробностей. Но ничего не поделаешь. Если мы считаем, что регламент слишком жесткий, почти всегда есть возможность выбора — мы вправе вежливо отказаться от предложенного выступления.

Успех во многом зависит от формы подачи материала. Мы можем построить выступление в стиле “милицейского протокола”, четко раскрывая пункт за пунктом. Однако возможен и другой подход, который иногда называют проблемным. При таком подходе, во-первых, не даются ответы на все затронутые вопросы, а во-вторых, включается элемент интриги или даже интеллектуальной провокации. Мы вбрасываем проблему, а затем разворачиваем структуру аргументации, не объявляя заранее окончательного вывода (если он вообще предлагается). Между этими крайними формами подачи материала, разумеется, существует множество промежуточных форм.

Есть три элементарных требования к любому выступлению на публике, которые складываются в следующее правило.

Правило 57. Выступление должно быть понятным для аудитории, лаконичным и законченным.

Прежде всего нужно *отказаться от эзотеричности* и сугубо птичьего языка, заведомо не понятного для присутствующих. Это не означает, что нужно “подстраиваться под аудиторию”, позволяя ей расслабляться. Нужно стараться приподнимать планку, но так, чтобы слушатели тянулись вслед за ней, но при этом не теряли ее из виду. Если, конечно, мы хотим большего, нежели просто продемонстрировать, насколько мы умны.

Нужно *не перегрузить* выступление. А поскольку время жестко ограничено, соблазн побольше всего сказать возникает довольно часто. Мы начинаем говорить быстро, затем еще быстрее, выбрасывая ворохи мыслей и фактов, забывая, что воспринимать что-либо на слух — и без того задача непростая. И в этом, кстати, кроется одна из самых больших трудностей выступления по результатам эмпирического исследования.

Думаю, многие согласятся, труднее всего выступать с изложением именно эмпирических результатов. С одной стороны, когда ты имеешь оригинальную фактологическую базу, доклад выглядит более солидно. Данные сами по себе служат своего рода оправданием нашего выхода на трибуну. И часть аудитории может быть заинтересована в данных как таковых, вне наших усилий по их интерпретации. С другой стороны, чем солиднее эмпирическая база, тем сложнее изложить результаты корректным образом. Ибо минимальное описание этой базы, без которого нельзя двигаться дальше, занимает заметную часть драгоценного времени. Да и забрасывать людей цифрами тоже не годится, ибо это может нарушить пределы нормального восприятия.

Наконец, выступление должно быть *законченным* или хотя бы должно выглядеть как законченное. Приходится опускать важные содержательные и цифровые фрагменты и рассказывать куда меньше, нежели хотелось бы, но в конце изложения должна стоять точка или в крайнем случае — точка с запятой. Оставлять слушателей на самом интересном месте — некрасиво.

Как соблюсти регламент

Одна из первых проблем, возникающих перед каждым выступающим на семинаре, конференции или защите, связана с соблюдением регламента. Регламент — скучная, но принципиальная вещь. Если нас приглашают выступить в публичном пространстве, первый вопрос, который мы задаем организаторам, предельно прост: сколько времени будет в нашем распоряжении? Ибо выделение десяти минут ставит нас в одни рамки, тридцати минут — в другие, полутора часов — в третьи. И характер выступлений в этих случаях сильно различается.

Регламент — еще и жесткая вещь. И чем серьезнее мероприятие, тем жестче, как правило, он соблюдается. Потому следует заранее просчитывать время.

Мне вспоминается конкретный случай, когда я вел секцию на конференции. Каждый докладчик имел в своем распоряжении стандартные 15 минут. И вот один из докладчиков, сделавший очень трудоемкую и профессиональную работу, потратил примерно 12 минут на подход к проблеме. Когда же он приступил к изложению результатов, выяснилось, что разворачивать их уже некогда — время кончилось. Автор был в явном замешательстве и вынужден был прерваться на полуслове. Это поистине шоковая ситуация, но ведь ее можно было легко предвидеть. Нужно было элементарно подготовиться. Если у человека недостаточно опыта выступлений в условиях давящего регламента, нужно потренироваться и “прогнать” материал до начала выступления, чтобы примериться к временным рамкам (я сам поступал так неоднократно). Целесообразно также пометить, что придется выбросить, если времени все-таки не будет хватать. Опытным выступающим такой подготовки уже не требуется, хотя прикидывать “на коленке”, что включить, а что выбросить из выступления, все равно приходится.

Контроль за соблюдением регламента — почетная обязанность ведущего, которую тот выполняет с большим или меньшим рвением. Иногда, чтобы облегчить его(ее) нелегкий труд, контроль перекадывается на специально обученных лиц. Так, например, мне пришлось столкнуться с интересным опытом контроля за временем выступлений на ежегодной конференции Международного общества новой институциональной экономики (ISNIE) в Вашингтоне, когда напротив трибуны сидела девушка-ассистент с двумя карточками, одна из которых была желтой, другая — красной, как в футболе. Когда до конца выступления оставалось две минуты, выбрасывалась предупреждающая желтая карточка, когда же время заканчивалось, появлялась угрожающая красная карточка, и докладчик должен был стремительно сворачивать свои рассуждения. Кстати, мне удалось применить эту замечательную “семафорную” систему на конференции по экономической социологии в Москве полгода спустя, и сработала она прекрасно. Но, во-первых, столь эффективная схема сигнализации пока встречается редко. А во-вторых, любая схема внешнего контроля не отменяет необходимости самостоятельно контролировать время в ходе выступления.

Хочется дать простой совет — не стоит отдавать контроль времени в чужие руки. Потому что внезапное сообщение ведущего о том, что осталась одна минута, способно произвести обескураживающий эффект. И вместо того чтобы закончить выступление на высокой звенящей ноте, мы начнем торопиться, комкать и мямлить. У кого-то из нас хорошее чувство времени, у кого-то не очень. Но это и не важно. Чтобы избежать неожиданности, нужно ведь немного — всего лишь положить перед собой часы. При этом нет необходимости постоянно следить за часами, нужно только сделать себе на полях маленькую отметку — время, когда по регламенту положено закончить. И это поможет нам покинуть трибуну с высоко поднятой головой, не дожидаясь раздраженных ерзаний в зале и угрожающего шипения: “Ваше время истекло”. Отсюда правило.

Правило 58. Нужно заранее просчитать время выступления и самим его контролировать.

Нередки случаи, когда, получив вежливое уведомление о необходимости спешно завершать выступление, докладчик начинает канючить: “А можно еще одну минуту, а можно еще две...” А то

еще применит популистский российский приемчик — обращения к аудитории: “Давайте, дескать, спросим у коллег, не дадут ли мне еще времени, иначе придется оборвать все на самом интересном месте”. И, естественно, в аудитории всегда найдутся добрые люди, которые начнут “гудеть”: “Ну конечно, давайте дадим”. Нам кажется, что вести себя таким образом не вполне прилично. Профессионал не должен опускаться до примитивного шантажа, выпрашивая дополнительное время. Высший класс — говорить столько же, сколько другие, но суметь сказать больше.

Кроме того, мы поступаем некорректно по отношению к другим выступающим и к ведущему (как правило, уважаемому человеку). Мы что, считаем, что мы умнее и лучше других? Более того, своим поведением мы подставляем ведущего как человека, отвечающего за регламент. Ибо если он останется глух к намекам и уговорам и не предоставит дополнительное время, то мы выставляем его “зверюгой” и формалистом. А если все же ведущий пойдет нам навстречу и разрешит выйти за пределы регламента, он становится беззащитен перед другими выступающими. Все они также будут вправе потребовать дополнительных минут. И отказать им будет почти невозможно: как же так, кому-то отказал, а кому-то нет. Это значит, что мы безответственно разрушаем всю схему регламента и подводим организаторов.

Есть люди (особенно с высокими статусными позициями), которые считают, что они выше регламента и могут игнорировать робкие жалобы ведущего на дефицит времени. Это столь же неприлично, как и ссылки на свою неопытность.

Нередки дешевые спекуляции вроде: “К сожалению, из-за недостатка времени наиболее существенные результаты моей работы остались за кадром”. Все это оставляет слушателей глубоко неудовлетворенными, с подспудным ощущением того, что они зря потратили время, так и не узнав главного. А мы расписываемся в нашем собственном непрофессионализме. Ведь если мы не сумели сказать главного, то возникает вопрос: о чем же, простите, мы тогда говорили?

Многие докладчики ничего не выпрашивают у ведущего напрямую, пытаясь продлить мгновения нехитрыми спекулятивными приемами, объявляя, например: “Я уже заканчиваю” или “Мне нужно еще менее одной минуты”, а потом продолжают говорить, как ни в чем не бывало. Встречаются настоящие асы в этой области. Вспоминается, как одному из представителей старшего поколения (известному исследователю) удалось вчистую

переиграть меня (к тому времени уже достаточно опытного ведущего) с помощью виртуозной техники затягивания времени выступления. В условиях очень жесткого регламента он умудрился проговорить лишние 3—4 минуты, и я ничего не мог поделать, потому что каждая его фраза строилась как последняя и начиналась словами: “Моя заключительная мысль состоит в том, что...” или “А в завершение мы еще раз подчеркнем, что...” При этом интонационно эти фразы действительно подавались как завершающие. Просто за последней фразой следовала самая последняя, за ней — самая, самая последняя и т.д. Не все мы владеем столь виртуозными приемами, и пользоваться ими лучше с умеренностью. Кстати, на серьезном мероприятии, да еще если в качестве ведущего попадетя, скажем, американец, подобные ухищрения нам не помогут, нас просто “снимут” со сцены, и все. Поэтому не забудем о следующем правиле.

Правило 59. Не надо выпрашивать лишних минут и пытаться затягивать время выступления.

В то же время есть набор невинных хитростей, позволяющих продлить выступление, не нарушая правил. Например, известно, что время вопросов и ответов иногда регламентируется более гибко, чем время основного выступления. И нужно так завершить доклад, чтобы у людей появилось желание задать вопросы, причем именно те, которые позволят нам продолжить прерванный разговор. Сделать это не так сложно, ибо вежливая (и заинтересованная) аудитория часто с легкостью подхватывает игру, помогая нам достичь желанной цели.

Читать ли заранее заготовленный текст

Важный вопрос, связанный с формой презентации, — читать или не читать заранее заготовленный текст. Здесь в нашем распоряжении широкий спектр возможностей — от полной импровизации до дословного воспроизведения письменного материала. По поводу *импровизации* хочется напомнить известную поговорку: “Экспромт хорош, когда он тщательно подготовлен”. Иными словами, если уж мы собрались выступать перед приличными людьми,

то исходный текст лучше всего иметь. А поскольку у нас далеко не всегда есть в запасе полный текст выступления, то надо вооружиться хотя бы хорошо структурированным планом, и желательно развернутым планом. Он поможет нам и соблюсти смысловую рамку, и не выйти за границы регламента. А дальше импровизируем, сколько нашей душе угодно.

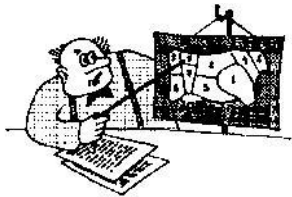
Что же касается дословного *зачтения текста*, я всегда считал это, мягко говоря, крайне нежелательным. Однако спустя некоторое время я не без удивления узнал, что подобное поведение не является чем-то предосудительным, и на вполне приличных конференциях докладчики, совершенно не смущаясь, делают это. Считается даже, что если у коллеги есть полный текст выступления, это свидетельство солидной подготовки. В том, что докладчик читает по бумаге, ничего страшного нет. А вот если мы беспрестанно импровизируем (и пусть даже неплохо получается), люди могут ненароком подумать, что мы попросту не удосужились потратить усилий на подготовку.

Узнав об этом, я перестал фыркать при появлении очередного “чтеца”, но мнения своего втайне не изменил. Потому что, если докладчик или лектор не отрывает головы от бумаги, аудитория непременно засыпает. Подобный исход гарантирован независимо от качества текста. Во-первых, слушателю немедленно приходит в голову спасительная мысль, что раз есть некий текст, то его можно будет спокойно прочитать на досуге, не напрягаясь в попытках разобраться в витиеватых построениях на слух. А во-вторых, докладчик теряет самое дорогое — живой контакт с аудиторией, в том числе визуальный (“глазной”) контакт, добровольно отказываясь от преимуществ устного выступления, от возможности эмоционального воздействия на людей.

Идеальный вариант подготовки выступления, на наш взгляд, выражается таким правилом.

Правило 60. Нужно иметь как можно более подробный текст выступления, но не читать его или по крайней мере делать вид, что не читаешь.

Можно воспроизводить содержание предельно близко к тексту, но переводить суждения в более живую, разговорную манеру и таким образом устанавливать контакт с присутствующими, которые следят отнюдь не только за ходом наших мыслей, но воспринимают человека в целом. Свободная форма изложения не только демонстрирует непринужденность нашего обращения с материалом, но и помогает удержать внимание слушателей.

Как использовать визуальный материал

Пределы восприятия устранить невозможно, но вполне под силу эти пределы существенно раздвинуть. Прежде всего мы можем начинать с материала, более или менее известного аудитории, который, по нашему мнению, люди радостно подхватят. Тем самым мы быстрее введем их в необходимый контекст.

Но главное, поскольку многие люди плохо воспринимают на слух, нужно использовать другие способы — дать им *увидеть* наш материал. Здесь мы можем предложить:

- * рисование на доске или плакатах;
- * демонстрацию слайдов;
- * раздачу материалов.

Еще с советских времен мы в большей степени привыкли к *рисованию на доске или плакатах*, что порождено в первую очередь нашей бедностью — длительным отсутствием проекторов, нормального доступа к копировальной технике. Конечно, доска имеет и свои преимущества. Когда мы дорисовываем формулу или схему прямо на глазах изумленной аудитории, то побуждаем слушателей следить за течением нашей мысли. (Впрочем, современное мультимедийное оборудование скоро лишит доску и этого преимущества.) Если же мы не замыслим никакой интриги, то все необходимое должно быть изображено на доске заранее, до начала нашего выступления, чтобы не терять ускользающих минут и не стоять спиной к аудитории (дело, понятно, не в правилах вежливости, а в неизбежной потере контакта).

А что, собственно, нужно демонстрировать, кроме таблиц и схем? Нужно писать фамилии исследователей, на которых мы ссылаемся, особенно если это иностранные фамилии с неочевидным спеллингом. Я никак не могу приучиться к этому простому правилу. И чувствую себя неправым.

Теперь об использовании *слайдов*. Наглядный материал в последнее время задействуется все чаще и чаще. И на многих мероприятиях к микрофону без слайдов уже выходить неудобно. На слайдах демонстрируются не только сложные схемы и таблицы. Многие высвечивают также концептуальный и смысловой материал — структуру выступления, основные аргументы и выводы. Поскольку аудитория одновременно слышит и видит наши выкладки, путь к эффективному восприятию укорачивается.

При этом, конечно, мы должны воздержаться от использования слишком замысловатых схем и сложных таблиц. Половина зала их не разглядит, а вторая половина до конца не разберется. И хотя наши комментарии подталкивают процесс понимания, визуальный ряд тоже должен быть прозрачен и дифференцирован. Основные пункты и цифры нужно выделять, чтобы они были видны даже человеку в последнем ряду.

С этой точки зрения графики и схемы зачастую оказываются эффективнее цифровых таблиц. В конце концов, отдельные цифры редко играют принципиальную роль. Куда важнее тенденция или конфигурация явления, которые демонстрируются графиками, диаграммами, гистограммами и прочими рисунками.

Заметим, что пока мы приучаемся к демонстрации слайдов при помощи обычных проекторов, они уже отходят во вчерашний день. На смену идут мультимедийные проекторы, позволяющие выводить на экран информацию прямо из нашего компьютера, что значительно расширяет демонстрационные возможности. Скоро (намного раньше, чем мы сегодня предполагаем) без подобной техники уже нельзя будет обойтись.

Возникают, конечно, и некоторые трудности. Если картинки меняются слишком быстро, то аудитория не поспевает за нами и у нее начинает рябить в глазах. Если картинки остаются подольше, когда мы уже перешли к другому сюжету, внимание аудитории рассеивается, люди продолжают срисовывать что-то с нашей схемы и упускают дальнейший ход мысли. Кроме того, часто мы не в состоянии обеспечить идеальную видимость по техническим причинам. Одни начинают вытягивать шеи, другие пересаживаться, третьим заведомо ничего не видно, они выпадают из активной коммуникации. С этой точки зрения есть еще один эффективный способ — использовать *раздаточный материал*.

Если аудитория не слишком велика и у нас есть возможность заранее размножить основные таблицы, схемы, принципиальные выводы, мы сможем сильно упростить свою задачу. Раздаточный материал имеет немало преимуществ. Во-первых, не нужно щуриться, тщетно пытаться разглядеть наши каракули на доске или мелкоцифровке таблиц на экране. Во-вторых, материал не надо перерисовывать, можно слушать и смотреть одновременно. В-третьих, на розданных листах можно делать пометки. В-четвертых, данный материал можно унести с собой (и люди это ценят).

Культура использования раздаточного материала у нас абсолютно не развита, что также объясняется нашей бедностью. Сейчас ситуация с доступом к оргтехнике улучшается. К тому же никто не

ожидает, что мы будем раздавать полный текст, его ведь можно выслать желающим по электронной почте. Речь идет о нескольких страничках содержательного или иллюстративного материала. Конечно, есть в использовании всякого рода визуальных материалов и негативная сторона. Возникает частичное рассеивание внимания, поскольку, наряду с докладчиком, появляется еще один источник информации. И может произойти расфокусировка, люди перестанут нас слушать и начнут разглядывать картинки. Поэтому нужно не переборщить, чтобы оформительская сторона не забивала содержательную сторону и не “затеняла” личность выступающего.

Как контролировать чистоту языка и жеста

Трудность любой презентации состоит в том, что нужно контролировать слишком много мелочей одновременно — следить за временем, за вниманием аудитории. Помимо этого, надо еще контролировать язык, на котором говорим, и жесты, которыми мы сопровождаем свое выступление.

О необходимости избавления от “птичьего”, эзотерического языка мы уже говорили. Теперь речь пойдет о более простой, но намного более неприятной вещи — о *словах-паразитах*. Даже среди людей с хорошим высшим образованием крайне редко приходится слышать речь, свободную от подобных слов. Эти слова прилипчивы, как банный лист, они влетают в ткань нашего языка и сопровождают нас долгие годы. Они хорошо заметны, и, кажется, избавиться от них не составляет труда. Однако, как настоящие сорняки, они появляются вновь и вновь после очередной прополки. Редкие из них сохраняются в речи на протяжении всей жизни. Но полностью они не исчезают никогда. Бывает, только нам удастся избавиться от одного надоевшего слова или словосочетания, глядь — появилось новое. И в любой период времени у каждого из нас есть два-три слова-паразита, которые мы вставляем к месту и не к месту. Это могут быть бессмысленные слова вроде “так сказать”, “вог” или “как бы”. Но могут быть и мнимые спецификации: “точнее”, “короче”, “вообще”, “типа” и многие другие. Словами-паразитами они становятся тогда, когда мы начинаем употреблять их слишком часто. Можно сформулировать такое правило.

Правило 61. Если мы в течение двух минут трижды употребили какое-то слово без терминологической нагрузки, перед нами слово-паразит, от которого надо безжалостно избавляться.

Слова-паразиты сопровождаются *паразитическими звуками*, которые заполняют пустоты между словами, убивая таинство благородной паузы. Чаще всего в речи встречается “э-э-э” разной длины. Длинное “э-э-э-э” слушать просто невыносимо, но это частая и довольно заразная болезнь. Я часто замечал ее и за собой (хотя мое “э-э”, к счастью, короткое). Когда я пытался брать этот звук под контроль, мне это без особого труда удавалось. Но стоило забыть о нем, как он мог появиться в любой неподходящий момент.

У некоторых коллег употребление таких слов и звуков перерастает в острое, а затем и в хроническое заболевание. У большинства дела обстоят менее драматичным образом (кстати, надежным лекарством служит преподавательский опыт). Но засорение языка подобно насморку: вроде ничего страшного, а отвязаться невозможно.

Впрочем, почему бы не попробовать лечение и от неотвязчивого насморка? Выявить присутствие паразитов несложно. Даже если мы их не замечаем, нам не нужно переспрашивать друзей и знакомых. Не требуется никакой сложной диагностики и консультативной помощи обученных специалистов. Достаточно записать свое выступление на диктофон, а потом прослушать первые двадцать минут. Все будет — как на ладони. Главная проблема не в том, чтобы обнаружить сорняк, и не в том, чтобы его выдернуть здесь и сейчас, а в том, чтобы окончательно от него избавиться. Как только мы начнем следить за чистотой языка, мы поймем, что это не так просто. Но вполне доступно.

Помимо чистоты языка приходится еще контролировать *чистоту жеста*. Здесь большинство из нас — полные дилетанты. Я, например, привык контролировать свою речь, но редко задумываюсь о характере применяемых жестов. Меня несколько успокаивает то, что в моем случае они достаточно скупы. Но я знаю за собой пару жестов, в которых нет ничего неприличного, но от которых я не могу избавиться много лет подряд.

Между тем аудитория обращает на них немалое внимание. Как-то по окончании выпускного вечера в университете одна из моих студенток, расхрабрившись, решила поддеть меня следующим образом. Она утверждала, что целый год следила за моими жестами в течение лекций и сделала на этой основе ряд принципиальных

выводов, которые фактически раскрывают мою сущность и выворачивают всю подноготную. Нельзя сказать, чтобы я был в полном шоке. Тем более, что заключения мне так и не были предъявлены (либо студентка блефовала, либо заключения были столь печальны — не знаю). Но сам факт, что люди делают какие-то там выводы на основе наших плохо контролируемых жестов, был для меня любопытен. Тем более, что, как известно, в психологии есть специальные методы, позволяющие посвященным строить на этот счет всякие теории.

Полностью избавиться от жестов — значит превратиться в истукана, в говорящую машину. Но неистово жестикулировать, размахивать руками как мельница на косогоре — тоже перебор. Любой (в пределах приличия) жест нормален, если он не повторяется, скажем, три раза в течение пары минут. В противном случае он превращается в еще один вид приставучего паразита.

Следя за чистотой речи, мы можем сознательно идти на некоторые нарушения, которые я называю “*перебивками*”. Они означают дозированные вкрапления нестандартных слов и жестов, применяемых с целью привлечь, концентрировать внимание аудитории или для того, чтобы “пробить глянец восприятия” (как говорил журналист А. Фадин). Они могут включать нестандартные слова и жесты.

Нестандартные слова (продукты словотворчества или разные виды сленга) могут выходить за рамки научной лексики или даже литературного канона, но желательно, чтобы лексика была нормативной. Использование ненормативной лексики (случайно или для завоевания дешевой популярности) — дело стыдное. И когда у меня изредка слетало с языка что-то близкое к ненормативной лексике, мне было неловко. Вдобавок, если мы вдруг допускаем себя к словотворчеству, не следует забывать об обычной грамотности.

Нестандартные жесты тоже допустимы, если не выходить за рамки приличия. Один из моих первых научных руководителей, глава крупной политико-экономической школы Н.А. Цаголов — прекрасный оратор — умел держать в напряжении большие аудитории. Помимо прочего, он неплохо владел и приемами нестандартного жеста. В свои 80 лет, имея весьма солидную внешность, он часто начинал стучать кулаком по кафедре, прятался за трибуной, затем медленно выползал из-за нее и т.п. Конечно, на одних жестах далеко не уедешь, но как вспомогательным средством ими не стоит пренебрегать.

Добавим, что все эти средства служат одной большой цели — удержать внимание аудитории.

Как контролировать внимание аудитории

Решение этой проблемы начинается с *установления первоначального контакта* с аудиторией. Если сразу после выхода к микрофону мы начинаем докладывать скороговоркой о своих результатах, глядя куда-нибудь в стену, слушатели присоединятся к нам умом и сердцем в лучшем случае где-то к середине выступления. Говорят, что в соответствии с английским академическим стилем принято непременно начинать выступление с какой-нибудь шутки. И это не глупая мысль. Ибо, во-первых, мы обозначаем, что пришел живой человек, и не исключено, что будет рассказано что-то интересное. А во-вторых, по не вполне понятным законам происходит более быстрое включение людей в работу. Слушатели просыпаются или быстрее переключаются с прошлого выступления, которое было посвящено, как правило, совершенно другим вещам. Начальные слова — это зеленая стартовая ракета, привлекающая внимание окружающих.

Как нужно говорить? В первую очередь надо *контролировать громкость*. Кричать во всю мочь в состоянии не каждый, да и жалко себя немного. Но принцип здесь несложен: нужно ориентироваться на самых дальних людей в аудитории — они должны находиться на пределе хорошей слышимости.

Далее, важно поддерживать *“глазной” контакт с аудиторией*. Хуже всего, когда докладчик вообще не смотрит на аудиторию, фокусируя взгляд на неодушевленных предметах, которые не отвлекают его(ее) внимание. Это заведомо проигрышная позиция и тяжелая привычка, избавиться от которой довольно сложно. Распространенным методом является нахождение в аудитории одной пары сочувственных глаз и обращение речи к одному человеку. Это более приемлемый метод и к тому же достаточно комфортный психологически. Но наилучший путь — следовать иному правилу.

Правило 62. В ходе всего выступления мы должны видеть всех и каждого.

Если, сидя на стуле, мы видеть всех не в состоянии, придется встать. Если и стоя цель не достигается, приходится слегка перемещаться по аудитории (не все это любят, и я, например, не люблю,

но что поделаешь). Зачем это нужно? В том числе затем, чтобы своевременно принимать меры против тех, кто мешает нам говорить, независимо от того, выступаем мы перед студентами, профессорами или заказчиками.

Кстати, решающее значение в этом отношении имеет не размер аудитории и не количество сидящих в ней людей, а ее конфигурация. В амфитеатре все проблемы решаются просто. Если аудитория раскинулась в ширину — тоже нестрашно, нужно только время от времени поглядывать по сторонам, чтобы не оставлять “мертвых” зон, не охваченных нашим вниманием. Наихудший вариант — когда аудитория довольно большая и вытянута в длину. Здесь нужны дополнительные усилия. Так, можно настоятельно попросить присутствующих пересесть поближе. Чтобы не пришлось кричать и чтобы всех видеть.

Теперь предположим, аудитория ведет себя вполне “прилично”, но мы видим, что один слушатель все-таки пытается завязать беседу с соседкой. Что предпринять? Притвориться, что ничего не замечаем, уповая на совесть нарушителя? Практика показывает, что сама по себе совесть пробуждается редко. Делать каждый раз строгие замечания, перебивая самого себя и отвлекая всю аудиторию из-за одного недисциплинированного слушателя? Тоже не хочется. Мы так славно и возвышенно говорили и вдруг — бац! — формальное замечание. Иногда без этого не обойтись, но частить с призывами к тишине все же нежелательно. Пугать шептунов страшными лицами? Все это заметят, но не все оценят. А потом представим себе, что разговором занялся какой-нибудь почтенный профессор или, того хуже, наш научный руководитель. Ему(ей) тоже прикажете делать замечания? Как же быть? На помощь приходит очередное правило.

Правило 63. В случае разговоров в аудитории во время нашего выступления нужно, по возможности не прерываясь, поставить в неудобное положение нарушителей тишины.

Есть несколько нехитрых средств, которые мы в состоянии применить, не потеряв лица и достоинства. Первое средство: не переставая говорить, не меняя тональности и выражения лица, начинаем пристально, не отрываясь, смотреть на источник шума. Ведь это не помешает нам продолжать свою мысль. Если человек увидит, что мы на него смотрим, и у него сохранились остатки

совести, то он скорее всего замолчит. Если наш тихий и незлобивый, но настойчивый взгляд не уловлен объектом нашего внимания, его перехватит сосед(ка) и подтолкнет говорящего локтем. Если и при этом совесть производителя шумов не проснется, или он уже завелся и не может остановиться (встречается и такая болезнь), приходится прервать свою речь. Но не надо делать замечаний. Вместо этого исключительно вежливо поинтересуемся, не возник ли у человека по ходу наших рассуждений какой-то неразрешимый вопрос. Не говорим ли мы слишком быстро или, может, недостаточно внятно, и не нужны ли ему (ей) какие-то дополнительные разъяснения? Тем самым мы переводим его(ее) из разряда нарушителей, демонстрирующих отсутствие интереса, в разряд непонятливых, которым необходимы подпорки. Как правило, слушатель быстро сообразит и откажется от подобной “услуги”. Если же приступ болтовни никак не отпускает, то тогда придется ввести в бой резервы — бить на жалость, сославшись на хронические горловые болезни и физическую невозможность говорить параллельно с кем-то еще. Если и это крайнее средство в борьбе с отдельным нарушителем не поможет, значит, среди присутствующих — лишний и случайный человек. Придется терпеть, но впредь позаботиться, чтобы он не оказался в этой аудитории в следующий раз.

До сих пор речь шла о более простом варианте, когда источник шума идентифицирован, а говорящий один. Сложнее становится, когда шум порождается несколькими источниками в разных концах аудитории, что вполне может быть вызвано обыкновенной усталостью слушателей. Если ничего не предпринимать, то гул постепенно нарастает и грозит перекрыть наши акустические мощности. Первая, инстинктивная реакция говорящего — усилить звук. Мы начинаем невольно форсировать голос, стремясь перекричать чужие голоса, подавить возникший шум. И в этом соревновании с аудиторией нас ожидает неизбежный проигрыш — кроме натруженного горла, никакого другого результата не достигается. Шуршащие и шепчущиеся множатся, гул нарастает, загоняя нас в тупик. Поэтому нужно действовать наперекор инстинкту — не повышать, а понижать голос, причем понижать его пропорционально нарастающему гулу. В тот момент, когда присутствующие перестанут слышать нашу речь, они заметят перемену ситуации, и на некоторых это подействует. Кому-то станет неудобно, а кто-то заинтересованный все же захочет дослушать до конца и поможет нам навести элементарный порядок в своих рядах. Без лояльности самой аудитории здесь не обойтись.

А если не помогает? Плюнуть на все и говорить, как говоришь, чтобы слышали только энтузиасты, сбившиеся на первых рядах? Можно применить более сильное средство — длинную паузу вплоть до полной остановки. Мы просто перестаем говорить и стоим молча. Мы теряем время, но не теряем внимания людей. Это выглядит, конечно, нагло, но вполне уместно. Люди вынуждены будут замолчать, неважно, идет ли речь о студентах-первокурсниках или членах Ученого совета. Если это выступление на конференции или семинаре, то подобная остановка автоматически понуждает председательствующего (доселе пребывавшего в бездействии и праздности) вспомнить о своих обязанностях. Мы без слов говорим ему(ей): “Дорогой ведущий, Вы посажены сюда, чтобы следить за порядком, а мне мешают говорить”. И никакой вздорности и потери лица с нашей стороны.

Если же положиться не на кого, длинная пауза все равно сработает и многие замолчат, а оставшихся болтунов придется “добивать” поодиночке.

Матерые ораторы владеют множеством способов контролировать внимание (помимо содержательной стороны выступления, без которой все эти игры теряют всякий смысл). Среди наиболее тривиальных инструментов мы обнаруживаем *варьирование громкостью* выступления. Даже если мы говорим громко, внятно и артикулировано, но на одной ноте, как пономарь, то люди начинают потихоньку подремывать. Поэтому нужно играть громкостью звучания. Особенно, если мы хотим сказать что-то важное. В этот момент можно повысить или понизить голос — результат в принципе один и тот же. Тонкая вариативность действеннее прямолинейной силы.

Играть надо не только громкостью, но и интонацией, и способом подачи высказываний. Например, самый распространенный способ подачи собственных мыслей — говорить так, как будто мы — такие умные — постигли объективную истину и сейчас ее откроем на глазах изумленной публики. Мы не просто говорим, но “продавливаем” свою позицию, придавая своему голосу чрезвычайную убедительность, находим всяческие средства для объективации высказываний. Я прекрасно знаю, что сам частенько грешу такой манерой выступления. Само по себе — это не плохо и не хорошо. Плохо, когда все и всегда подается в одинаковой манере, даже если она отработана до мелочей. В этом отношении отнюдь не вредно, например, после свода самых безапелляционных по форме утверждений внезапно засомневаться (или сделать вид, что засомневался),

поставить какой-нибудь затруднительный для себя вопрос и не найти на него ответа, обратиться за помощью к аудитории (даже если мы не намерены дожидаться ответа).

Можно прибегнуть к помощи *вариативного жеста*. Например, встать (это заметят даже самые невнимательные), по-ленински указать направление в непонятную даль, хлопнуть по столу рукой или, подойдя к случайно выбранному человеку, внезапно обратиться к нему лично. Все эти “хитрости” способны, пусть ненадолго, но встряхнуть аудиторию. Главное — не злоупотреблять внешними эффектами и не превращать выступление в клоунаду.

Правило 64. Главный способ контролировать внимание аудитории (кроме содержания выступления) — варьирование формами подачи материала.

Кстати, а как все-таки лучше выступать — сидя или стоя? Многие предпочитают стоять и даже утверждают, что иначе говорить не могут. Я, например, предпочитаю сидеть (при условии, что хорошо вижу аудиторию), но преимущества “стоячей” позиции хорошо понимаю. Когда мы встаем, то возникает дополнительный эффект воздействия на аудиторию. “Говорение сверху”, “нависание” над аудиторией порождает добавочный элемент субординации и дает возможность своеобразного давления на слушателей. Поэтому, если нам важно произвести усиленный эффект или “продавить” какую-то небесспорную мысль, то лучше выступать стоя. Если же мы достаточно уверены в себе и не боимся потерять контроля над аудиторией, то можно и не вставать со стула.

Стоит ли развлекать аудиторию

Я уже упоминал о существовании искусства “*перебивок*”, которые призваны переключать внимание аудитории или попросту позволяют ей немного расслабиться, чтобы потом с новой силой накинуться на предлагаемый материал. С этой целью приводятся всякие примеры или рассказываются подходящие к случаю истории. В свое время на экономическом факультете Московского государственного

университета профессор Э. Крылатых, преподававшая редкий по занудливости предмет — планирование народного хозяйства, в середине каждой лекции прерывалась и рассказывала студентам какой-нибудь анекдот, причем довольно-таки фривольный (на грани фола, но эту грань не переходя). Делалось это намеренно, чтобы слушатели немного передохнули. Студенты уже об этом знали и каждый раз ожидали следующего анекдота. Отчасти поддерживая это начинание, я тем не менее не считаю, что был избран идеальный вариант. Поскольку анекдоты не были даже отдаленно связаны с содержанием лекции, то все это выглядело как милый, но несколько искусственный лекторский прием. А подлинное искусство заключается, видимо, в том, чтобы наши задумки не воспринимались как технические приемы, а были вплетены в ткань общего разговора и помогали цепляться за мысль. Поэтому, понимая всю важность “перебивок”, я предпочитаю вместо анекдотов — выдуманных историй, не имеющих прямого отношения к делу, рассказывать “байки”, т.е. реальные истории из жизни, которые иллюстрируют нашу мысль и позволяют нам донести ее до слушателей в более свободном, вневещном виде. А заодно снять лишнее напряжение.

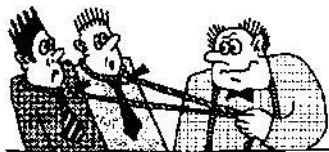
Привлечь внимание аудитории сегодня — дело отнюдь не легкое. Слушать других людей всегда считалось трудным занятием. А нынешний слушатель пресыщен разного рода информацией и не заводится с полоборота. Поэтому, конечно, нужны особые усилия по стимулированию интереса присутствующих. Но желательно и в этом благородном деле соблюсти чувство меры.

Правило 65. Выступление не должно превращаться в развлекательное шоу.

А подобная тенденция в последние годы улавливается. Мне вспоминается конкретный случай, когда на научной конференции в одном из университетов Вашингтона выступающий — очень опытный журналист — в течение получаса (при регламенте 20 минут) воздействовал на аудиторию с помощью видеороликов, снятых им в Москве. Видео сопровождалось современной музыкой, и, например, М.С. Горбачев двигался в такт рэповских скороговорок. Все было очень живо, и присутствующие, включая меня, замечательно отдохнули. Но когда выступление закончилось, возник вопрос: а что, собственно, автор хотел всем этим сказать?

Примеры подобных выступлений стали встречаться все чаще, тем более что технические возможности расширяются. Скоро каждое произнесенное слово будет сопровождаться цветными картинками, люди начнут (уже начали) соревноваться в количестве презентационных “наворотов”. С идейной стороны эта тенденция подкрепляется постмодернистскими установками на принципиальное отсутствие глубины, смыкание экспертного и обыденного знания, изящное скольжение по поверхности слабо совместимых стилей мышления.

Соблазн выглядеть модным и красивым велик. Но оступиться на этом пути довольно легко. Дело в том, что профессионалы, как правило, очень доброжелательны в аудитории и безжалостны в кулуарах. Это следует иметь в виду, чтобы излишне не обольщаться. Удержать внимание аудитории на протяжении всего выступления, несомненно, важно, но этим задача не исчерпывается. Внимание должно быть сохранено хотя бы на какое-то время после выступления, слушатели должны что-то вынести из аудитории кроме воспоминаний о приятно проведенном времени.

Как взаимодействовать с аудиторией

Другой важный вопрос — как взаимодействовать со слушателями в ходе выступления? Многое зависит от *степени интерактивности* этого выступления. Здесь в нашем распоряжении широкий спектр возможностей — от бескомпромиссного монолога до коллективного обсуждения предложенных нами вопросов. И пригодного на все случаи жизни варианта, конечно, нет. Каждый решает эту задачу, исходя из постановки проблемы и желания что-то проговорить со своими коллегами или студентами. Если наша цель не в том, чтобы докладывать готовый материал, а в том, чтобы развязать активную дискуссию и втянуть присутствующих в обсуждение какой-то темы, можно изобразить короткое квазивыступление (дать вводную), а затем, позволив перебить себя вопросами, дать людям высказаться, мягко корректируя обсуждение и возвращая его к избранному предмету. Но в любом случае мы все-таки должны задать некую содержательную рамку, чтобы обсуждение не превратилось в сотрясение воздуха.

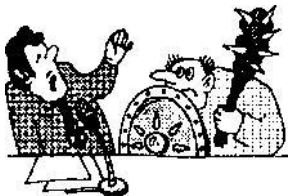
Важная часть проблемы — как поступать с *вопросами*, возникающими по ходу нашего выступления. Сразу отвечать, откладывая на потом, не отвечать вовсе? Одни выступающие предлагают прерывать их в любом месте, хоть бы и на середине высказывания. Другие предлагают относить все вопросы в конец. Мне кажется, что вопросы лучше дифференцировать. На короткие уточняющие вопросы лучше отвечать сразу, а большие содержательные вопросы — “подвешивать” и возвращаться к ним, когда мы сочтем это целесообразным.

Многие считают, что обязаны отвечать на все заданные вопросы. Между тем это вовсе не обязательно. Нужно, конечно, соблюдать правила элементарной вежливости, но отбор вопросов — нерушимое право выступающего. И если мы не знаем ответа или не готовы отвечать сходу, разумнее сразу в этом признаться, чтобы не оказаться в глупой ситуации. Если вопрос нелеп или совершенно не относится к теме, его лучше проигнорировать, закрывшись вежливо-ритуальными фразами типа: “Это очень сложный вопрос, мне надо подумать, сейчас Вам ответить не готов” (хотя думать над этим вопросом мы и не собираемся). Если же вопрос касается технических деталей, на которые не хочется тратить аудиторное время, можно предложить перенести его обсуждение в кулуары. Важно не дать вопрошающему сбить нас с толку, увести в сторону с выбранного пути. При любых формах интерактивности выступающий должен оставаться хозяином положения.

Если вопросы задаются после окончания выступления, то у нас есть два варианта. Можно отвечать на каждый вопрос немедленно или на все сразу. Если мы хотим более живого, диалогового режима, то выбираем способ немедленных ответов. Что же касается “коллекционирования” вопросов, то этот способ более формален, но достаточно выигрышен для докладчика. Ибо есть время перегруппировать вопросы, выстроив их в удобную для нас логическую цепочку. Мы получаем хотя бы минимальное время для раздумий, а можем также “по забывчивости” опустить какой-нибудь несуразный вопрос. К тому же этот способ более экономичен по времени и не позволяет превращать конец выступления в мучительные диалоги, когда наш ответ порождает следующий вопрос, за ним следующий и так далее, уводя в долгую бесконечность.

Правило 66. Выступающий не обязан отвечать на все заданные вопросы, тем более делать это немедленно после постановки вопроса.

Добавим, что нашу позицию по поводу порядка вопросов и ответов желательно объявить заранее перед началом выступления (если это не предусмотрено общим регламентом).

Как задавать вопросы и оппонировать докладчику

В заключение данной главы разберем случай, когда мы должны реагировать публично на чье-то выступление или представленную работу. Наше дело — задать грамотные вопросы или выступить в качестве оппонента (дискуссанта).

Начнем с несколько неожиданной для многих постановки — а стоит ли вообще задавать вопросы докладчику? Как же так, спросите Вы, разве можно обойтись без вопросов? Мое мнение изложено в следующем правиле.

Правило 67. Девяносто процентов вопросов, задаваемых профессиональной аудиторией, никакими вопросами не являются.

Основная масса псевдовопросов делится на три категории:

- * вопросы-суждения;
- * вопросы-критика;
- * вопросы-просьбы.

Значительную часть так называемых вопросов представляют плохо завуалированные суждения о том, что думает по поводу сказанного автор “вопроса”. В радикальной (но часто встречающейся) форме *вопросы-суждения* выглядят следующим образом: человек излагает свою позицию, а потом “спрашивает”, что докладчик по этому поводу думает. Но, конечно, многие научились маскироваться более искусно и “упаковывают” свое мнение в риторические высказывания с вопросительной интонацией.

Другой вариант — не излагать своего мнения, а задать псевдовопрос, из которого присутствующим станет ясно, что докладчик говорит полную чушь, а где-то рядом таится “подлинное решение” проблемы. Это *вопрос-критика*. Чаще всего это означает, что “вопрошающий” готовится высказать свою позицию в последующем обсуждении, и псевдовопрос является разведкой боем, своего рода артподготовкой.

Вопрос-просьба относится не к тому, что уже сказано, а к тому, что осталось за рамками выступления. Собственно, это тоже не вопрос, а предложение рассказать еще что-то по заявленному предмету.

Что касается действительных вопросов, то они все же встречаются и тоже делятся на три категории:

- * вопросы на уточнение;
- * контрольные вопросы;
- * вопросы на проблематизацию.

Вопрос на уточнение возникает, когда мы чего-то не поняли и просим дополнительных разъяснений. *Контрольный вопрос* связан с проверкой знаний и навыков выступающего. Например, мы выступаем в роли экзаменатора или научного руководителя и хотим посмотреть, как докладчик “выкрутится” из возникшей сложной ситуации.

Единственной формой Вопроса с большой буквы служит *вопрос на проблематизацию*. Он призван стимулировать рефлексию по поводу позиции докладчика, вскрывает в ней какие-то противоречия или делает попытку вывести говорящего в иную методологическую плоскость. Именно такие вопросы и задаются реже всего. Ибо для того, чтобы их сформулировать, нужны не только навыки рефлексивного мышления, но и ясное понимание позиции докладчика, видение разных контекстуальных рамок, в которые эта позиция может оформляться. В известном смысле, нужно разбираться в ситуации, как минимум, не хуже самого докладчика. Иметь в аудитории хотя бы пару человек, способных задать проблематизирующий вопрос, — большая удача для выступающего.

Я бы сформулировал важное правило (с ним, видимо, многие не согласятся).

Правило 68. не нужно тратить время на вопросы. Лучше сразу переводить их в форму утверждения.

Не стоит мучить себя и других, а также тратить дефицитное время на ритуальные игры. За этим стоит и более важный пункт: а надо ли вообще выступать в обсуждении? Я утверждаю, что четыре из пяти вопросов и комментариев — не более чем “выпендрей”, главная цель которого — показать свою осведомленность. Намекнуть, что все сказанное докладчиком нам якобы уже известно плюс мы знаем еще и многое другое. Что ж, и такие вещи приходится делать (разве автор данных строк это отрицает?). Это часть нашего профессионального

позиционирования — “светиться” здесь и там, постоянно напоминать окружающим, какие мы умные. Но по крайней мере не будем обманывать самих себя, подумаем перед тем, как открыть рот, — с какой целью мы собираемся задать свой “вопрос”? Если мы просто хотим высказаться или покрасоваться, то пожалуйста, пусть так и будет. Но не лучше ли попытаться продвинуть свое понимание проблемы или повернуть обсуждение в интересную для нас сторону? В этом случае нужно отойти от дежурных вопросов и комментариев, чтобы подойти к делу более тщательно. А промолчать лишний раз и вовсе не вредно.

Как выступать в качестве оппонента

Теперь предположим, что докладывает кто-то другой, а мы собираемся выступить в качестве *оппонента*. Не формального оппонента, который гладит выступающего по головке и восторгается его(ее) немислимыми свершениями, а человека, который хочет что-то сказать по существу, т.е. сделать критические замечания. Как построить свое выступление?

У многих выступающих на обсуждении появляется манера сразу начинать с оценочных критических суждений, подразумевающих, что все сказанное выше никуда не годится. Вообще распространена дурацкая и прилипчивая привычка сразу вступать в спор, даже если мы со всем согласны. Не случайно ответные фразы в диалогах чаще всего начинаются со слова “нет”, а затем выясняется, что оппонент говорит буквально то же самое. Последим за окружающими (а начнем с себя), чтобы убедиться — подобная манера встречается сплошь и рядом.

Еще одна из наших манер — желание оставить последнее слово за собой даже в тех случаях, когда это не играет особой роли. Сказать словами героя из знаменитого монолога А.И. Райкина (цитируем не дословно, но близко к тексту): “Я вас всех слушал долго, упорно и внимательно, и, наконец, говорю: ну и дураки же вы все!” И гордо сесть на место.

Мы можем льстить своему самолюбию и потворствовать своим привычкам, сколько заблагорассудится. Но не следует упускать из виду маленькую деталь: в тот момент, когда мы произносим в присущей нам безапелляционной манере, что все сказанное

никуда не годится, наш оппонент сразу же “глохнет”, как от удара в челюсть. То есть он(а) совершенно перестает нас слышать и начинает все свои ответные фразы с агрессивного “нет”. И любые наши аргументы перестают работать, а весь спор стремительно обретает черты творческой дискуссии в стиле “сам дурак”. Причем, что любопытно, чаще всего спорщики разными словами говорят об одном и том же. Что делать, так построена основная часть наших дебатов. Я бы призвал следовать такому правилу.

Правило 69. В любых дебатах нельзя начинать рассуждения со слова “нет”.

Для тех, кто еще не отказался от борьбы за преодоление вредных привычек, я напомним *каноническую схему выступления оппонента*. Она годится для любой дискуссии. Каждое выступление должно состоять из трех обязательных частей. В *первой части* выделяется все позитивное, что только можно вытянуть из сделанного доклада. Здесь нужно подчеркнуть все пункты нашего согласия с автором, отметить значимость проделанной работы. И чем больше критических аргументов нами приготовлено, тем более убедительной должна быть первая часть.

Вторая часть — собственно содержательная. Ради нее мы вообще и выступаем. В нее входит критический анализ результатов, который может доходить до заключительного суждения о том, что ничего достигнуто и не было. А то, что сделано, нужно выбросить в корзину для бумаг или заново переделать.

Но за этим критическим разбором непременно следует *третья, заключительная часть*, которая в основе своей является кратким воспроизведением первой части, ее повторением — по существу и по тональности.

Для чего все это нужно? Первая часть нужна, чтобы втянуть докладчика в разговор, заставить себя слушать, не дать “оглохнуть” на первой же фразе и лишить возможности резкого ответа. Последняя же часть нужна для того, чтобы сгладить впечатление, выйти из сложной ситуации и помочь докладчику не потерять своего лица. Вдобавок после убаюкивающей мирной концовки ему(ей) будет сложнее броситься на нас в искреннем стремлении подавить источник неприятных звуков. Если же нет второй части, то это не оппонирование.

Добавлю, что предложенная универсальная схема только кажется простой, она требует специальной тренировки. При ее отработке люди часто “срываются”, и вновь под сводами разносится гулкое “нет, но...”

Мы прекрасно понимаем, что стиль нашего выступления определяется не только правилами и канонами. Он предполагает наличие/отсутствие оригинальности мышления, а также чувства меры, которое не позволяет оригинальности перерасти в оригинальничание. Но эти вещи выходят за рамки “простых”, и научить им, видимо, нельзя. По крайней мере автор перед собой столь непосильной задачи не ставит.

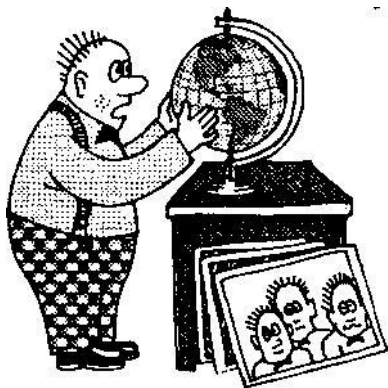
?

?

?

Напоследок вновь приводим вопросы-напоминания, которые в данном случае стоит задать себе при подготовке выступления.

- * Удалось ли нам при подготовке выступления отобрать главное, не перегружено ли наше выступление излишними подробностями?
- * Не забудем ли мы описать исходные параметры проекта, сослаться на коллег и спонсоров?
- * Укладываемся ли мы в регламент выступления, есть ли у нас какие-то резервы времени?
- * Есть ли в нашем распоряжении текст выступления и сможем ли мы его воспроизвести, не обращаясь к бумаге?
- * Подготовлен ли нами достаточно полный и красочный визуальный и раздаточный материал?
- * Как мы собираемся устанавливать первоначальный контакт с аудиторией?
- * Сможем ли мы видеть всех присутствующих в аудитории в ходе выступления и смогут ли они нас слышать?
- * Какие специфические приемы привлечения и удержания внимания аудитории мы собираемся использовать?
- * Какие паразитические слова, звуки и жесты нам придется контролировать в ходе своего выступления?
- * В какой степени мы допускаем элементы интерактивности в процессе выступления?
- * Планируем ли мы задавать вопросы другим выступающим и в чем заключается цель этих вопросов?
- * Способны ли мы, если понадобится, соблюсти каноническую схему выступления оппонента?

Глава 7

ПРАВИЛА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАПАДНЫХ МОДЕЛЕЙ В СОЦИАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ*

Очередное пришествие западников и славянофилов? — Откуда берутся доморощенные теории. — Почему в России нет своих теорий. — Как использовать западные концепции. — Возможно ли возникновение российской социальной теории.

Завершая свой разговор о простых вещах, мы хотели бы выйти за рамки обсуждения процедур и затронуть вопросы содержательного толка, которые не могут не беспокоить всякого заинтересованного исследователя, независимо от его идейных пристрастий и специальных профессиональных областей. Эти вопросы можно сформулировать так: из какого материала изготавливается наш исследовательский инструмент? Должны ли мы импортировать концептуальные продукты, или лучше делать их собственными силами при помощи подручных средств? Существует ли такая вещь, как “российская теория”? И нужна ли она вообще? Ясно, что эти вопросы — отнюдь не технического или процедурного свойства. Они также не решаются чисто логическим путем. Речь идет ни больше ни меньше как о профессиональном самоопределении и исследовательском кредо. И поэтому “правила” в данной главе будут несколько иного рода.

* Первоначальный вариант текста опубликован: Радаев В. Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках? // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 3. С. 202-214.

Очередное пришествие западников и славянофилов?

История первая — о двух течениях. Некоторое время назад ко мне на рецензирование поступила хорошая диссертационная работа. Помимо прочего, меня заинтересовала одна мысль, принципиально важная для позиции диссертанта. Автор утверждал, что в социальных науках в современной России сформировались два основных течения. Первое течение — западническое, которое оперирует иноземными концепциями, безразличными к российским насущным проблемам. Второе же течение — “эмпирическое” — берет начало из собственной российской почвы (или “окружающей действительности”) и производит исследовательский аппарат, прямо рассчитанный на российские нужды. Далее шел прозрачный намек на то, что именно российское “эмпирическое” течение в конце концов и должно одержать верх над “чуждыми нашему духу заимствованиями”. Разумеется, именно к этому течению и относил себя автор диссертации.

Итак, в который раз нас пытаются втянуть в ставшую доброй традицией борьбу между “западниками”, которые начитались всяких “потусторонних” книжек, и “почвенниками”, которые черпают свои теории прямо из “реальности”¹. Вновь нас ставят перед привычной альтернативой — российская или западная теория? С этим вопросом в нашей профессиональной деятельности, явно или неявно, мы сталкиваемся постоянно. “С кем вы, работники науки?” В ответ слышишь одни и те же рассуждения о том, что, дескать, “эти теории — западные, они не адаптированы к российской реальности”, что у нас в России все по-другому, нежели в “развитых странах Запада”. А у менее притязательных исследователей эти

¹ Подобная точка зрения имеет широкое хождение и в печати. См., например: Бессонова О.Э., Шабанова М.А. Новосибирская экономико-социологическая школа // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 85—86. Рассуждения о противостоянии “парадигмы освоения западной мысли” и “парадигмы осмысления российских процессов” см. также: Пантин В. Сможет ли российская наука понять, что происходит в России? // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 2. С. 138—148.

высказывания принимают более агрессивно-наивную форму: “Мы, дескать, в западных теориях не сильны. Мы — эмпирики, изучаем российскую действительность как она есть”. Слушать подобные рассуждения, откровенно говоря, надоело. Но отмахнуться от вопроса нельзя — слишком многие считают ответ очевидным.

Вариант неочевидного ответа предлагается А.Ф. Филипповым, профессионально занимающимся проблемами социологической теории. Он утверждает, что никакой российской теории в настоящее время нет и, более того, нет даже никаких претензий на создание собственного большого теоретического проекта². С первой частью утверждения (об отсутствии российской теории), как ни обидно, мы вполне можем согласиться. А вот с его второй частью согласиться никак нельзя. Уж чего-чего, а претензий на формирование крупных теоретических проектов у нас хоть отбавляй. Нас хлебом не корми, только дай соорудить какую-нибудь оригинальную конструкцию, причем непременно вселенского или, как минимум, общероссийского масштаба.

История вторая — об уездной политической экономии. Недавно мне позвонил незнакомый человек, который представился проректором университета одного из областных центров Российской Федерации. Это сравнительно небольшой город, в котором проживает несколько сотен тысяч человек. Приводить его название мы не будем, поскольку речь пойдет о достаточно типичном явлении. Назовем его уездным городом N. Итак, этот совершенно незнакомый человек из города N сообщил мне, что ему и его коллегам пришлось по сердцу какие-то из моих работ и они очень просят, чтобы я выступил в качестве официального оппонента на защите диссертации одного из их молодых преподавателей. Я, естественно, попросил показать автореферат.

Из присланной работы я узнал, что, оказывается, в уездном городе N создана “новая политическая экономия”. Все обстоит самым серьезным образом. У направления есть свои местные классики. В автореферате содержатся ссылки на их канонизированные работы, изданные в том же городе N. У классиков, видимо, есть свои ученики, которые продвигают “учение” в неокрепшие умы молодых студентов. Создана своя терминология, малопонятная для окружающих и наполовину состоящая из неверно понятых

² См.: Филиппов А. Ф. Теоретическая социология // Теория общества: Фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф. Филиппова. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 8.

западных терминов. Регулярно проходят региональные конференции, которые развивают эту новую политическую экономию. Излагать ее суть я не возьмусь и не припомню, чтобы мне попадались на глаза какие-то публикации данного направления. Но сам факт показался довольно значимым.

Мне кажется, что в последние годы полным ходом шел процесс нарастающего *регионализма* — замыкания в профессиональных микросообществах и создания своих собственных доморощенных теорий. Причем, чем сильнее университет, чем выше его претензии на доминирование в регионе, тем заметнее проявляется тенденция к замыканию. Можно было бы по наивности предположить, что наши люди отрезаны от мировой научной мысли бескрайними российскими просторами и не имеют к ней доступа. Но, как минимум, с внешней точки зрения это далеко от действительности. Специалисты из региональных центров активно стажировались за границей, ведут проекты с западными партнерами, ссылаются на западных авторов. Но по-прежнему используемые западные концепции часто существуют автономно от работы с конкретным материалом³. Добавим, что это характерно не только для провинции, но и для Москвы.

В чем же дело? Во-первых, причина таится не в содержании западных теорий, а в нашей неспособности с ними работать. Академическое сообщество проходит стадию первичного ознакомления с этими теориями, и пока они, естественно, выглядят как “потусторонние” явления. Далее мы должны перейти к стадии освоения, т.е. научиться использовать их в конкретной эмпирической работе. В конечном счете именно для целей эмпирического исследования наших собственных российских реалий все и предпринимается. А во-вторых, представляется, что независимо от интенсивности ознакомления с западными теориями и контактов с западными коллегами работает своеобразный *синдром отторжения*, который перемалывает полученную информацию в муку локальных эклектичных построений. Как объяснить этот синдром?

В ходе постсоциалистических реформ мы потеряли не только советский строй, но и некое целостное видение мира, возможность разрешать ключевые вопросы, используя единую схему. Мировоззрение советского человека было построено на идеологемах ортодоксального марксизма, что приучило нас к интегральному восприятию действительности. А в такой дисциплине, как, например,

³ Это справедливо отмечено А. Богатуровым (*Богатуров А. Десять лет парадигмы освоения // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 197*).

социология, многие направления тяготеют к подобному восприятию. Поэтому сегодняшний синдром, помимо обычных региональных амбиций и комплекса противостояния столицам, во многом объясняется устойчивой потребностью в восстановлении разрушенной целостности. Москва, конечно, тоже не избежала этого синдрома.

Отсюда возникают то затухающие, то вновь поднимающиеся стенания о том, что мы должны понять общество, в котором мы живем, и обязаны предложить модель общественного устройства, к которому мы движемся (или хотим двигаться). Между тем новая целостная картина общества все никак не складывается. Во-первых, собственных красок не хватает, а знания из нахватанного бессистемным образом западного опыта пока довольно фрагментарны и в единую картину не ложатся. Ибо ворота на Запад распахнулись в одночасье, очень резко повысив интенсивность информационного потока. А во-вторых, внутри профессионального сообщества не создана соответствующая коммуникация, позволяющая вырабатывать конвенции по поводу тех или иных теоретических постулатов. Каждый прочитал с полдюжины каких-то западных книг, а обменяться мнениями, тем более договориться о чем-то еще “не успели”.

В итоге возникают периодические попытки создать нечто “свое”, причем копаться в мелочах людям не хочется, им надобно охватить все и сразу, построить глобальную схему. Так возникают замороженные теории.

Откуда берутся доморощенные теории

История третья — о планетарной теории. Несколько лет назад ко мне обратилась малознакомая женщина-экономист, работник Российской академии наук, обладательница ученой степени кандидата наук с просьбой посмотреть ее новый текст. Отказываться не было никаких причин, хотя и возникло недоброе предчувствие. Предчувствие только окрепло, когда при торжественной передаче текста прозвучала следующая фраза: “Я вот тут разработала новую планетарную теорию” (на всякий случай, подчеркну, что слово “планетарная” мною не выдуманно, именно так и было сказано). Вскоре рукопись нашла свое место в корзине для бумаг, а при встрече я вел себя максимально корректно и в то же время уклончиво, как доктор с пациентом, которому он не хочет открывать диагноз.

Еще в советское время на порогах научных учреждений постоянно появлялись разного рода маргиналы, предлагая многотомные труды про все на свете и размахивая проектами очередных вечных двигателей. Они заваливали ЦК КПСС своими письмами, которые исправно переправлялись в научные учреждения и брались на контроль. Это называлось “работать с письмами трудящихся” и приравнивалось к общественной нагрузке (вроде выходов на субботники). Но указанная женщина не принадлежала к группе маргиналов. Она была обычным рядовым сотрудником академии с приличным стажем работы. И в стремлении к созданию собственных теорий, разрешающих разом все основные вопросы, она была, увы, не одинока. Идеей написания социалистического “Капитала” бредили поколения советских исследователей.

Так откуда же берется это неудержимое стремление к созданию доморощенных теорий? Самый простой вариант объяснения — они порождаются элементарным невежеством. Люди не знают, что сделано в их исследовательской области (не только в других странах, но и в России). Поэтому велосипед изобретается снова, выдумываются новые слова, разрабатываются оригинальные логические ходы по поводу того, что уже систематически описано другими специалистами. Но все не так просто. Кроме банального незнания есть еще не до конца убитое чувство национальной гордости, потребность в восстановлении утраченного национального статуса. Предполагается, что Великая Россия должна иметь свою теорию. И Запад нам не указ. Некогда всесильное учение марксизма в этом качестве мы потеряли (топча его всей толпой с упоением и залихватскими выкриками), теперь возникла потребность в заполнении пустоты. Началось теоретическое творчество.

Какими путями создаются доморощенные теории? Есть несколько техник, на которых мы остановимся чуть подробнее. Первая техника состоит в том, чтобы выдумать какое-нибудь новое, сугубо “оригинальное” понятие. Здесь можно использовать “западнический” и “славянофильский” приемы. “Западнический” прием более популярен. Берется какое-то английское или французское понятие и делается либо калька с него, либо просто его транскрипция или транслитерация. Получаем “новое” теоретическое направление. Так можно придумать социологию эксклюзии, социологию эмерджентности или социологию сингулярности — слов в профессиональном лексиконе предостаточно. Этот прием весьма эффективен, ибо он дешев и сердит. Выглядит название “теории” очень “научно”. Новое слово обращает на себя внимание безотносительно

к содержанию концепции и, подобно другим калькам, успешно переключивается в русский язык, продолжая его стремительное засорение. И вопрос о “новизне” решается сам собой — не нужно долгих разъяснений, ибо я — автор теории X⁴.

Поскольку подлинная национальная гордость не позволяет ограничиваться кальками западных терминов, вырабатываются также и “почвенные” варианты, призывающие поднимать статус слов со старославянскими корнями. Радикальный случай был описан А.И. Солженицыным в романе “В круге первом”. Один из его героев — высокообразованный человек, хорошо знающий русский язык, — повинуясь высокому принципу, в разговоре с собратьями использовал только слова со славянскими корнями. Мучался он ужасно, но каждый раз умудрялся подобрать какие-нибудь устаревшие словесные формы. Подобное упорство способно вызвать искреннее уважение. Но мы понимаем, что возможности здесь далеко не безграничны. И неудивительно, что быть столь же последовательными, как герой солженицынского романа, новоявленным “славянофилам” не удастся. Вместе с продуктами подлинного национального словотворчества постоянно используются “подозрительные” с точки зрения своего происхождения термины — капитализм, постиндустриальное общество, человеческий капитал, глобализация. Такими терминами, кстати, была обильно удобрена упомянутая выше новая политическая экономия города N. Что это за термины? Это обозначение концепций откровенно западного происхождения, которые тем не менее в любом “славянофильском” тексте встречаются через предложение. Итак, получается, что западные концепции мы применять не хотим, но термины активно заимствуем, потому что своих слов не хватает. При этом возникает неловкое ощущение: зачем все это нужно? Если только это не специальная игра для собственного удовольствия и развлечения окружающих. Если же читатель думает, что нашими современниками подобные попытки использования слов со славянскими корнями для наименования “новых теорий” не делаются, то допустит очевидную ошибку. И разве мы с Вами не встречали подобных примеров?

⁴ Следует признаться, что на рубеже 1990-х годов автор данных строк сам не избегал подобного соблазна, опубликовав на перестроечной волне несколько статей о концепции “этакратизма” — выдуманного слова, сложенного из французского и греческого корней (см., например: *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социализм или этакратизм // Народный депутат. 1990. № 10. С. 6—14; *Их же.* Власть и собственность // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 50—61). Не отказываясь в принципе от написанного ранее, сегодня я бы подобный прием применять уже не стал.

Есть более фундаментальный и в каком-то смысле более достойный путь — проследить и оформить некую российскую национальную теоретическую традицию и пытаться ее продолжать. Работ по этому поводу пишется немало. Например, когда речь заходит об экономической социологии, выделяются четыре российских классика — М.И. Туган-Барановский, отец С.Н. Булгаков, А.В. Чаянов и Н.Д. Кондратьев. Действительно, во всех случаях речь идет об очень интересных и оригинальных мыслителях. Есть только две проблемы. Первая: все они являются политэкономами, моральными философами — кем угодно, но не собственно социологами, к стану которых их настойчиво приписывают. Второе: их идеи слишком оригинальны. И в какие-либо традиции вписываются с большим трудом, а также плохо сопрягаются друг с другом⁵. В целом, как это ни горько, приходится вновь согласиться с мнением А.Ф. Филиппова: “Никакой ориентации на русскую социологию как теоретически состоятельной позиции сейчас не может быть. Она остается областью интереса историков”⁶. И не потому, что в России не было ярких мыслителей, а потому, что им не удалось заложить классических теоретических традиций.

В целом проблема заключается не в том, что на российской земле ощущается острая нехватка оригинального мышления. Его как раз было и будет предостаточно. Чего нам действительно не хватает, так это теоретизирования. Но для того чтобы пояснить этот пассаж, надо разобраться с тем, что мы понимаем под “теорией” в социальном исследовании.

Почему в России нет своих теорий

Что такое теория и чем она отличается от простых нетеоретических суждений? Сформулируем исходное определение: *теория — это совокупность логически связанных и верифицируемых (проверяемых) утверждений.*

⁵ Некоторое исключение составляют А.В. Чаянов и Н.Д. Кондратьев, но любопытно, что их труды повлияли на формирование скорее западной, нежели российской традиции.

⁶ См.: Филиппов А.Ф. Теоретическая социология // Социологические чтения. Вып. 2. М.: Ин-т “Открытое общество”: Институт социологии РАН, 1997. С. 264.

Подобное определение является широко распространенным, и, думаю, большинство коллег готовы его принять. А между тем здесь отсутствует совершенно принципиальное требование, без которого теория просто не в состоянии сформироваться. Вместе с этим дополнительным требованием наше определение, уложенное в форму “правила”, выглядит так.

Правило 70. Под теорией следует понимать совокупность логически связанных и проверяемых утверждений, которые признаются в качестве теории определенной частью профессионального сообщества.

Иными словами, теория предполагает помимо логических рассуждений наличие некой конвенции о том, что эти логические связи образуют теорию. Конечно, в данном определении содержится изрядный элемент тавтологии: по сути теорией является то, что воспринимается как теория. Но теория — это нечто большее, чем продукт отдельного воспаленного ума. Это надындивидуальный продукт, результат социальных коммуникаций. Верификация теории и ее признание производятся не абстрактным механизмом с встроенными критериями истинности и объективности, а представителями профессионального сообщества. Конечно, само по себе достижение конвенции еще не порождает теории, но если сообщество не признает чьих-то построений в качестве теории, то они навсегда останутся просто умными (или не очень умными) мыслями.

С этой точки зрения “новая политическая экономия” уездного города N или любая “новая социология”, если она не известна за пределами родной области, имеет сомнительный статус, независимо от ее содержания, которое просто не может быть оценено подавляющим большинством исследователей. Само по себе построение логического конструкта где-нибудь в Верхнем Волочке или Южном Бутово г. Москвы не превращает этот конструкт в теорию. Нужна еще деятельность по продвижению этого конструкта в профессиональное сообщество, его превращению в “теорию-для-других”.

Добавим, что конвенция по поводу той или иной теории не может быть всеобщей, она распространяется, как правило, на какую-то часть профессионального сообщества. И в этом смысле значимость любой концепции относительна. Должна появиться некая критическая масса исследователей, способных воспринимать и воспроизводить данный теоретический конструкт.

Подобный взгляд попутно помогает нам выработать отношение к неопубликованным “теориям”, которые, как мы порою надеемся, дожидаются своего звездного часа в пыльных ящиках авторского стола, чтобы через какие-нибудь полвека осчастливить человечество. Нужно относиться к ним как к набору символов, изображенных на бумаге или занесенных в компьютерный файл. Возможно, перед нами “потенциальная теория”, но не более того. Теория должна работать как таковая. Если же она осталась неопубликованной, то исследование, увы, нереализовано.

Приведенные рассуждения отвечают и на сакраментальный вопрос, почему в современной России отсутствуют теории и вообще систематическая деятельность по выработке теоретических конвенций в социальных науках. Подобная ситуация порождается не отсутствием умных и образованных людей, хотя одного ума для собственно теоретической работы недостаточно. Она возникает из недостаточности и разорванности профессиональной коммуникации, которые сами по себе тоже являются свидетельством недостаточной квалификации исполнителей.

Порою задается вопрос: а в советское время разве не существовало оригинальных российских теорий? Повторим, что в оригинальности у нас никогда недостатка не было. Кроме этого, проводились многочисленные и весьма ценные эмпирические исследования. И, например, социология, на которую мы ссылаемся в своих примерах, активно развивалась. Но существовала ли при этом советская социологическая теория — большой вопрос. Казалось бы, советские идеологи решительно настаивали на самостоятельности и сугубой специфичности социалистического учения. Но посмотрим, из чего выстраивались советские методологические конструкты. Прежде всего из постулатов ортодоксального марксизма, который, заметим, по всем параметрам является западной теорией. Кроме этого, продвинутые гуманитарии читали западные книжки, а также изучали то, что делалось коллегами из стран Центральной и Восточной Европы, которые послужили для нас мощными трансляторами западной, в первую очередь англосаксонской мысли функционалистского толка. Мы были отгорожены и оторваны, но продолжали таскать куски с того же стола, не имея возможности брать открыто.

Доморощенные изыскания, кстати сказать, в советское время вовсе не приветствовались. За соблюдением конвенций зорко следили чуткие стражи партийно-методологического порядка. Поэтому подобные теории — продукт скорее постцензурной эпохи.

Возникает следующий вопрос: как выстраивать новые конвенции и налаживать профессиональную коммуникацию, т.е. как создавать пространство для теоретической работы? Напрашивается “очевидное” правило.

Правило 71. Наиболее эффективным способом формирования пространства для теоретической работы является использование существующих западных концептов.

Не потому, что западные исследователи самые умные, и не потому, что их построения лучше объясняют российскую действительность, но в первую очередь потому, что их концепты в нынешних условиях являются наилучшим способом *понимания друг друга* в профессиональном сообществе, в том числе и в российском. Значительно лучшим, чем эклектичные доморощенные построения местечковых эзотериков.

Каждый из нас имеет право на личную точку зрения, мы можем настаивать, чтобы коммуникация организовывалась на суахили, эсперанто или любом другом языке. Но эффективнее учить английский (или по крайней мере начинать с английского), ибо в сложившейся практике — это основной язык профессионального сообщества, материал, из которого изготавливается подавляющая часть концептуальных продуктов.

Из наших рассуждений вытекает еще одно правило.

Правило 72. В настоящее время не существует никаких других теорий, кроме западных.

И в этом нет ничего обидного или посягающего на национальное достоинство. Просто научные теории в том виде, в каком мы обучены их воспринимать и воспроизводить, являются плодом западного рационализма. Это придумано не нами, и повернуть историю вспять вряд ли возможно. Так, например, и правила игры в большой теннис тоже выдуманы не нами. И, может, даже кому-то из нас эти правила не нравятся — площадка кажется длинной, сетка высокой, джентльменское поведение игроков на корте слишком манерным. И что же нам теперь делать — отказаться от этой игры? Или начать навязывать свои правила?

Означает ли это, что у нас полностью отсутствует всякий выбор? Нет, выбор есть — можно отойти в сторону. Есть масса других способов чудного времяпрепровождения — медитация, вчувствование,

вглядывание, вживание, наконец, можно заняться прикладной деятельностью. Но если мы все же претендуем на статус исследователя, то придется считаться с существующими правилами и вдобавок смириться с тем, что они придуманы не нами. А значит, в том числе учить иностранные языки и читать “чужие” книги.

Итак, мы обречены на то, чтобы работать с западным концептуальным аппаратом. Возникает вопрос: как с ним работать?

Как использовать западные концепции

Обращаться с западными концепциями можно по-разному. Первый путь — простое подражание и копирование, когда работы делаются по заимствованному образцу, без особых фантазий. Так трудится, словами А. Богатурова, “поколение переводчиков”. Второй путь связан с производством “экспортных вариантов”. В этом случае работы делаются по актуальной российской проблематике, непременно интересующей западного читателя или заказчика, и подгоняются под каноны, которые позволяют надеяться на их заведомое одобрение. Видимо, следует по аналогии назвать этих ученых “поколением экспортеров”. Есть и другие производные формы, которые иногда граничат с интеллектуальной проституцией, но при этом требуют достаточно высокого профессионализма, ибо соблюсти означенные “экспортные” каноны все же не так просто — нужно специально учиться, целенаправленно двигаться в этом направлении.

Теперь возьмем более интересный случай, когда исследователь не подстраивается ни под кого в грубой и прямолинейной форме. И здесь мы сталкиваемся с набором клише, которые серьезно затрудняют работу. Посмотрим на эти клише, взяв в качестве примера популярную теорию рынка. Рассуждения российских теоретиков, как правило, строятся на следующих стереотипных предположениях.

1. Рынок есть система хозяйственных отношений, которая существует в развитых западных обществах и отсутствует в российской экономике.

2. Предлагаемые нам образцы западной теории рынка отражают реалии развитых стран, а российские реалии отражают очень слабо.

3. Российская экономика находится в процессе перехода к рынку, и процесс этот рано или поздно будет завершён.

4. Западная теория рынка предлагает идеальную модель, которая описывает то, к чему мы должны прийти через некоторое время, если не допустим грубых ошибок.

5. До завершения этого перехода нам нужна своя, российская теория переходного процесса.

Все эти стереотипы исходят в конечном счёте из одного базового предположения, что теория является отражением реальности. Сегодня она отражает чужую жизнь, завтра в результате наших направленных усилий она будет отражать нашу собственную жизнь, которая “подтянется” до своей идеальной формы. Это придаёт теории некий мистический характер — “второй реальности”. И порождает очередное досадное заблуждение. Почему мы думаем, что эта концепция отражает некие западные реалии? Ведь давно известно, что концепция рынка — это аналитический конструкт, изображение идеального типа, который в подобном виде никогда и нигде не существовал и не будет существовать. А в качестве идеального типа данная концепция одинаково применима и на Западе, и на Востоке. Только результаты ее применения будут разные. Но они и не должны быть одинаковыми.

Чтобы подойти к альтернативному выводу, рассмотрим изучаемую реальность в виде не слишком строгого метафорического образа. Представим, что мы находимся в темном помещении, где на столе лежит плохо различимый предмет. Никакой теории как “отражения реальности” у нас пока быть не может, могут быть только голые догадки, ибо мы фактически ничего не видим. “Зеркало реальности” демонстрирует полную темноту. Для того чтобы увидеть объект нашего интереса, мы берем фонарь, направляем луч света и обнаруживаем, что перед нами красивый кокосовый орех. Мы пока ничего не знаем о содержимом этого ореха, но хотим знать, какой он на вкус и есть ли в нем для нас какая-то польза. Фонарь нам уже ничем не поможет. Если теория — это “отражение реальности”, т.е. своего рода зеркало, то мы должны поднести это зеркало к ореху и увидеть его отражение с разных сторон. Много ли это добавит к нашему знанию? Не очень многое. Ибо для того чтобы продвинуться в понимании, на данном этапе надо совершить более грубую операцию — взять нож и расколоть орех пополам. И тогда мы получим возможность узнать что-то о его полезных свойствах.

Интересно, что ни фонарь, ни нож не являются никакими отражениями реальности. По удачному метафорическому определению экономиста Дж. Робинсон, теория — это ящик с инструментами. Эти инструменты — лишь орудия, при помощи которых мы целенаправленно воздействуем на реальность, представляя ее понятным для нас образом. Так вот, теории и другие аналитические конструкты служат не слепком с реальности, но скорее ящиком с инструментами, которые подбираются нами в зависимости от поставленной задачи. Инструменты — другая по характеру реальность, которая используется нами для изучения объекта. Только мы не воздействуем на него физически, а высвечиваем и “раскалываем” объект с помощью предположений о наиболее значимых связях и факторах, объясняющих эти связи.

Используя данную метафору, вернемся к рассмотрению сформулированных выше пяти стереотипных постулатов о применении концепции рынка. Из них следует общее заключение, которое, смею утверждать, разделяется абсолютным большинством социальных исследователей: *западные теории должны адаптироваться к российским реалиям.*

Мы слышим это утверждение на каждом углу как нечто само собой разумеющееся. И это довольно неприятное заблуждение с точки зрения его последствий для исследовательской работы.

Возьмем наиболее простой пример. Сегодня практически всем известна трактовка М. Вебером четырех типов социального действия — целерационального, ценностно-рационального, аффективного и традиционного. Бесспорно, это западный концепт. Теперь скажите на милость, что нам в данном случае нужно “адаптировать” или “достраивать”? Принципиальный вопрос состоит не в том, как приспособить данную типологию к российским реалиям (она в подобном приспособлении не нуждается), а в том, чтобы решить, будем мы ее использовать или обратимся к другим, более эффективным с нашей точки зрения инструментам. Таким образом, нужно не “достраивать”, кореза с неумным энтузиазмом чужие понятийные схемы, а уметь их использовать — в нужное время и применительно к решению адекватных задач. А если и говорить о “достраивании”, то не следует понимать его как пристройку к западным теориям. Вместо этого мы должны использовать эти теории как строительные блоки, чтобы возвести свое собственное здание — по оригинальному, но при этом тщательно вычерченному и реалистичному проекту.

Можем ли мы здесь выдумать что-то свое? Да, конечно. Если мы собираемся копать землю, в принципе мы можем заново изобрести и изготовить каменную или деревянную лопату, и никто не вправе нам помешать. Но возникает вопрос: а не лучше ли взять уже имеющуюся наточенную титановую лопату или, если нужно вырыть большой котлован, пригнать экскаватор (пусть даже он будет зарубежного производства)? Это вопрос нашего личного исследовательского выбора, и заставлять нас применять экскаватор никто не вправе. Однако любому случайному прохожему будут ясны последствия нашего выбора: работа на экскаваторе окажется менее экзотичной, но скорость вырастет в сотни раз. Мы, конечно, способны изобрести и свою, более производительную машину, чем придуманный чужими головами экскаватор. Но для этого нам сначала придется изучить его строение и принципы работы, чтобы не заниматься художественной лепкой из хлебного мякиша. Мы страдаем от дефицита интерпретативных возможностей не потому, что используем неподходящие западные инструменты, а потому, что не умеем как следует ими пользоваться. И “некритическое заимствование” западных теорий — не главная беда. Главное, что часто при обилии нахватанных кусков и обрывков так и недостает общей методологической культуры, чтобы сшить пусть лоскутное, но по крайней мере целое одеяло. Сформулируем еще одно важное правило.

Правило 73. Аналитические инструменты относительно нейтральны по отношению к реальности.

Это означает, что все они — неодоушевленные орудия в наших руках, служащие не чем иным, как продолжением нашей воли и реализацией нашего интереса. Мы можем их использовать, а можем откладывать в сторону. Причем для того, чтобы извлечь пользу из аналитических инструментов, зачастую ничего не надо “адаптировать”. Надо, во-первых, знать об их существовании, во-вторых, следить за их исправностью, т.е. достаточной целостностью и логической непротиворечивостью, а в-третьих, надо уметь ими пользоваться. В умелых руках они оказываются применимыми практически в любых условиях. И здесь мы приблизились к очередному, возможно, самому спорному правилу.

Правило 74. Все социальные теории и аналитические инструменты в конечном счете применимы для любых обществ в любые периоды времени.

Только надо сообразить, к каким сферам их приложить. И применять их способны как местные, так и заезжие исследователи, хотя у местных аналитиков всегда есть естественные преимущества (стены помогают). Мы понимаем, что очень многие с этим выводом не согласятся. И даже у тех, кто готов принять эту мысль на логическом уровне, она часто плохо приживается на уровне исследовательской практики. Простые вещи быстро проникают в наше сознание и столь же быстро его покидают.

История четвертая — о применимости теории. Одной из моих аспиранток была написана хорошая эмпирическая работа, где в качестве основной задачи ставилось доказательство применимости некоей западной концепции к российской действительности. Я потратил немало времени и аргументов, чтобы убедить ее в ложности, смещенности данного вопроса. С моей точки зрения, вопрос “Применима ли теория?” является праздным. Ибо, конечно, она применима (как и все другие теории, если только они внутренне не противоречивы). Главный вопрос — какие картины действительности можно с ее помощью нарисовать. Есть масса инструментов, используя которые, мы в состоянии изобразить множество видов одного и того же объекта. Такие картины различаются между собой, и нет какого-то универсального критерия, чтобы отделить “верные” и “неверные” изображения, а следовательно, выявить “применимые” и “неприменимые” концепции. Они различаются более или менее богатым набором изобразительных средств и своим воздействием на сообщество — значимостью для нас самих. В нашем споре я старался быть убедительным, и со мной в принципе соглашались. Но не уверен, что мне удалось окончательно внедрить свою мысль.

Правило об общей применимости социальных теорий нуждается в двух важных оговорках. Первая — *применимость концепции не означает, что она объясняет всю картину в целом.* На это не способна никакая теория (ни западная, ни российская). И именно это многих из нас не удовлетворяет. Нам непременно подавай “гранд-теорию” или “наддисциплинарную методологию”, на меньшее мы не согласны. Мы почему-то уверены, что “национальная теория” должна быть чем-то большим и всеохватным, проецироваться на все общество. В итоге неумеренные амбиции при плохо поставленном дыхании начинают кружить головы.

Вторая оговорка — *применимость концепции не означает, что используемый инструмент совершенен.* Всякая концептуальная или методическая схема накладывает серьезные ограничения, добавок

инструмент имеет свойство устаревать и в этом смысле не может нас полностью удовлетворить. Живая мысль всегда требует большего — выхода за очерченные рамки. Поэтому вместо того, чтобы просто принимать концепции, следует работать с ними. Нужны дополнительные усилия по оттачиванию инструмента, его примериванию к исследовательским задачам, перенастройке отдельных параметров. С этой точки зрения проблемы адаптации к местным условиям, конечно, существуют. Если мы собираемся использовать городской автомобиль в условиях хронического бездорожья, то нелишне подумать об усилении подвески.

Но здесь возникают две серьезные опасности. Первая состоит в нарушении внутренней логики концептуальных схем и возникает из привычки доводить электронные приборы с помощью кувалды. Между тем наши действия должны быть адекватны исходной схеме. Вторая опасность — можно так увлечься “адаптацией”, что потерять из виду всякие исследовательские цели. Существует немало энтузиастов, которые, погружаясь в проблемы “доводки” и “модификации”, забывают о главном: на машине нужно ездить. Также и западные концепции: их надо целенаправленно и систематически использовать.

Использование западных концепций — дело в целом отнюдь не безнадежное. Ибо они, как правило, изначально формируются как универсальные инструменты (а не как, скажем, политические экономии штата Айова или штата Калифорния). И это облегчает нашу задачу. Конечно, все без исключения конструкты в социальных исследованиях не являются ценностно нейтральными. Напротив, они сильно нагружены идеологемами. Но построения, выполненные в духе западного рационализма, имеют встроенный и весьма сильный элемент рефлексивности, который не позволяет избавиться от идеологических и ценностных наслоений, но помогает относительно легко их эксплицировать. Острые аналитического инструмента легко направляется на сам инструмент. И при минимальном рефлексивном контроле эти претендующие на универсальность схемы легко превращаются в орудия нашей направленной воли и нашего осмысленного интереса.

Как же все-таки использовать западные концепции? Наш ответ таков: нужно их использовать самым циничным образом. Причем *цинизм* в данном случае — не эпитафия, а выражение содержательной позиции. Что имеется в виду под “цинизмом”? Во-первых, не надо фетишизировать аналитические инструменты, позволяя им заслонять собою исследуемые объекты (мы же не собираемся

молиться на лопату или экскаватор). Любой инструмент имеет зримые ограничения и не в состоянии решить все интересующие нас вопросы. А во-вторых, инструмент должен быть отстранен от исследователя, мы не можем позволять ему подчинить нашу волю и интересы. У многих из нас есть тенденция восторгаться методом своих исследований. А инструмент должен знать свое место. Мы вправе в любой момент отложить его и взять другие, более подходящие инструменты. Восторженное западничество нам не нужно в той же степени, как и домотканое почвенничество.

Возможно ли возникновение русской социальной теории

Мы переходим к заключительному вопросу, чрезвычайно важному с идейной точки зрения, — о возможности формирования русской национальной социальной теории. Ее *пока* нет, или она невозможна *в принципе!* Может показаться, что сам вопрос о “национальной теории” неуместен. Разве мы не знаем о том, что все подвержено единому процессу глобализации, стирающему национальные границы? И разве схемы этого всеобщего порядка не задаются западными стандартами? Ответ автора данных строк, кажется, известен заранее, подготовлен всем предшествующим изложением. И тем не менее, хотя сегодня трудно нащупать почву для оптимизма, мне кажется, что *русская национальная теория необходима*. Проясним этот неожиданный тезис на примере социологии.

Социология как социальная дисциплина не только отражает некое состояние сообщества, но сама является важным элементом этого сообщества. Связь здесь самая тесная. Теория в конечном счете является выражением запросов и претензий данного сообщества, а у разных сообществ претензии, видимо, сильно различаются. Конечно, это суждение требует подробного обоснования, но не исключено, что и без специальных обоснований многие с этим предположением согласятся.

В том, что будет сказано ниже, нет ничего обидного для тех или иных национальных сообществ. Но я полагаю, что, скажем, Румыния или Мексика не имеют серьезных претензий на то, чтобы иметь подлинно национальную социологию. И потому они могут себе позволить ее не иметь. США тоже могут не стремиться к

созданию национальной теории в узком смысле, но по совершенно иным причинам. Претензии американцев столь огромны, что все их социальные концепции создаются как универсальные конструкты. Они искренне претендуют на всеобщность (неспецифичность) своей национальной теории. А вот, например, с французской социологией дело обстоит по-другому. У французов отсутствуют сходные возможности для культурного империализма, однако они не хотят отказываться от статуса по крайней мере одного из мировых культурных центров. Отсюда постоянное стремление к противостоянию доминирующей англосаксонской традиции, попытки отстоять свой язык и свой понятийный аппарат путем формирования специфических теорий и предложения особых стилей мышления. Другая история с Германией, которая сегодня в большей степени открылась англосаксонским веяниям, но имеет мощные корни в истории классической социальной мысли. Немецкая национальная мысль дала миру основных классиков социологической теории — К. Маркса, М. Вебера, Ф. Тенниса, Г. Зиммеля, В. Зомбарта.

А что же Россия? Еще раз повторю, что российская теоретическая мысль едва ли просматривается, и нет очевидных свидетельств в пользу ее появления. Но при этом важно понять следующую важную вещь: *Россия не может не претендовать на создание национальной теории.*

Более того, отказ от подобных претензий будет иметь для социальных дисциплин в России весьма плачевные последствия. Это вопрос исторической памяти и социальных амбиций. Россия — одна из великих имперских наций, и не в нашей власти отказаться от этих амбиций, независимо от того, в какой степени они обоснованы на данный исторический момент. Англия давно перестала быть мастерской мира, но в составе Великобритании постоянно заботится об особом позиционировании по отношению не только к заокеанским, но и к европейским державам. Число подобных наций весьма ограничено, но Россия, несомненно, входит в их состав. И это обязывает.

Поэтому мы обречены на работу по созданию российской теории, даже если эта работа с очень высокой вероятностью потерпит полную неудачу. Как же организовать эту работу? Вместо того чтобы кричать “Ура! Даешь российскую теорию!” и бросаться что-то выдумывать, нужно хорошо осмотреться, пополнить свой ящик с инструментами и выработать навыки работы с этими инструментами, где бы они ни были произведены. Постараемся усвоить заключительное правило.

Правило 75. Национальная специфика теории определяется не типом используемых инструментов, а типом решаемых задач.

Главное не то, чем мы пользуемся, а то, что мы делаем. Если мы работаем на японской технике, это не означает, что мы получим японский продукт. Все зависит от наших идей и наших рук.

Именно такое понимание дает нам шанс на организацию “встречного потока” теоретических обобщений по отношению к западному потоку⁷. Это не означает непременных попыток бить влет, не разбирая, все непонятное, что появляется “с той стороны”. Куда вернее поймать мяч, технично его обработать и послать назад, завязав игру-диалог. Пока подобный диалог не завязывается, ибо один поток идет в наши ворота, не встречая никаких защитных порядков, а наш “встречный поток” устремляется в никуда. Причем каждый предпочитает пробиваться один, не владея культурой изящного паса и комбинационной коллективной игры.

Что означает создание национальной теории? Каким требованиям она должна отвечать? Национальная теория должна обладать свойством *распознаваемости*. Оно включает два непременных условия. Ее продукт должен быть оригинален и одновременно понятен для других. Первое требование связано с необходимостью формирования специфических стилей мышления. В соответствии со вторым требованием продукт должен восприниматься другими, не теряя своей специфичности. Так, если российский исследователь уехал в Чикаго и интегрировался в чикагскую школу, то он(а) не перестает быть российским исследователем, но и не создает при этом российской теории. В той же мере чужд этой работе и кустарь-одиночка с мотором собственного изобретения, которым не может пользоваться никто кроме изобретателя. Создавать “свое” — не значит идти в параллель с другими.

Немецкая классическая философия и социология стали мировым достоянием, не потеряв при этом своей “национальной специфики”. Более того, именно благодаря этой специфике они завоевали мир социальных наук и стали подлинно “национальными”. России тоже не закрыт этот путь. Но это возможно только при условии формирования особых стилей мышления, которые выходят за пределы выдумывания доморожденных теорий и обладают высокими способностями к интегрированию в более широкие межнациональные сообщества. Готовы ли мы к такой работе?

⁷

См.: Богатуров А. Десять лет парадигмы освоения. С. 198.

Заключение

Прочитав (просмотрев, пробежав) эту книгу, читатель вправе спросить: а зачем все это занудство? К чему следовать всем этим многочисленным правилам, тем более, часто окружающие от нас этого вовсе и не требуют? Стоит ли так подробно описывать подноготную проекта, если, скорее всего, никто эту работу повторять не станет? Зачем вообще отягощать творческий процесс сухими и бесчеловечными регламентами?

Нам кажется, что высший класс для профессионала состоит в том, чтобы, овладев техникой ремесла и сведя выполнение правил на полуавтоматический уровень, освободить силы для содержательной работы. А если скучно следовать всем этим премудростям, если становится невмоготу, то лучше не тратить время попусту и покинуть данную область. В мире еще столько интересного, помимо исследовательских занятий.

Некоторые коллеги, когда им указывают на очевидные нарушения правил, беззаботно отмахиваются или говорят: “А вот я работаю именно так”, намекая на какое-то своеобразие собственной персоны и особенности личного стиля. В ответ хочется заметить, что стиль определяется не погрешностями и нарушениями стандартов. Кстати сказать, эти погрешности большей частью похожи друг на друга и из общей массы нас не выделяют. А настаивать на таком “своеобразии” — все равно, что использовать к месту и не к месту ненормативную лексику, считая, что обогащаешь язык.

Несложно предугадать появление сомнений на лицах части профессиональной публики. Одни откажутся принять полуразговорный стиль нашей книги, предпочитая “звериную серьезность” в постановке и решении формальных вопросов. Другие, напротив, могут усомниться: а нужно ли раскладывать все по полочкам, способствуя процессу разволшебствования науки, не лучше ли сохранять атмосферу таинства, поддерживать вокруг исследовательского труда ауру сакральных действий? Может, такая аура и не помешает, но, на наш взгляд, лучше в игру по нагнетанию таинственности не заигрывать. А главное, нужно вывести из этой игры область обучения ремеслу, сделав инструкции прозрачными и по-своему простыми. При этом дорога к творчеству отнюдь не закроется, останется место и для интуитивных озарений, и для неожиданных фактов. Ибо чем проще правила и чем лучше мы их соблюдаем, тем в более сложные игры мы сможем играть. Конечно, постижение тайн владения ремеслом способно несколько приземлить неопитов, лишить их части первоначального энтузиазма, но зато поможет избежать тяжелых разочарований в будущем.

Разволшебствование профессиональной деятельности также не означает ее тотальной формализации. Напротив, мы пытались показать, что формальные каноны, как правило, подпираются неформальными соглашениями и компромиссами. И на протяжении книги мы периодически проникали за фасад проектной деятельности, чтобы посмотреть, как реализуются правила и конвенции в профессиональном сообществе.

Встав на неформальную точку зрения, мы обращаем взор на самих себя и признаем, что профессионалы — это не воплощение абстрактных ролевых требований, а живые люди со своими личными пристрастиями и человеческими слабостями. Но самое интересное из того, что мы в состоянии увидеть, — это не слабости отдельных людей, а то, какими способами организуется профессиональное сообщество.

* * *

Итак, предположим, нам удалось реализовать самостоятельный исследовательский проект — от “чистой” идеи до презентации результатов; мы не только поняли, но и практически освоили профессиональные правила и процедуры, соблюдая их на протяжении полного проектного цикла; нам удалось разрешить трудности, неизбежно возникавшие на нашем пути. Что теперь? А теперь наш долг — поделиться накопленным опытом со своими коллегами, обеспечить воспроизводимость этого опыта.

Кроме обучения и самообучения в ходе исследований, освоение практических навыков исследовательского ремесла должно стать элементом образовательного процесса. Напомним, что первоначальный проект этой книги вырос из попыток ответить на типичные вопросы, которые задают студенты, аспиранты и молодые исследователи своим преподавателям и руководителям, а также из непрестанных жалоб самих коллег — научных руководителей, экспертов фондов, редакторов журналов — на низкое качество подготовки и презентации промежуточных и “финальных” продуктов (как учебных, так и исследовательских). Так что потребность достаточно велика. Известно также, что для нанесения “упреждающего удара” во многих вузах студентам и магистрам уже начали читать соответствующие курсы, организовывать разного рода практикумы. Мы считаем это проявлением мудрой политики. Мы убеждены, что подобные курсы и практикумы должны стать неотъемлемым элементом всякой серьезной образовательной программы, которая не ограничивается простой передачей фиксированной суммы знаний, а стремится выработать у своих слушателей навыки самостоятельной профессиональной работы.

Выборочная Библиография

Альберт Ю.В. Списки литературы в научных изданиях: Составление и оформление. Киев: Наукова думка, 1988.

Андреенков В.Г., Маслова О.М. Методы сбора социологической информации: Метод, пособие. М.: Ин-т социол. исслед. АН СССР, 1985. Вып. I, II.

Аристер Н.И., Загузов Н.И. Процедура подготовки и защиты диссертаций. М.: АОЗТ "Икар", 1995.

Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 1995.

ГОСТ 7.1.84. Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления. М.: Изд-во стандартов, 1984.

Гречихин А.А., Древе Ю.Г. Вузовская учебная книга: Типология, стандартизация, компьютеризация: Учеб.-метод. пособие в помощь авт. и ред. М.: Логос: МГУП, 2000.

Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1998.

Как провести социологическое исследование / Под ред. М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги. М.: Политиздат, 1985.

Калинин С.Ю. Библиографический аппарат научной публикации // Библиография. 1993. № 2. С. 36—45.

Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.

Козина И. М. Особенности применения стратегии исследования случая (case study) при изучении производственных отношений на промышленном предприятии // Социология 4М. 1995. № 5—6.

Кузин Ф.А. Дипломная работа. М.: Изд-во МПИ, 1990.

Кузин Ф.А. Кандидатская диссертация. Методика написания, правила оформления и процедура защиты. М.: Ось-89, 1997.

Кузин Ф.А. Магистерская диссертация. Методика написания, правила оформления. М.: МАМАРМЕН, 1993.

Кузин Ф.А. Магистерская диссертация. Методика написания, правила оформления и процедура защиты. Практическое пособие для студентов-магистрантов. М.: Ось-89, 1998.

Лекции по методике конкретных социальных исследований / Под ред. Г.М. Андреевой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

Маслова О. М. Качественная и количественная социология: методология и методы (по материалам круглого стола) // Социология: 4М. 1995. № 5-6.

Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью / Пер. с англ. под ред. С.А. Белановского. М.: Ин-т молодежи, 1991.

Методы сбора информации в социологических исследованиях / Под ред. В.Г. Андреевкова и О.М. Масловой. М.: Наука, 1990.

Ожегов С.И. Отчет о научно-исследовательской работе. Общие требования и правила оформления. ГОСТ 7.32.81. М.: Изд-во стандартов, 1981.

Основы прикладной социологии: Учебник для вузов / Под ред. Ф.Э. Шереги и М.К. Горшкова. М.: ИНТЕРПРАКС, 1996.

Петренко Е.С., Ярошенко Т. М. Практикум по прикладной социологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.

Призмент Э.Л., Динерштейн Е.А. Вспомогательные указатели к научным изданиям. М.: Книга, 1988.

Рабочая книга социолога / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Ин-т социол. исслед. АН СССР, 1976.

Сонер П. Составление библиографического описания: Краткие правила // Междунар. каталогиз. комис. при Гос. биб-ке СССР им. В.И. Ленина. 2-е изд., перераб. М.: Книга, 1985.

Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1995.

Ядов В.А. Стратегии и методы качественного анализа данных // Социология: 4М. 1991. № 1. С. 14-31.

Becker H.S. Writing for social scientists. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1986.

Britton J. et al. The Development of Writing Ability. L.: Macmillan, 1975.

Elbow P. Writing with Power: Techniques for Mastering the Writing Process. N.Y.: Oxford University Press, 1981.

Semberg D. How to Complete and Survive a Doctoral Dissertation. N.Y.: St. Martin's Press, 1981.

Zinsser W. On Writing Well: An Informal Guide to Writing Nonfiction. N.Y.: Harper and Row, 1980.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
О ЧЕМ ЭТА КНИГА	3
ЗАЧЕМ ЭТА КНИГА.....	5
Для кого эта книга	7
Откуда эта книга	7
О СТРУКТУРЕ КНИГИ	8
Нужно ли писать исследовательскую программу	10
ГЛАВА 1 ПРАВИЛА НАПИСАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА И ЗАЯВКИ НА ЕГО ФИНАНСИРОВАНИЕ	10
НЕТ НИЧЕГО БОЛЕЕ СЛОЖНОГО, ЧЕМ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	12
КАК СФОРМУЛИРОВАТЬ ПРОБЛЕМУ, ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	15
СЛЕДУЕТ ЛИ РАСШИРЯТЬ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ	17
НАСКОЛЬКО ВРЕДНЫ ГИПОТЕЗЫ	21
РАСКРЫВАТЬ ЛИ МЕТОДЫ СБОРА ДАННЫХ.....	23
ЕСТЬ ЛИ У НАС ПЛАНЫ И ЗАДЕЛЫ.....	26
КАК БОРОТЬСЯ СО СМЕТОЙ.....	28
КАК ПОЛУЧИТЬ ДЕНЬГИ НА ПРОЕКТ	30
ПАМЯТКА ПО СОСТАВЛЕНИЮ РЕКОМЕНДАЦИЙ.....	31
ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ПРОЕКТА	34
ГЛАВА 2 ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	36
ИССЛЕДОВАНИЕ — ЭТО НЕ СБОР ВПЕЧАТЛЕНИЙ	38
ТРЕБОВАНИЯ К ЗАВЕДОМО НЕРЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ ВЫБОРКЕ	42
КАК ВЫХОДИТЬ НА РЕСПОНДЕНТА	44
Нужно ли иметь заранее подготовленный вопросник	47
КАК ОБРАЩАТЬСЯ С ВОПРОСНИКОМ	51
ОБЯЗАТЕЛЬНО ЛИ ФИКСИРОВАТЬ ПОЛУЧАЕМЫЕ ДАННЫЕ	53
СБОР ДАННЫХ — ЭТО НЕ ПОИСК ИНТЕРЕСНОГО.....	55
КАК ВЫБИРАЕТСЯ МЕТОД	56
ЧЕМ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫ КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ	58
ГЛАВА 3 ПРАВИЛА НАПИСАНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТОВ (ОТЧЕТЫ, СТАТЬИ, УЧЕБНЫЕ ЭССЕ)	61
ЛЕГКО ЛИ ПРИДУМАТЬ ЗАГОЛОВОК.....	62

Нужен ли предварительный план работы	65
О чем писать во введении и заключении	66
Как построить основной текст	68
Чего не хватает в наших аргументах	70
Типичные ошибки в письменных текстах	72
Что можно посоветовать по форме изложения	75
От чьего лица говорить	79
Как выбрать жанр работы	81
Сколько раз нужно редактировать текст	82
Как построить отношения с профессиональным редактором	83
ГЛАВА 4 ПРАВИЛА НАПИСАНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТОВ (ДИССЕРТАЦИИ И КНИГИ)	86
В чем смысл диссертационной работы	86
Как подготовить автореферат	89
Как организовать защиту диссертации	95
Что можно требовать от научного руководителя	100
Как построить книгу	103
Нужны ли нам соавторы	105
Как структурировать большие тексты	107
ГЛАВА 5 ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ИТОГОВОЙ РАБОТЫ	111
Что писать на титульном листе и в оглавлении	112
На что и на кого следует ссылаться	114
Что считать публикацией	118
Как сделать нужные ссылки	123
Как оформлять ссылки и сноски	127
Что включать в библиографический список	132
Как оформить библиографический список	134
Как делать библиографическое описание по российскому стандарту	136
Чего нужно избегать в оформлении таблиц и рисунков	142
Нужно ли проверять абсолютно готовый документ	146
ГЛАВА 6 ПРАВИЛА УСТНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОЕКТА	149
Как соблюсти регламент	152
Читать ли заранее заготовленный текст	155
Как использовать визуальный материал	157
Как контролировать внимание аудитории	162
Стоит ли развлекать аудиторию	166
Как взаимодействовать с аудиторией	168
Как задавать вопросы и оппонировать докладчику	170

КАК ВЫСТУПАТЬ В КАЧЕСТВЕ ОППОНЕНТА	172
ГЛАВА 7 ПРАВИЛА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАПАДНЫХ МОДЕЛЕЙ В СОЦИАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ*	175
Очередное пришествие западников и славянофилов?	176
Откуда берутся доморощенные теории	179
Почему в России нет своих теорий	182
Как использовать западные концепции	186
Возможно ли возникновение российской социальной теории	192
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	195
ВЫБОРОЧНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	198
ОГЛАВЛЕНИЕ	200
ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ	203
ОБ АВТОРЕ	204

Радаев В.В.

Р 15 Как организовать и представить исследовательский проект: 75 простых правил. — М.: ГУ-ВШЭ: ИНФРА-М, 2001. — 203 с.

Эта книга — для профессионалов или будущих профессионалов. Она для тех, у кого появилась хорошая идея и кто хочет начать свой (пусть небольшой, но собственный) исследовательский проект. Для тех, кто пока не имеет ни денег на этот проект, ни армии помощников, которые взяли бы на себя рутинную часть работы. В книге живым образным языком излагаются профессиональные правила и процедуры, которые нужно соблюдать на протяжении полного проектного цикла. При этом внимание читателя фокусируется на типичных трудностях и ошибках, которые возникают на пути студента или уже опытного исследователя. Вместо обычного перечисления абстрактных рецептов, книга суммирует личный авторский опыт, предлагая заглянуть за фасад профессионального сообщества и учиться ремеслу “изнутри”.

Для студентов старших курсов, аспирантов, преподавателей и исследователей в социальных и экономических науках, а также для представителей других дисциплин.

Редактор *Е. А. Рязанцева*

Художественный редактор *А. М. Павлов*

Корректор *А. М. Петров*

Компьютерная верстка *О. А. Корытько, Н. Е. Павлова*

OCR by Palek

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.

Подписано в печать 30.03.2001 г. Формат 60x90^{*/6}. Бумага офсетная
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Тираж 6000 экз. Уч.-изд. л. 11,8

Усл. печ. л. 12,69. Заказ 1915. Изд. № 167

ГУ ВШЭ. 117312, Москва, ул. Вавилова, 7а Тел.: (095) 134-16-41;
134-08-77 Факс: (095) 134-08-31

ГУП «Великолукская городская типография»

Комитета по средствам массовой информации и связям с
общественностью администрации Псковской области, 182100, Великие
Луки, ул. Полиграфистов, 78/12 Тел./факс: (811-53) 3-62-95 E-mail:

VTL@MART.RU

ISBN 5-7598-0102-3 (ГУ-ВШЭ)
ISBN 5-16-000681-8 (ИНФРА-М)

© В.В. Радаев, 2001

© Оформление, иллюстрации:
А.М. Павлов, 2001

© ГУ-ВШЭ, 2001

© ИНФРА-М, 2001

Об авторе

Радаев Вадим Валерьевич родился в 1961 г. Выпускник экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, проректор Государственного университета — Высшей школы экономики, заведующий кафедрой экономической социологии ГУ-ВШЭ. Профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук. Главный редактор электронного журнала «Экономическая социология». Автор около 150 научных работ, в том числе книг: «Социальная стратификация» (в соавторстве) (1995, 1996), «Экономическая социология: курс лекций» (1997, 1998, 2000) «Формирование новых российских рынков. Транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика» (1998) и др.

